

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ТИГР СТРЕЛКА ШАРПА

ТРИУМФ СТРЕЛКА ШАРПА

КРЕПОСТЬ СТРЕЛКА ШАРПА

The Big Book. Исторический роман

Бернард Корнуэлл

**Тигр стрелка Шарпа.
Триумф стрелка Шарпа.
Крепость стрелка Шарпа**

«Азбука-Аттикус»

1997-1998

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Тигр стрелка Шарпа. Триумф стрелка Шарпа. Крепость стрелка Шарпа / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 1997-1998 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-19610-0

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп. В романе «Тигр стрелка Шарпа» герой участвует в осаде Серингапатама, цитадели, в которой обосновался султан Типу по прозвищу Тигр Майсура. В романе «Триумф стрелка Шарпа» герой столкнется с чудовищным предательством в рядах английских войск и примет участие в битве при Ассайе против неприятеля, имеющего огромный численный перевес. В романе «Крепость стрелка Шарпа» героя заманят в ловушку и продадут индийцам, которые уготовят ему страшную смерть. Много испытаний выпадет на долю бывшего лондонского беспризорника, вступившего в армию, чтобы спастись от петли палача. И его судьба окажется накрепко сплетена с судьбой герцога Веллингтона, будущего победителя Наполеона при Ватерлоо.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19610-0

© Корнуэлл Б., 1997-1998

© Азбука-Аттикус, 1997-1998

Содержание

Тигр стрелка Шарпа	7
Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	42
Глава четвертая	59
Глава пятая	78
Глава шестая	96
Глава седьмая	114
Глава восьмая	130
Глава девятая	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Бернард Корнуэлл
Тигр стрелка Шарпа. Триумф стрелка
Шарпа. Крепость стрелка Шарпа

Bernard Cornwell

SHARPE'S TIGER

Copyright © 1997 by Bernard Cornwell

SHARPE'S TRIUMPH

Copyright © 1998 by Bernard Cornwell

SHARPE'S FORTRESS

Copyright © 1998 by Bernard Cornwell

All rights reserved

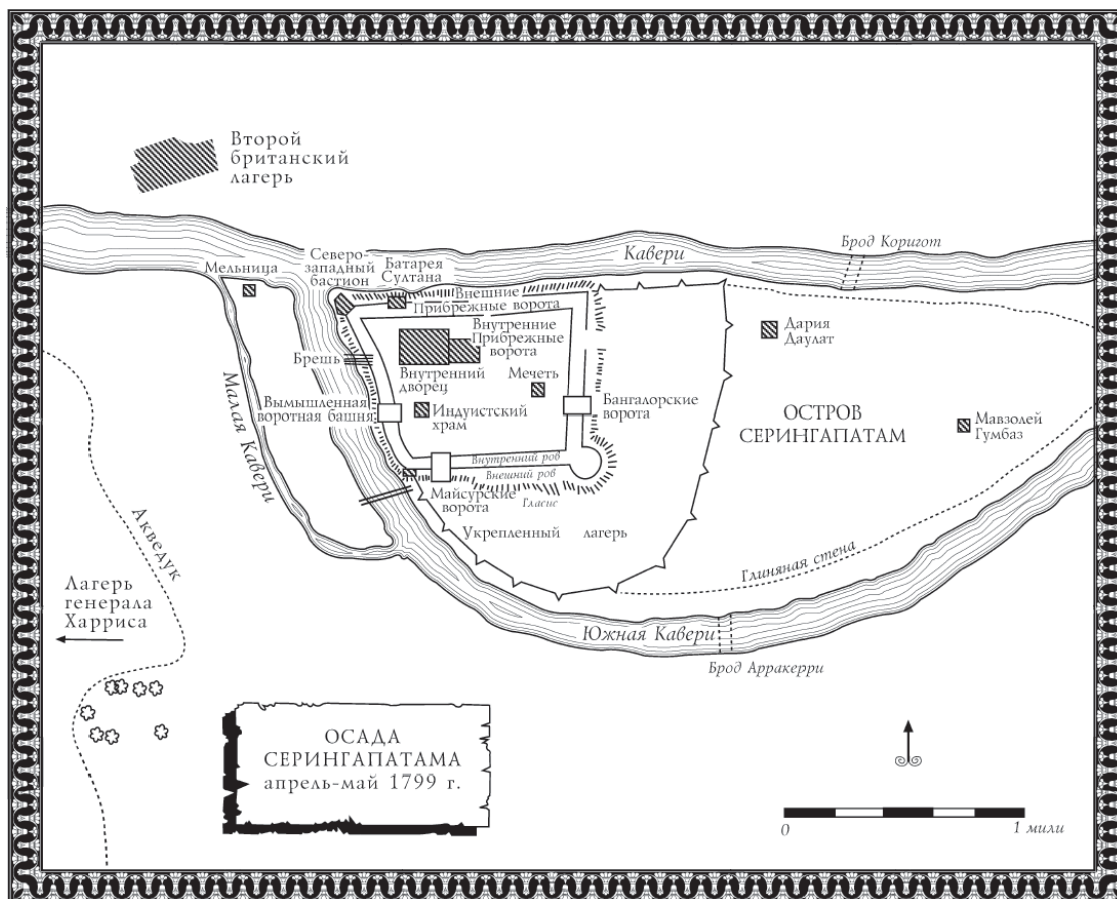
© С. Н. Самуйлов, перевод, 2007

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Тигр стрелка Шарпа

Мюир Сазерленд и Малкольму Крэддоку, с благодарностью

Глава первая

Странно, думал Ричард Шарп, в Англии стервятников, похоже, нет. Он их, по крайней мере, не видел. И отвратительные же твари! Ни дать ни взять крысы с крыльями.

Шарп много размышлял о стервятниках, и времени для размышлений хватало, потому что он был солдатом, рядовым, и по большей части за него думала армия. Армия решала, когда ему вставать, когда спать, когда есть, когда шагать в строю, а когда сидеть и ничего не делать. Именно этим он чаще всего и занимался – сидел и ничего не делал. Шевелись, поторапливайся и убивай время – такой в армии порядок. Шарп был сыт этим порядком по горло. Надоело. Вот он и подумывал, как бы удрать.

С Мэри. Сбежать. Дезертировать. Именно об этом он сейчас и размышлял, что было довольно странно, потому что армия как раз вознамерилась бросить Ричарда Шарпа в первое настоящее сражение. В одном ему уже довелось поучаствовать, но то было пять лет назад и осталось в памяти какими-то смутными клочками. Никто не знал, по какой такой причине 33-й полк оказался во Фландрии и какая у него боевая задача, и в конце концов они, как всегда, совершили пару непонятных маневров да постреляли в скрытых туманом французов, так что все закончилось, еще не успев как следует начаться. Однако два человека погибли у него на глазах. Лучше всего Шарпу запомнилась смерть сержанта Хоторна, потому что попавшая ему в грудь пуля сломала ребро и оно выскочило через мундир. Крови почти не было, и все видели

только белую кость, торчащую из-под полинявшей красной ткани. «Хоть шляпу вешай», – с оттенком удивления произнес Хоторн, после чего захрипел, захлебнулся кровью и упал. Шарп продолжал заряжать и палить, но, когда война уже начала ему нравиться, батальон отступил, погрузился на корабль и отплыл в Англию. Такое вот сражение.

И вот теперь Индия. Шарп понятия не имел, зачем вторгся в Майсур, да, честно говоря, об этом и не задумывался. Король Георг III пожелал, чтобы он, Ричард Шарп, отправился в Индию, и Ричард Шарп отправился. Только вот теперь королевская служба Ричарду Шарпу изрядно надоела. Он был молод и считал, что в жизни есть кое-что повеселее, чем пошевеливаться и бездельничать. В молодости можно, например, делать деньги. Не то чтобы он был в курсе, как их делать – если только не красть, – зато точно знал, что сыт по горло и что на свете есть занятия поинтереснее, чем сидеть у кучи дерьма. Именно так, у кучи дерьма, снова и снова повторял себе Ричард Шарп, и все знают, что там, у этой кучи, наверху. Уж лучше удрать, говорил он себе. Успех приходит к тому, у кого есть что-то в голове и кто умеет пнуть ближнего раньше, чем ближний пнет тебя, а Ричард Шарп полагал, что наделен обоими талантами в достаточной мере.

Только вот куда бежать в Индии? Половина местных получала денежки от британцев, и эти могли сдать дезертира за пригоршню жалких пайсов; другая половина дралась против британцев или, по крайней мере, собиралась с ними драться. Попав к ним, Шарпу пришлось бы служить уже в их армии. Конечно, там бы он получал больше, может быть, даже намного больше паршивых двух пенсов в день, которые ему платили здесь, но что толку менять одну форму на другую? Нет, бежать надо туда, где его не найдет никакая армия, а иначе – встреча с расстрельной командой. Душное утро, вспышки выстрелов, мелкая ямка вместо могилы, и на следующее утро крылатые крысы будут клевать твои кишки, как стая дроздов – червяков на лужайке.

Вот почему Шарп думал о стервятниках. Он собирался удрать, но не хотел становиться кормом для крылатых тварей. Главное – не попасться. В армии это правило номер один и единственное, которое действительно надо соблюдать. Потому что, если попадешься, ублюдки сдерут с тебя шкуру плетками или нашьпигуют грудь мушкетными пулями, и ты опять-таки достанешься крылатым крысам.

Стервятники были здесь всегда и повсюду, порой они кружили, расправив длинные крылья, на теплых потоках восходящего воздуха, порой сидели, нахохлившись, на ветках. Птицы кормились мертвечиной, и армия на марше исправно снабжала их пропитанием. Тем более что сейчас, в последний год восемнадцатого столетия, по плодородной равнине в Южной Индии двигались две союзные армии. Одна британская, другая – союзника британцев Низама Хайдарабадского. И обе притягивали стервятников невиданным угощением. Дохли лошади, дохли быки, дохли верблюды, подохли даже два казавшихся несокрушимыми слона, а еще дохли люди. За каждой из армий тащился длинный, раз в десять длиннее боевых порядков хвост: торговцы, скотники, шлюхи, жены и дети, – и их нестройные ряды, как и ряды военных, косила безжалостная чума. Люди умирали от дизентерии, захлебывались собственной рвотой, тряслись от лихорадки. Они умирали, хватая последние глотки воздуха, умирали, истекая потом, мечась как безумные в бреду, с распухшей от кровоточащих или гнойных язв кожей. Умирали мужчины, женщины и дети, и, независимо от того, закапывали их или сжигали, в конце концов стервятники добивались до всех. Добивались, потому что хоронящим всегда чего-то не хватало: то дерева, чтобы должным образом устроить погребальный костер, – и проклятые птицы склевывали полусваренную плоть с обуглившихся костей, – то времени, чтобы как следует закидать могилу камнями, – и тогда летучие падальщики добивались до раздувшихся, гниющих тел и подчищали своими крючковатыми клювами то, что осталось после жадных клыков других животных.

Нынешний жаркий мартовский день обещал богатый пир, и, как будто чуя добычу, все больше и больше стервятников присоединялось к парящему над шагающими людьми черному кругу. Не двигая крыльями, птицы просто скользили на восходящих потоках, поднимаясь, опускаясь и, как всегда, выжидая, словно знали, что скоро по их глоткам потечет сок мертвых.

– Мерзкие твари, – сказал Шарп, – просто крысы с крыльями.

Ему никто не ответил. Никто не пожелал потратить лишний вдох. В воздухе стояла пыль, поднятая идущими впереди, и те, кто шел сзади, пробивались сквозь теплую зернистую пелену, от которой сохло горло и щипало глаза. Большинство просто не замечали стервятников, другие же настолько устали, что не обратили внимания на кавалерию, внезапно появившуюся в полумиле к северу. Всадники неспешно миновали расцветшую ярко-красным рошу и перешли на рысь. Обнаженные сабли блеснули на солнце, когда удалившийся было от пехоты отряд внезапно развернулся и остановился. Шарп присмотрелся – кавалерия была британская. Воображалы явились поглазеть, как дерутся настоящие солдаты.

Впереди, на небольшом возвышении, где на фоне раскаленного добела неба вырисовывались силуэты других конников, ухнула пушка. Над равниной, раскалывая воздух, пронесся глухой, злобный вой. Белое облачко дыма поплыло вверх, а тяжелое ядро шмякнулось в кусты и, разметав листья, цветы и куски запекшейся земли, запрыгало, теряя силу, чтобы ткнуться в сморщенное упавшее деревце, ответившее на удар слабым фонтанчиком бледной трухи. Снаряд разминулся с пехотой на добрых пару сотен шагов, но звук выстрела встряхнул уставших солдат.

– Господи! – донеслось сзади. – Что это?

– Дохлый верблюд пернул, а ты что думал? – ответил капрал.

– Те еще стрелки, – заметил Шарп. – Моя мамаша и то лучше бы с пушкой управлялась.

– Я и не знал, что у тебя есть мать, – откликнулся рядовой Гаррард.

– Мать есть у каждого, Том.

– Только не у сержанта Хейксвилла. – Гаррард сплюнул слюну вперемишку с пылью. Колонна остановилась, но не по приказу, а скорее потому, что вражеское ядро смутило шедшего впереди роты офицера, который уже не был уверен, куда именно ему следует вести батальон. – Хейксвилла родила не женщина, – зло продолжил Гаррард и, ставив кивер, утер рукавом вспотевшее лицо. На лбу остались едва заметные полоски красной краски. – Хейксвилл – порождение дьявола, – добавил он, водружая кивер на белые напудренные волосы.

Интересно, подумал Шарп, захочет ли Том Гаррард бежать вместе с ним. Двоим выжить легче, чем одному. А Мэри? Согласится ли она? Он много думал о Мэри – странным образом получалось так, что, о чем бы другом он ни размышлял, мысли все равно так или иначе сворачивали к ней. С чего бы это? Мэри была вдовой сержанта Биккерстаффа, полукровкой – наполовину англичанкой, наполовину индианкой, – и ей было двадцать два. Как и Шарпу. По крайней мере он так считал, хотя ему могло быть и двадцать три или двадцать один. Точно Шарп не знал по той простой причине, что матери, которая могла бы сказать сыну, сколько ему лет, у него не было. То есть, конечно, мать-то была, мать есть у каждого, но не у каждого мать – шлюха с Кэт-лейн, исчезнувшая сразу после рождения ребенка. Младенца назвали в честь богатого покровителя сиротского приюта, в котором он и рос; увы, толку от имени было мало, и привело оно Ричарда Шарпа на дно вонючей ямы, называемой армией. И все-таки он верил, что будущее у него есть. К тому же Мэри знала парочку местных наречий, что пришлось бы кстати, решишь они с Томом дать деру.

Кавалерия справа от колонны снова снялась с места и скрылась за распутившимися деревьями, оставив за собой медленно ползущее облачко пыли. Две легкие, влекомые лошадьми шестифунтовые пушки последовали за отрядом, опасно подпрыгивая на неровностях местности. Все прочие орудия в армии тащили быки, но в легкие впрягали лошадей, передвигавшихся со скоростью втрое большей, чем медлительные тягловые животные.

Вражеская пушка выстрелила еще раз, и мощный резкий звук как будто проткнул неподвижный воздух. Шарп видел на высоте и еще несколько орудий, однако они не стреляли, наверное, потому, что не могли сравниться с большой пушкой по дальностью. В следующее мгновение он заметил в воздухе серый след, как будто кто-то чиркнул вертикально карандашом по бледно-голубому небу, и понял, что громадный снаряд летит прямо на него, и ветра, который мог бы сбить тяжеленное ядро со смертоносной траектории, нет, и времени как-то увернуться тоже нет, и остается только признать близость смерти, но снаряд врезался в землю в дюжине шагов от Шарпа, подпрыгнул, перелетел через его голову и, не причинив никому вреда, укатился в поле сахарного тростника.

– Похоже, эти скоты поставили наводящей твою старушку, Дик, – заметил Гаррард.

– Не болтать! – прокрипел вдруг рядом голос сержанта Хейксвилла. – Поберегите дыхание. Что ты сказал, Гаррард?

– Ничего, сержант. Запыхался, дышать нечем.

– Запыхался? – Пробежав вдоль колонны, сержант Хейксвилл остановился рядом с Гаррардом. – Дышать нечем? Тогда ты мертв, рядовой Гаррард! Сдох! А раз ты сдох, то ни королю, ни стране пользы от тебя никакой. Хотя ее и раньше не было. – Злобные глазки сержанта впелись в Шарпа. – Это ты трепал языком, Шарпи?

– Не я, сержант.

– Приказа болтать не было. Если король пожелает, чтобы вы разговаривали, об этом скажу вам я. Так написано в скрижали, имя которой – устав. Дай мне свое ружье, Шарпи. Живо!

Шарп подал сержанту мушкет. Именно приход в роту Хейксвилла окончательно укрепил его в мысли, что с армией пора расставаться. К и без того опостылевшей скуке сержант добавил несправедливость. Не то чтобы Шарп так уж волновался по поводу несправедливости – в конце концов справедливость в этом мире удел богачей, – но у Хейксвилла несправедливость содержала такую долю злобности, что в роте не осталось, пожалуй, ни одного человека, который не был бы готов к мятежу, и удерживало их лишь понимание одной истины: сержант видит каждого насквозь и только и ждет малейшего повода для расправы. Оскорбить, спровоцировать на грубость и наказать – на это Хейксвилл был мастер. Он всегда опережал вас на пару шагов, поджидая за углом с дубинкой. Дьявол, самый настоящий дьявол в отлично подогнанной форме, украшенной сержантскими нашивками.

Однако, посмотрев на Хейксвилла, вы видели образцового солдата. Да, лицо его, какое-то странно комковатое, то и дело подергивалось, как будто под докрасна обожженной солнцем кожей крутился и вертелся некий злой дух, но глаза были голубые, напудренные волосы белы, как никогда не падавший на эту землю снег, а мундир сидел так, словно сержант стоял в карауле у Виндзорского замка. Строевые упражнения Хейксвилл выполнял с такой прусской четкостью, что наблюдать за ним было одно удовольствие, но когда лицо дергалось, а по-детски невинные голубые глаза вспыхивали и бросали на вас косой взгляд, в них проглядывал дьявол.

Раньше, набирая в армию рекрутов, сержант держал дьявола на коротком поводке, не позволяя ему высовываться, и именно тогда Шарп впервые встретился с Хейксвиллом. Теперь, когда необходимость дурачить и заманивать юных простаков на службу отпала, сержант выплескивал злобу на всех и каждого.

Застыв по стойке смирно, Шарп смотрел, как сержант развязывает тряпицу, защищавшую замок ружья от вездесущей красной пыли. Оглядев замок и не обнаружив ничего, к чему можно было бы придраться, Хейксвилл повернулся с ружьем к солнцу. Еще раз придиричливо все осмотрел, взвел и спустил курок, но уже в следующее мгновение утратил к оружию интерес, заметив приближающуюся к голове колонны группу офицеров.

– Рота! – рявкнул он. – Рота! Смирррно!

Солдаты сомкнулись, подтянулись и выпрямились, повернувшись к трем проезжавшим мимо офицерам. Хейксвилл замер в почти гротескной позе: ноги напряжены, голова и плечи

отведены назад, живот выпячен, руки согнуты так, что локти почти касаются друг друга внизу спины. Другая рота 33-го Королевского полка осталась стоять как стояла. Такое проявление небрежности не произвело тем не менее никакого впечатления на старого служаку, который, стоило офицерам проехать мимо, прокричал роте команду «вольно» и снова принялся изучать мушкет Шарпа.

– Ничего не найдете, сержант, – сказал Шарп.

Хейксвилл, все еще стоявший навтыжку, исполнил сложный поворот, твердо поправ землю правой ногой:

– Разве я разрешил тебе открывать рот, Шарпи?

– Нет, сержант.

– «Нет, сержант»... Верно, не разрешил. Серьезная провинность, рядовой. Заслуживающая серьезной же порки.

Правая щека сержанта дернулась от непроизвольного спазма, искажавшего лицо каждые несколько секунд, и злобный лик дьявола проступил вдруг так отчетливо, что вся рота на мгновение задержала дыхание в ожидании ареста провинившегося бедняги. Тут орудие ухнуло в третий раз, по равнине прокатился гром, и ядро, ударившись о землю, продолжило путь по зеленеющему рисовому полю, оставляя за собой узкую полосу. Проследив за ним до полной остановки и убедившись, что ущерба роте вражеский посланец не нанес, сержант презрительно хмыкнул:

– Стрелки!.. Чертовы нехристи и навести-то толком не могут. Или, может, они с нами играют. Играют! – Он усмехнулся собственной шутке.

В состояние такой редкой веселости, как подозревал Шарп, сержанта Обадаю Хейксвилла ввергло вовсе не волнительное ожидание битвы, а скорее перспектива близких потерь, боли и отчаяния, которые были для него слаще меда. Ему доставляло удовольствие видеть чужой страх, чужую трусость, потому что страх делал людей покорными, а контроль над несчастными людьми был для сержанта высшим блаженством.

Три конных офицера, остановившись в голове колонны, разглядывали в подозрные трубы далекую высотку, затянутую дымком от последнего выстрела.

– Это наш полковник, парни, – объявил Хейксвилл. – Полковник Артур Уэлсли собственной персоной. Благослови его Господь, потому что он джентльмен, а вы – нет. Приехал посмотреть, как вы деретесь, уж не оплошайте. Деритесь, как и подобает англичанам.

– Я шотландец, – буркнул кто-то в задних рядах.

– Кто это сказал? – Хейксвилл пробежал по роте злобным взглядом. Щека его задергалась. Будь он в другом, не столь приподнятом настроении, шутнику пришлось бы несладко, но сейчас радостное предчувствие боя затмило желание покарать, и реплика прошла без последствий. – Шотландец! – фыркнул сержант. – Что хорошего может быть у шотландца в жизни? Отвечайте! – (Все молчали.) – Тогда я вам скажу. Дорога в Англию. Так написано в скрижалях, а потому так оно и есть. – Он поднял мушкет, еще раз оглядел притихший строй и рявкнул: – Я присмотрю за вами! Никто из вас еще не был в настоящем бою. Там, по ту сторону проклятого холма, кроется орда черномазых нехристей, которые только того и ждут, как бы добраться до ваших женщин, а потому, если хоть один из вас струсит, если хоть один из вас смалодушничает, я сдеру шкуру с остальных! Начисто! До мяса! Выполняйте свой долг и подчиняйтесь приказам – вот и все, что от вас требуется. А кто отдает приказы?

Сержант замолчал в ожидании ответа. В конце концов свой вариант предложил рядовой Маллинсон:

– Офицеры?

– Офицеры? Офицеры! – Хейксвилл скривился. – Офицеры здесь только для того, чтобы показать нам, за что мы деремся. Они ведь джентльмены. Настоящие джентльмены! Люди достойные и почтенные в отличие от вас, жалких оборванцев и воришек. Приказы отдают сер-

жанты. Армия – это сержанты. Учтите, парни. Вам драться с нехристями, и если не будете слушать меня, считайте себя покойниками! – Очередная гримаса прошла по физиономии, челюсть вдруг отъехала в сторону, и Шарп, внимательно смотревший на сержанта, подумал, что, может быть, это из-за страха Хейксвилл такой речистый. – Смотрите на меня, парни, – продолжал сержант. – Смотрите на меня, и все будет в порядке. А знаете почему? – Выкрикнув последнее слово голосом драматического актера, он прошелся вдоль шеренги. – Знаете почему? – повторил Хейксвилл. Теперь он напоминал увещающего грешников напыщенного проповедника. – Потому что меня нельзя убить! – В его хриплом голосе слышалась истинная страсть. Речь эту рота слышала не раз, но спектакль был достоин повтора, хотя сержант Грин, уступавший Хейксвиллу по чину, и отвернулся, не скрывая недовольства. Хейксвилл, с ухмылкой потянув за воротник, обнажил пересекавший горло старый темный шрам. – Петля висельника! Видите? Видите? Но я жив, парни, жив и хожу по земле, а не лежу в ней, и это доказательство того, что умирать не обязательно. – Он опустил воротник. – Отмечен Господом, – проникновенно закончил Хейксвилл. – Я отмечен Господом!

– Совсем сбрендил, – пробормотал Том Гаррард.

– Ты что-то сказал, Шарпи? – Сержант резко обернулся, но неподвижная поза Шарпа и тупо устремленный в пустоту взгляд бесспорно доказывали невиновность рядового. Хейксвилл прошелся вдоль строя. – Я видел, как умирали люди. Настоящие джентльмены, не чета вам, сброду. Да, я видел, как они умирали, но Бог пощадил меня! А потому, парни, делайте, как я скажу, иначе вы все станете падалью. – Он вдруг протянул Шарпу мушкет. – Оружие в порядке. Молодец, парень. – Сержант отошел, а Шарп с удивлением обнаружил, что тряпица на месте и аккуратно завязана узелком.

Похвала в адрес Шарпа удивила всю роту.

– А он сегодня в хорошем настроении, – прокомментировал Гаррард.

– Я слышу, Гаррард! – крикнул через плечо сержант. – Ушки на макушке, да. А теперь – тихо. Пусть нехристи не думают, что вы трусите! Помните, вы белые люди, выбеленные кровью ягненка, так что никаких разговорчиков в строю! Будьте как те чертовы монахини, которые за всю жизнь не издадут ни звука, потому что им отрезали их папистские языки. – Он вдруг вытянулся в струнку и отсалютовал, прижав к груди алебарду с заостренным наконечником. – Все в строю, сэр! – проорал Хейксвилл голосом, долетевшим, наверно, до притаившихся за высотой врагов. – Все в строю, и все тихо, сэр! Знают, что бывает за разговоры.

Лейтенант Уильям Лоуфорд придержал коня и кивнул сержанту. В роте Лоуфорд был вторым по старшинству после капитана Морриса, но в батальон попал совсем недавно и Хейксвилла побаивался так же, как и солдаты.

– Пусть разговаривают, сержант, – мягко заметил лейтенант. – Другие роты не молчат.

– Нет, сэр. Надо беречь дыхание, сэр. Для разговоров слишком жарко, а им еще надо драться с нехристями, так что нечего тратить силы на пустую болтовню. Так написано в скрижалях, сэр.

– Ну, как угодно, сержант.

Вступать в спор Лоуфорду не хотелось, а так как сказать было больше нечего, он, чувствуя на себе пристальные взгляды всех семидесяти шести солдат роты, смущенно отвернулся и посмотрел на занятую противником высоту. Лейтенант понимал, что в очередной раз проявил слабость, позволив сержанту навязать ему свою волю, и потому щеки его предательски зарделись. В полку к Лоуфорду относились хорошо, однако считали немного мягкотелым, хотя Шарп и сомневался в справедливости такого мнения. Наверное, лейтенант просто еще не освоился в непривычной обстановке и ищет свое место в странном и иногда пугающем водовороте человеческих течений, а со временем Лоуфорд проявит себя жестким и отважным, но притом справедливым офицером. В конце концов, лейтенанту лишь двадцать четыре, должность свою он купил недавно, а потому еще не вполне освоился с полученной властью.

Прапорщик Фицджеральд, которому было всего восемнадцать, небрежно прогуливался чуть в стороне от строя, посвистывая и помахивая саблей.

– Сейчас выступим, сэр! – бодро крикнул он Лоуфорду и, не дождавшись ответа, с удивлением оглядел застывшую в зловещем молчании роту. – Вы что, боитесь?

– Берегут дыхание, мистер Фицджеральд, – сухо бросил Хейксвилл.

– Дыхание? Эти парни разобьют врага, даже если споют дюжину песен. Верно, ребята?

– Побьем супостатов, сэр, можете не сомневаться, – отозвался Том Гаррард.

– Тогда покажите, как вы умеете петь, – распорядился Фицджеральд. – Терпеть не могу тишину. Намолчимся в могилах, парни, так что давайте немного пошумим.

Обладая хорошим тенором, прапорщик затянул песенку о молочнице и настоятеле, и к тому моменту, когда они добрались до места, где рассказывалось, как голый и с завязанными глазами ректор, сгорая от страсти, приближается к корове Бесси, песню подхватила уже вся рота.

Допеть до конца, однако, не удалось, поскольку веселье оборвал подъехавший от головы колонны капитан Моррис.

– На полуроты! – крикнул он сержанту.

– На полуроты! Есть, сэр! Рота! Прекратить драть глотки! Слышали, что сказал офицер! – заревел Хейксвилл. – Сержант Грин! Командуйте задними шеренгами. Мистер Фицджеральд! Позвольте попросить вас занять место слева, сэр. Передние шеренги! Оружие – на плечо! Двадцать шагов вперед, шагом... марш! Живей! Живей!

Передние десять шеренг промаршировали на двадцать шагов вперед и замерли, оставив позади другие девять. По всему батальону роты перестраивались в две полуроты, выполняя маневр с такой четкостью, будто демонстрировали выучку у себя на йоркширском поле. Другие шесть батальонов 33-го полка делали то же самое и с наименьшей точностью. Эти шесть батальонов состояли из местных солдат, находящихся на службе Ост-Индской компании, но обмундированных, как и королевские войска, в красные мундиры. Все шесть батальонов сипаев развернули знамена, и Шарп, заметив яркие флаги, посмотрел вперед, туда, где под жарким индийским солнцем затрепетали извлеченные из кожаных чехлов два огромных стяга 33-го полка. Один был британский, с вышитыми боевыми символами полка, второй – полковой, с эмблемой на алом поле, совпадавшем по цвету с отделкой мундиров. Развернутые шелковые полотнища заметил и враг – пушки на холме отозвались внезапной канонадой. Если раньше огонь вело только самое крупное орудие, то теперь ожили и пушки поменьше. Их было шесть, и посланные ими ядра улеглись на приличном расстоянии от всех семи разворачивающихся батальонов.

Майор Ши, ирландец, командовавший полком в отсутствие полковника Артура Уэлсли, взявшего на себя контроль над всей бригадой, подал лошадь назад, переговорил коротко с Моррисом и вернулся к голове колонны.

– Сбросим ублюдков с холма! – прокричал Моррис, обращаясь к пехотинцам, и, отвернувшись, прикурил сигару. – Любой, кто струсит, – продолжал он, убирая трутницу, – будет расстрелян. Слышите меня?

– Ясно, сэр! – крикнул в ответ Хейксвилл. – Расстрелян! Да! И ваши имена будут зачитаны у вас дома в церквях как имена трусов. Так что деритесь как англичане!

– Шотландцы, – проворчал голос за спиной Шарпа, но слишком тихо, чтобы сержант услышал.

– Ирландцы, – добавил другой.

– Среди нас нет трусов, – уже громко объявил Гаррард.

Сержант Грин, человек сдержанный и спокойный, укоризненно покачал головой:

– Тише, парни. Я знаю, вы все выполните свой долг.

Передняя колонна двинулась с места, задние остались, выжидая, чтобы батальон мог наступать с широкими интервалами между своими двадцатью полуротами. При таком построении, решил Шарп, расчет, очевидно, делался на то, чтобы уменьшить потери от обстрела вражеской артиллерией, которая пока, ведя огонь с максимальной дистанции, расходовала снаряды впустую. Далеко в тылу разворачивавшихся батальонов оставшаяся часть союзной армии ожидала, пока высота будет очищена от неприятеля. С того места, где стоял Шарп, сгрудившаяся масса людей представлялась грозной силой, но он знал, что большая ее часть – это гражданский обоз обеих армий: торговцы, жены, маркитанты, скотники, поддерживавшие боевой дух и физическое состояние военных. Именно на их запасы рассчитывало командование в предстоящей осаде вражеской столицы. Шесть тысяч быков требовалось только для того, чтобы возить ядра для больших осадных орудий, и всю эту живность надо было пасти и кормить, а потому скотники и пастухи шли с семьями, которым, в свою очередь, тоже требовалась тягловая сила. Лейтенант Лоуфорд однажды заметил, что экспедиционные силы больше похожи не на армию на марше, а на огромное кочующее племя. Орду гражданских и животных окружала тонкая цепочка пехотинцев-красномундирников, состоявшая в большинстве своем из индийских сипаев, в чьи обязанности входило защищать торговцев, боеприпасы и тягловый скот от мобильной и эффективной легкой кавалерии султана Типу.

Султан Типу. Враг. Тиран Майсура и человек, по всей вероятности руководивший сейчас артиллерийским огнем. Типу правил Майсуром и был врагом, но что он представлял собой, почему считался врагом, был ли действительно тираном, супостатом или полубогом, ничего этого Шарп не знал. Солдату много знать не положено, и Шарпу вполне хватало того, что ему сказали о султани, а потому он терпеливо, обливаясь потом под палящим индийским солнцем, ждал продолжения.

Капитан Моррис оперся о лук седла, сдвинул треуголку и вытер влажный лоб смоченным в одеколоне платком. Накануне вечером он изрядно набрался, и теперь в животе у него бурлило. Если бы батальон не собирался вот-вот вступить в бой, он отъехал бы подальше, нашел укромное местечко и опорожнил кишечник, но сделать это на глазах солдат было невозможно, не вызвав подозрений в слабости, а потому капитан поднял флягу и отхлебнул арака в надежде, что крепкий напиток смирит бушующие в желудке силы.

– Пора, сержант! – крикнул Моррис, когда передняя рота отошла на достаточное расстояние.

– Полурота, вперед! – заорал Хейксвилл. – Марш! Живей! Живей!

Лейтенант Лоуфорд, получивший в свое распоряжение последнюю полуроту батальона, подождал, пока люди Хейксвилла отойдут на двадцать шагов, и кивнул сержанту Грину:

– Командуйте.

Красные мундиры шли с незаряженными мушкетами, поскольку враг находился еще далеко и никаких признаков пехоты Типу или его гораздо более опасной кавалерии не наблюдалось. Только вражеские орудия на холме да кружащие в высоком знойном небе стервятники. В передней шеренге последней полуроты шел рядовой Шарп, и лейтенант, едва взглянув на него, не в первый уже раз подумал, какой у него отличный солдат. Худощавое, потемневшее от солнца лицо и пронзительные голубые глаза выражали уверенность, свидетельствовавшую о высокой компетентности, что внушало нервничавшему перед первым боем лейтенанту хотя бы некоторый душевный комфорт. С такими, как Шарп, думал Лоуфорд, проиграть невозможно.

Шарп не заметил взгляда офицера и наверняка бы рассмеялся, узнай он, что его вид придает кому-то уверенности. Он плохо представлял, как выглядит, потому что редко смотрелся в зеркало, а когда смотрелся, отражавшийся образ не значил для него ничего. Шарп лишь знал, что нравится женщинам и что они тоже ему нравятся. Еще он знал, что у него самый высокий рост в роте. По этой причине он должен был бы идти сейчас впереди, в гренадерской роте, но шесть лет назад, сразу по вступлении в полк, командир роты легкой пехоты настоял на

том, чтобы взять его к себе. Капитан Хьюз умер в Калькутте, став жертвой какой-то кишечной болезни, но до того успел собрать в своей роте самых сообразительных, самых расторопных солдат, на которых можно было положиться в любом бою и которые умели действовать самостоятельно. К сожалению, по-настоящему испытать их ему довелось лишь однажды, да и то случилось это во время спешной, неподготовленной высадки на туманное побережье Фландрии, где никакая расторопность и сообразительность не могли компенсировать очевидной глупости начальства. Теперь, пять лет спустя, рота снова шла на врага, только вместо энергичного и предприимчивого капитана Хьюза командовал ею капитан Моррис, которому было наплевать, что у него за солдаты и насколько они сообразительные и расторопные, – капитана заботило только одно: чтобы его поменьше беспокоили. Потому-то Моррис и взял в роту сержанта Хейксвилла. И по той же самой причине высокий, уверенный в себе и компетентный рядовой Ричард Шарп подумывал о побеге.

Впрочем, если и бежать, то не сегодня. Сегодня их ждал бой, и Шарпа такая перспектива не только не пугала, а наоборот – радовала. Сражение – это добыча, трофеи, и если уж думать о побеге и о том, чтобы начать собственную жизнь, то неплохо бы иметь кое-что про запас.

Семь батальонов приближались к высоте. Шли они колоннами по полуроте, так что стервятникам, должно быть, представлялись в виде ста сорока крохотных красных прямоугольников на зеленеющей равнине. Прямоугольники размеренно двигались к холму, на котором их ждали вражеские орудия. Сержанты шагали сбоку от колонн, офицеры впереди – либо пешком, либо в седле. Издалека прямоугольники казались, наверное, ровными и аккуратными, в действительности же дела обстояли иначе. Шерстяная форма хороша для боевых действий в туманной Фландрии, но не в знойной Индии – краска полиняла под дождем, так что мундиры были скорее розовыми или тускло-фиолетовыми, чем красными, а высохший пот оставлял на них белые пятна. Высокий и жесткий кожаный воротник впивался в кожу и натирал шею; туго зачесанные назад длинные волосы смазывались свечным воском и убирались в специальный кожаный мешочек, перехваченный для надежности кожаной полоской. Затем волосы пудрили белой мукой, и хотя со стороны все это выглядело аккуратно, на самом деле солдатская голова представляла собой рай для вшей и прочих насекомых. Сипаям в этом смысле было легче. Они не посыпали волосы мукой, не носили бриджей и маршировали босиком. Не было у них ни кожаных воротников, ни – что самое удивительное – такого наказания, как порка.

Вражеское ядро нашло наконец цель, и Шарп увидел, как полурота вдруг рассыпалась, уступая место скачущему круглому снаряду. На мгновение в воздух над строем взметнулся красный фонтанчик. Сержант сомкнул ряды, а на земле остались двое. Еще двое солдат захромали, и один из них, сделав несколько шагов, пошатнулся и упал. Шедшие под знаменами барабанщики отбивали ритм четкими ударами, перемежая их более быстрой россыпью; проходя мимо двух кучек развороченной плоти, которые только что были солдатами гренадерской роты, мальчишки невольно ускорили темп и разогнали полк так, что майору Ши пришлось их притормаживать.

– Когда же заряжать? – спросил у сержанта Грина рядовой Маллинсон.

– Когда скажут, парень. Не раньше. О господи!

Последняя реплика сержанта была вызвана оглушающим залпом. Огонь открыли легкие орудия Типу, и вершину холма заволочло серовато-белым дымом. Две легкие пушки британцев ответили, но из-за скрывающей высоту дымной завесы оценить нанесенный ими урон не представлялось возможным. Справа появилась индийская кавалерия – люди в алых тюрбанах, с длинными, грозного вида копьями.

– И что? – пожаловался Маллинсон. – Так и будем наступать с незаряженными мушкетами?

– Скажут наступать с незаряженными, будем наступать с незаряженными, – ответил Грин. – А теперь прикуси язык.

– Потихе там! – крикнул шедший впереди Хейксвилл. – Здесь вам не приходской пикник! Мы на войне!

Шарп развязал тряпицу, снял ее с замка и убрал в карман, где лежало подаренное Мэри кольцо. Простое, незамысловатое, затертое серебряное колечко, принадлежавшее когда-то сержанту Биккерстаффу, мужу Мэри. Сержант умер, и Грину перешли его нашивки, а Шарпу досталась вдова. Мэри приехала из Калькутты. Там делать нечего, размышлял Шарп. В Калькутте полным-полно красномундирников.

Перспективы побега отступили, потому что пейзаж впереди вдруг заполнился вражескими солдатами. Пехота спускалась с холма по северной стороне и сворачивала на равнину. Сиреневая форма, на головах широкополые красные шляпы. Обуви они, как и британские сипаи, не носили. Красные с желтым флаги обвисли, так что рассмотреть их Шарпу не удалось.

– Тридцать третий! – долетел издалика чей-то голос. – В шеренгу слева!

– В шеренгу слева! – эхом подхватил капитан Моррис.

– Слышали офицера? – завопил Хейксвилл. – В шеренгу слева! Живей!

– Торопись! – присоединился к нему сержант Грин.

Первая полурота остановилась, все остальные стали пристраиваться к ней слева. Последней полуроте, в которой шел Шарп, пришлось проделать самый долгий путь на фланг. Солдаты побежали, ранцы, патронные сумки, ножны штыков запрыгали, затряслись. Колонна, только что двигавшаяся напрямик в сторону холма, разворачивалась в линию, становясь на пути вражеской пехоты.

– В две шеренги! – снова долетел издалика голос.

– В две шеренги! – эхом откликнулся капитан Моррис.

– Слышали офицера? – заорал Хейксвилл. – В две шеренги! Живее!

Полуроты разделились на две части поменьше, выравниваясь по соседней справа, так что скоро батальон вытянулся в линию глубиной в две шеренги. Заняв свою позицию, Шарп посмотрел вправо и увидел мальчишек-барабанщиков за знаменами полка, которые охранял сержантский взвод.

Рота легкой пехоты заняла позицию последней. Еще несколько секунд солдаты подравнивались, потом наступила тишина, и только сержанты еще пробежали вдоль шеренг. Не прошло и минуты, как 33-й Королевский полк, продемонстрировав отличную выучку, завершил перестроение из маршевой колонны в боевой порядок, и семьсот человек двумя длинными шеренгами растянулись перед наступающим противником.

– Заряжайте, майор! – подал голос полковник Уэлсли, подъехав к тому месту, где под двумя полковыми знаменами стоял майор Ши.

Шесть индийских батальонов еще поспешали к левому флангу, но войско султана уже появилось на северном склоне, а это означало, что принять удар противника предстояло роте легкой пехоты.

– Заряжай! – Капитан Моррис едва повернул голову в сторону Хейксвилла.

Сбрасывая мушкет с плеча, Шарп вдруг ощутил непривычное волнение. Пот заливал глаза. Оттягивая курок в положение «на полувзводе», он уже слышал бой вражеских барабанщиков.

– Приготовить заряд! – подал команду сержант, и Шарп достал из сумки пулю и прокусил жесткую вошеную бумагу, почувствовав на языке солоноватый вкус пороха.

– Порох! – Каждый из семидесяти шести человек насыпал порох на полку ружья и закрыл замок.

– Опустить! – крикнул Хейксвилл, и семьдесят шесть рук выпустили ложе, опустив мушкеты прикладами на землю. – Я все вижу! – добавил сержант. – Если кто-то из вас, чертовы неженки, не использует весь порох, я сдеру с него шкуру и натру мясо солью. Всем ясно?

Некоторые из опытных солдат советовали использовать половину пороха, просыпая остальное на землю, чтобы уменьшить зверскую отдачу кремневого мушкета, но сейчас, перед лицом противника, вряд ли кто-то решился бы провернуть такой трюк. Остаток пороха Шарп засыпал в дуло, затолкал туда же бумажный пыж, вынул изо рта пулю и забил в дульный срез. Вражеская пехота была на расстоянии примерно двухсот ярдов и продолжала приближаться под ровный бой барабанов и блеяние труб. Пушки султана не смолкали, но теперь перенесли огонь в сторону, чтобы не попасть в своих, и били по индийским батальонам, спешащим закрыть брешь между собой и британцами.

– Приготовить шомполы! – рявкнул Хейксвилл.

И Шарп вытащил шомпол из трех латунных трубок под тридцатидевятидюймовым стволом мушкета. Во рту все еще чувствовался солоноватый вкус пороха. Он нервничал, но не потому, что враг приближался с каждой секундой, а из-за идиотской мысли, что забыл, как заряжать мушкет.

– Забить пулю!

Семьдесят шесть человек вставили расширенный конец шомпола в дуло, загоняя пулю, бумагу и пороховой заряд к основанию ствола.

– Шомпол на место!

Шарп потянул железный прут вверх, слушая, как металл скрежещет о металл, одним движением развернул его в воздухе и узким концом вперед вставил в латунные трубки.

– Оружие к ноге! – крикнул капитан Моррис, и рота, теперь уже с заряженными мушкетами, вытянулась по стойке смирно.

Противник все еще находился достаточно далеко для точного и смертельного выстрела, и семистам красномундирникам оставалось только ждать.

– Батальон! – прогремел в середине шеренги голос старшего сержанта Байуотерса. – Примкнуть штыки!

Шарп вытащил семнадцатидюймовый штык из ножен на правом бедре, вставил в канавку в верхней части ствола и, повернув, закрепил в «ушке». Теперь враг не сорвет штык с мушкета. С примкнутым штыком перезаряжать ружье значительно труднее, но Шарп уже догадался, что полковник Уэлсли, видимо, решил дать только один залп, а потом перейти в атаку.

– Грязная будет заварушка, – сказал он Тому Гаррарду.

– А их больше, чем нас, – пробормотал Гаррард, не спуская глаз с вражеских шеренг. – Да и идут хорошо.

Он был прав. Передние ненадолго остановились, поджидая, пока подтянутся задние, перегруппировались в плотную колонну и уже готовились продолжить наступление. Их ряды и шеренги представляли собой идеально ровные линии. Перепоясанные широкими кушаками офицеры были вооружены длинными, кривыми саблями. Одно из колыхавшихся знамен развернулось, и Шарп разглядел вышитое на алом фоне золотое солнце. Стервятники опустились ниже. Сблaзн выстрелить по плотной массе наступающих был слишком велик, и обе легкие пушки британцев ударили противнику во фланг, но солдаты Типу стойчески выдержали испытание, а офицеры позаботились, чтобы ряды не дрогнули в преддверии сокрушительного удара по ожидавшим их красным шеренгам.

Шарп облизал пересохшие губы. Так вот оно какое, войско Типу. Расстояние позволяло рассмотреть врага получше, и он увидел, что туники у них не просто сиреневые, а пошиты из кремово-белой ткани, украшенной розовато-лиловыми тигровыми полосами. На них были черные ремни, красные тюрбаны и пояса. Пусть и нехристи, но презирать их за это не было оснований, поскольку всего пятнадцать лет назад эти воины с тигровыми полосками наголову разбили британскую армию, вынудив оставшихся в живых капитулировать. Прославленное тигровое войско Майсура, солдаты султана Типу, контролировавшего всю Южную Индию до тех пор, пока британцам не пришлось в голову перевалить через горную цепь и углубиться в сам Майсур.

Союзником Типу выступила Франция, и несколько французов служили у султана военными советниками, но сейчас в плотной колонне Шарп не видел ни одного белого лица. Между тем сама колонна надвигалась под угрожающий гром барабанов. Они шли напрямиком на 33-й полк, и Шарп, взглянув налево, увидел, что батальоны индийских сипаев еще слишком далеко, чтобы оказать реальную помощь.

– Рядовой Шарп! – Окрик Хейксвилла прозвучал настолько близко, что заглушил воинственные крики солдат Типу. – Рядовой Шарп! – снова крикнул сержант. Он быстро шел позади шеренги, за ним следовал капитан Моррис. – Дайте мне мушкет, рядовой Шарп!

– Мушкет в порядке, – запротестовал Шарп.

Хейксвилл торопливо схватил мушкет и с ухмылкой показал его капитану.

– Посмотрите, сэр! – закаркал он. – Как я и думал, сэр! Этот паршивец продал свой кремь, сэр! Продав какому-нибудь черномазому. – Хейксвилл торжествующе взглянул на Шарпа, и лицо его перекошилось. Открыв замок, он ловко выбил кремь и протянул капитану Моррису. – Обычный камень, сэр. Такой ни на что не годен. Должно быть, сбыл в обмен на местную девку, сэр. Грязный ублюдок, вот он кто, сэр.

Моррис посмотрел на камень.

– Продали кремь, рядовой? Отвечайте, – произнес он голосом, в котором презрение смешалось с надменностью и удовлетворением.

– Никак нет, сэр.

– Молчать! – завопил Хейксвилл, подаваясь к Шарпу и брызжа ему в лицо слюной. – Ложь! Наглая ложь! Заслуживает сурового наказания, сэр. самого сурового наказания. Порки. Продать кремь! Солгать офицеру! Два преступления, сэр. Подлежит наказанию, сэр. Так написано в скрижалях.

– Да, наказать. Выпороть, – удовлетворенно кивнул Моррис.

Высокий и сухощавый, как и Шарп, со светлыми волосами и тонким лицом, он был бы красив, если бы не одутловатость, являвшаяся следствием злоупотребления спиртным, посредством которого капитан боролся со скукой. Глаза капитана выдавали цинизм и кое-что похуже: презрение к людям. Хейксвилл и Моррис, подумал Шарп, достойная парочка ублюдков.

Моррис еще раз посмотрел на лежащий на ладони кремь:

– Кажется, самый обычный камень.

– Так и есть, сэр. Обычный камень. Рассыплется, как песок, – подтвердил сержант. – Ни на что не годный камешек.

– Позвольте? – вмешался в разговор новый голос. Лейтенант Уильям Лоуфорд соскочил с коня и, подойдя к Моррису, без дальнейших церемоний взял с ладони капитана предмет спора. При этом лейтенант, удивленный собственной безрассудной смелостью, слегка покраснел. – Это легко проверить, сэр, – волнуясь, проговорил Лоуфорд, вынул пистолет и ударил камнем по стали. Даже в ярком свете дня все увидели вспыхнувшие искры. – На мой взгляд, вполне хороший кремь, сэр, – негромко добавил молодой офицер. Стоявший за его спиной прапорщик Фицджеральд заговорщицки подмигнул Шарпу. – Настоящий кремь, – уже громче и с меньшей робостью повторил лейтенант.

Моррис бросил на него сердитый взгляд и, резко повернувшись, зашагал к лошади. Лоуфорд бросил Шарпу кремь:

– Приготовьте оружие, Шарп.

– Есть, сэр. Спасибо, сэр.

Едва офицеры отошли, как Хейксвилл швырнул Шарпу мушкет и злобно прохрипел:

– А ты ловкий мерзавец, да, Шарпи?

– И шкура при мне останется. – Шарп поставил кремь на место и, заметив, что Хейксвилл направляется в другой конец строя, окликнул: – Сержант! – (Хейксвилл обернулся.) – Возьмите свое. – Шарп вынул из кармана камешек, который обнаружил, когда стал заряжать

мушкет, – Хейксвилл подменил кремень. – Мне это ни к чему. – Он бросил камень сержанту, но тот лишь сплюнул и зашагал прочь. – Спасибо, Том, – добавил Шарп, поворачиваясь к приятелю, снабдившему его запасным кремнем.

– Ради такого стоило пойти в армию, – ответил Гаррард, и солдаты, ставшие свидетелями поражения Морриса и Хейксвилла, рассмеялись.

– Смотреть вперед, парни! – крикнул прапорщик Фицджеральд. Ирландец был самым молодым офицером в роте, но вел себя с уверенностью бывалого вояки. – Сейчас постреляем.

Шарп вернулся в строй, привел в порядок ружье и, подняв голову, увидел, что противник приблизился до сотни шагов. Наступая, вражеские солдаты ритмично кричали и время от времени останавливались, когда барабаны рассыпались мелкой дробью или трубы издавали пронзительный клич, однако самым громким звуком был глухой стук сотен босых ног о сухую землю. Шарп попытался сосчитать число солдат в первой шеренге, но несколько раз сбивался из-за снующих перед строем туда-сюда офицеров. Вся эта масса катилась на тонкий, в две шеренги глубиной, боевой строй красных мундиров.

– Чего ждем? – нервно спросил кто-то.

– Спокойно, ребята, спокойно, – отозвался сержант Грин.

Враг уже заполнил все пространство перед высотой. Тигровое войско наступало колонной из шестидесяти шеренг по пятьдесят человек в каждой. Всего три тысячи солдат, хотя в глазах многих это число возрастало в пять, а то и в десять раз. Наступающие не стреляли, как не стреляли и поджидающие их британцы. Шарпу, наблюдавшему за колонной слева, войско султана казалось неудержимым – точь-в-точь нагруженная деревенская повозка, медленно и неумолимо катящаяся с горки к хлипкому забору.

Он уже различал отдельные лица – темные, с черными усами и необычайно белыми зубами. Все ближе и ближе подходило тигровое войско, так что в общем хоре можно было различить отдельные голоса, воинственные выкрики и леденящие кровь завывания. Вот-вот эта масса сорвется и покатит, ошестившись примкнутыми к ружьям штыками.

– Тридцать третий! – донесся из-под знамен зычный голос полковника Уэлсли. – Товсь!

Шарп развернул туловище вправо, поднял мушкет на высоту бедра и взвел курок. Щелчок, и Шарп, ощутив сопротивление главной пружины, мгновенно почувствовал себя увереннее. Со стороны неприятеля могло показаться, что весь боевой строй британцев развернулся вполоборота, и этот неожиданный и четкий маневр, совершенный людьми, до тех пор стоявшими молча и неподвижно, мгновенно охладил пыл наступающих. На вершине холма, под обвисшими стягами Майсура, откуда еще недавно палили орудия, появилось несколько всадников. «Уж не сам ли Типу явился понаблюдать за сражением?» – подумал Шарп. Не вспоминает ли султан тот далекий день, когда он разбил трехтысячное войско британцев и индийцев, угнав уцелевших в плен в свою столицу Серингапатам? Крики атакующих долетали, наверное, до самого неба, но все же их перекрыл голос полковника Уэлсли.

– Цельсь!

Семьсот мушкетов уперлись в семьсот плеч, готовые послать семьсот унций свинца в голову колонны, нацеленной на пару британских флагов, под которыми стоял полковник Артур Уэлсли. Спеша к победе, тигровое войско не выдержало, ускорило шаг и перешло на бег. Передние ряды рассыпались, потеряв стройность. Повозка устремила к забору.

Этого мгновения полковник Артур Уэлсли ждал шесть лет. Ему было двадцать девять лет, и полковник уже начал опасаться, что так никогда и не увидит настоящего сражения. И вот теперь наконец ему предстояло узнать, может ли он сам и его полк драться по-настоящему. Уэлсли набрал в легкие воздуха, чтобы отдать приказ к началу боя.

* * *

Полковник Жан Гуден вздохнул и, должно быть, в тысячный раз махнул рукой, отгоняя вьющихся у лица мух. Ему нравилась Индия, но он ненавидел проклятых насекомых, из-за которых любить эту страну бывало иногда довольно трудно. И все же в целом, да, он любил Индию. Хотя и не так сильно, как родной Прованс. Впрочем, разве есть на земле другое такое место, как Прованс?

– Ваше величество? – осторожно произнес он и замолчал, ожидая, пока переводчику удастся привлечь внимание Типу.

Султан немного понимал французский и неплохо говорил на местном канарезском языке, но предпочитал персидский, поскольку этот язык напоминал ему о принадлежности к великим персидским династиям. Типу считал себя выше коренных темнокожих жителей Майсура и никогда не упускал случая напомнить о том, что он мусульманин, перс и правитель, а они все – богатые и бедные, знатные и нищие – всего лишь индусы и его покорные подданные.

– Ваше величество? – повторил полковник Гуден.

– Полковник?

Типу был невысокого роста, полноватый, с густыми усами, широкими глазами и большим крючковатым носом. С виду – ничего особенного, но Гуден знал, что за непритязательной наружностью кроются решительный ум и отважное сердце. Ответив Гудену, султан, однако, не повернулся к нему и даже не удостоил взглядом. Подавшись вперед и положив руку на полосатую рукоять кривой сабли, он неотрывно наблюдал за своим войском, приближающимся к неверным. Сабля висела на широком шелковом поясе, перехватывавшем бледно-желтую шелковую тунику, которую Типу носил поверх свободных ситцевых шаровар. Тюрбан из красного шелка украшала золотая эмблема в виде головы тигра. Изображение тигра вообще присутствовало едва ли не на каждой принадлежащей султану вещи, потому что именно тигр был его талисманом и вдохновением. Эмблема на тюрбане также свидетельствовала о верности Типу своей религии и почтении к Аллаху – оскаленную морду составляли искусно расположенные буквы, складывающиеся в строку из Корана: «Лев Божий победитель». Над эмблемой, приколотый к короткому белому плюмажу, сверкая в солнечных лучах, красовался рубин размером с голубиное яйцо.

– Полковник? – повторил Типу.

– Возможно, было бы разумно, ваше величество, – неуверенно предложил Гуден, – если бы мы выдвинули оружие и кавалерию к британскому флангу. – Француз указал на замерший в ожидании удара неприятеля 33-й полк. – Угроза с фланга артиллерией и конницей могла бы вынудить англичан перестроиться в более плотный порядок, что существенно сократило бы поражающую силу их мушкетов.

Типу покачал головой:

– Мы сметем этот хлам одной лишь пехотой, а кавалерию пошлем к обозу. – Он свел ладони в молитвенном жесте. – Да будет на то воля Аллаха.

– А если воли Аллаха на то не будет? – спросил Гуден и, слушая переводчика, подумал, что тот, похоже, изменил оскорбительный вопрос до приемлемой для султана формы.

– Тогда будем драться с ними со стен Серингапатама, – ответил Типу и, на мгновение повернувшись к Гудену, сдержанно улыбнулся. Впрочем, улыбка скорее напоминала гримасу предвкушающего добычу зверя. – Мы разобьем их из пушек, полковник, – с жестоким наслаждением продолжал султан, – а через несколько недель придет муссон, и дожди потопят уцелевших. И тогда, если на то будет воля Аллаха, мы погоним англичан отсюда к самому морю.

– Если на то будет воля Аллаха, – покорно повторил полковник.

Официально он числился советником Типу, присланным Директорией, чтобы помочь Майсуру разбить англичан, и терпеливый Гуден делал все возможное, чтобы принести пользу. А что его советы в большинстве случаев просто игнорировались, так тут его вины не было. Он снова махнул рукой, отгоняя мух, и в это мгновение англичане подняли мушкеты. Когда они дадут залп, размышлял Гуден, передовые ряды наступающей колонны рассыплются, как пчелиные соты под ударом молотка. Что ж, по крайней мере, поражение станет султану уроком. Победить обученное и дисциплинированное войско можно только в том случае, когда против него используется все имеющееся оружие: кавалерия, вынуждающая противника тесниться, артиллерия и пехота, ведущие огонь по плотной массе. Конечно, все это султан знал и сам, однако настоял на том, чтобы бросить в сражение три тысячи пехотинцев без кавалерийской поддержки. Оставалось только предположить, что либо султан твердо рассчитывает на помощь Аллаха, либо одержанная пятнадцать лет назад славная победа над британцами вселила в него уверенность в способности разгромить врага в любом открытом столкновении.

Гуден снова отогнал мух. Пора, пора возвращаться домой. При всей любви к Индии он чувствовал себя неудачником. В Париже, похоже, просто забыли о его существовании, а султан демонстрировал удручающее нежелание прислушиваться к его советам. Полковник не винил Типу – Париж обещал многое, но французские войска так и не прибыли в Майсур. Гуден ощущал недовольство султана и даже разделял его обиды, в то же время чувствуя себя ненужным и покинутым. Некоторые из его знакомых давно стали генералами, даже коротышка Бонапарт, корсиканец, с которым Гуден познакомился в Тулоне, имел свою армию. А чем он, Жан Гуден, хуже других? Почему должен впустую растрчивать таланты в далеком Майсуре? Ему так нужна победа – если не здесь, то под стенами Серингапатама, где против британцев можно применить артиллерию и новое секретное оружие – ракеты. Именно в столице находился сейчас небольшой батальон из европейских солдат, и именно там, как полагал Гуден, будет решена судьба кампании. А если только победа будет на их стороне, если британцев удастся вытеснить из Южной Индии, то наградой ему, Жану Гудену, станет триумфальное возвращение на родину. Туда, где хоть мухи не плодятся, как мыши.

Вражеский полк замер с поднятыми мушкетами. Люди Типу с криками устремились в атаку. Султан привстал и подался вперед, нетерпеливо кусая губы.

Интересно, подумал Гуден, понравится ли его женщине Прованс? И понравится ли она Провансу? А может быть, пришло время для другой женщины? Он вздохнул, отмахнулся от мух и непроизвольно вздрогнул.

Потому что там, внизу, люди начали убивать друг друга.

* * *

– Огонь! – скомандовал полковник Уэлсли.

Семьсот человек потянули за спусковые крючки, и семьсот кремней ударили по огниву. От высеченных ими искр вспыхнул порох на полках ружей, последовала пауза, а за ней оглушающий треск. Семьсот мушкетов выплюнули пламя.

Латунный приклад ударил Шарпа в плечо. Он целился в бежавшего впереди колонны офицера, хотя рассчитывать на попадание с расстояния в шестьдесят ярдов не приходилось: мушкет не отличался большой точностью. Впрочем, если пуля не ушла вверх, она в любом случае должна в кого-то попасть. Оценить результат залпа Шарп не смог – перед глазами встали клубы грязно-серого дыма. В ушах звенело – за спиной тоже стреляли, – так что он вдобавок ничего не слышал. Правая рука привычно метнулась к сумке, и тут сквозь забивший уши звон прорезался энергичный голос полковника:

– Вперед! Тридцать третий, вперед!

– Вперед, ребята! – крикнул сержант Грин. – Держать строй! Не бежать! Шагом!

– Какие нетерпеливые, черт бы вас побрал! – заорал прапорщик Фицджеральд. – Держать строй! Здесь вам не скачки!

Полк двинулся вперед сквозь пелену вонючего ружейного дыма. Лейтенант Лоуфорд вдруг вспомнил, что позабыл обнажить саблю. Ничего не видя, он уже представлял ждущего их по ту сторону дымной завесы страшного неприятеля со вскинутыми на изготовку мушкетами. Лейтенант дотронулся до кармана, где лежала Библия, которую дала ему при расставании мать.

Выйдя из едкого дыма, передняя шеренга с удивлением обнаружила, что впереди нет ничего, кроме хаоса смерти.

Семьсот свинцовых шариков, обрушившихся на передовую колонну, достигли цели. Эффект был ужасен. Стройные ряды исчезли, повсюду лежали убитые да корчились на земле умирающие. Задние шеренги противника, наткнувшись на препятствие из тел, остановились в нерешительности, и как раз в этот момент пелену дыма проткнули семьсот штыков.

– Вперед! Вперед! Не дать им опомниться! – прокричал полковник Уэлсли.

– Веселей, ребята! Зададим им жару! – подхватил сержант Грин. – Вперед! Коли нехристей!

Шарп уже не думал о побеге, потому что началась настоящая драка. Из всех причин, определивших решение вступить в армию, единственной разумной была та, что армия предоставляла возможность хорошей драки. Он надел мундир, чтобы биться с врагами своего короля, и вот сейчас эти враги, ошеломленные жутким результатом ружейного залпа, застыли в ужасе перед бегущими с криками красными мундирами. Освободившись от жестких тисков строевой дисциплины, солдаты 33-го полка с энтузиазмом бросились в бой. Там, впереди, их ждала добыча. Добыча, пропитание и ошалелые от страха люди, в которых можно вонзить штык. В 33-м не было, наверное, ни одного человека, который не любил бы драки. Не многих привело в армию чувство патриотизма; их, как и Шарпа, загнал в нее голод или отчаяние, но хорошими солдатами были все. Они пришли из городских трущоб, где выжить можно не столько за счет сообразительности, сколько благодаря жестокости. Драчуны и бедняки, бойцы темных закоулков, которым нечего терять, кроме двух пенсов в день, – вот кем они были.

Шарп мчался вместе со всеми, вопя на бегу. Слева наконец подтянулись батальоны сипаев, но их помощь больше не требовалась: пехота султана в этот день не успела подготовиться к сопротивлению. Противник попятился, высматривая пути отхода, и в этот миг с севера, из-за деревьев с распутившимися красными цветами, вылетела, откликаясь на зов трубы, британская и индийская кавалерия. Опустив пики и выставив сабли, конники ударили врага с фланга.

Пехота султана обратилась в бегство. Лишь очень немногим счастливицам удалось добраться до холма, большинство же оказались отрезаны от спасительной высоты, и там, на открытой равнине, где их настиг контратакующий порыв 33-го полка, бой прекратился и началась бойня. На бегу перепрыгнув через кучу тел, Шарп наткнулся на окровавленного солдата, сумевшего из последних сил поднять мушкет. Он ударил раненого прикладом по голове, выбил ружье из слабеющих рук и помчался дальше. Его целью был офицер, смельчак, пытавшийся остановить запаниковавших солдат и допустивший роковую нерешительность. Вооруженный саблей, офицер вдруг вспомнил про пистолет за поясом, потянулся было за ним, понял, что поздно, и повернул вслед за своими подчиненными. Шарп оказался быстрее. Выбросив вперед мушкет, он попал офицеру штыком в шею. Индеец повернулся, взмахнул саблей, и Шарп услышал свист рассекаемого воздуха. Он успел вскинуть руки, и удар приняло на себя стальное дуло мушкета. В следующее мгновение англичанин врезал противнику между ног. Его крик, в котором ненависть смешалась с торжеством, не относился ни к Майсуру, ни к вражескому офицеру, зато имел самое прямое отношение ко всей его собственной жизни, с ее горестями и невзгодами. Индеец пошатнулся, согнулся, и Шарп с силой ткнул тяжелым прикладом в смуглое лицо. Враг упал, выронив саблю. Он что-то кричал – может быть, молил о пощаде, но Шарп

не слушал. Наступив левой ногой на правую руку поверженного индийца, он вонзил штык ему в горло. Вся схватка не заняла и трех секунд.

Дальше Шарп не побежал. Мимо проносились оружие однополчане, но он уже нашел свою жертву. Штык, пронзив шею индийца, ушел в землю так глубоко, что вытащить его с первой попытки не удалось. Лишь наступив офицеру на лоб, Шарп освободил наконец лезвие. Из горла хлынула кровь, но, когда он опустился на колени, зияющая рана едва пульсировала. Шарп взялся за дело, не обращая внимания на хриплые, булькающие звуки, которые еще издавал умирающий. Он сорвал и отбросил в сторону желтый шелковый пояс, отшвырнул кривую, с посеребренным эфесом саблю, пистолет. Ножны из вареной кожи тоже не представляли ценности, зато под ними обнаружился небольшой, расшитый вязью мешочек, и Шарп достал нож, открыл лезвие и перерезал шнурок. Открыв мешочек, он с разочарованием увидел, что в нем нет ничего, кроме сухого риса и чего-то похожего на маленький пирожок. Осторожно обнюхав находку, Шарп пришел к выводу, что это какой-то плод, вроде боба или фасоли. Отшвырнув мешочек, он раздраженно выругался:

– Где твои чертовы деньги?

Мужчина попытался вдохнуть, захрипел, дернулся, и тут наконец сердце его остановилось. Шарп рванул украшенную лиловыми полосками тунику. В поисках монет он прощупал швы и, ничего не найдя, стащил с головы убитого широкий красный тюрбан, липкий от свежей крови. По лицу мертвеца уже ползали мухи. Шарп развернул тюрбан и нашел то, что искал, в середине грязной тряпки: три серебряные монеты и с дюжину мелких медных.

– Так и знал, что-то у тебя есть, – сказал он мертвецу и сунул добычу в сумку.

Между тем кавалерия разделалась с остатками вражеской пехоты. Сам Типу вместе с приближенными и знаменосцами покинул наблюдательный пункт, прихватив с собой и оружие. Противник ускользнул, оставив пехоту на милость победителей. Воевавшие на стороне британцев индийцы были рекрутированы из Мадраса и мелких княжеств восточного побережья, немало пострадавших от разбойничьих рейдов Типу, так что теперь они в полной мере удовлетворяли кровавую жажду мести, с воплями и смехом рубя саблями рассыпавшихся по равнине беглецов. Некоторые из кавалеристов, не найдя цели, спешили и тоже кинулись на поиски добычи. Последними к пиру мародеров присоединились пехотинцы-сипаи, с опозданием прибывшие на место сражения.

Шарп вытер штык шелковым поясом убитого, подобрал саблю и пистолет и зашагал дальше. Ухмыляясь, думал он о том, что ничего особенного во всей этой войне и нет. Совсем ничего. Во Фландрии ничего было не понять, а здесь бой оказался неожиданно легким. Все равно что овцу резать. Ничего удивительного, что сержант Хейксвилл до сих пор еще жив. И будет жить, потому что война – пустяк. Выстрелили по разу – и баста. Шарп рассмеялся, убрал штык в ножны и присел возле очередного убитого. Надо работать, думать о будущем.

Вот бы еще решить, куда безопаснее всего сбежать.

Глава вторая

Сержант Обадайя Хейксвилл огляделся: что делают его люди? Почти все были заняты тем, что обшаривали мертвых, – совершенно достойное занятие. Солдатская привилегия. Сразись в бою, а потомними с врага все, что может принести хотя бы пенни. Офицеры над мертвецами не склонялись, они никогда не мародерствовали – по крайней мере, открыто. Тем не менее сержант обратил внимание, что прапорщик Фицджеральд ухитрился-таки добыть где-то украшенную камнями саблю, которой и размахивал теперь, как дешевая шляха дорогим веером. Мистер чертов прапорщик Фицджеральд, на взгляд Хейксвилла, определенно слишком высоко себя ставил. Прапорщики – подонки из подонков, низшие из низших, офицерские подмастерья, паренки в серебряных кружевах. Чертов мистер Фицджеральд не имел никакого права перечить сержанту, а потому мистера чертова прапорщика следовало поставить на место. Плохо только то, что этот самый мистер Фицджеральд ирландец, а ирландцы люди только наполовину цивилизованные и плохо понимают, где их место. По крайней мере, большинство. Майор Ши тоже ирландец, и вот он-то человек цивилизованный... когда, конечно, не пьян. Есть еще полковник Уэлсли из Дублина, только вот тому хватило ума стать большим англичанином, чем иные англичане, а вот чертов мистер Фицджеральд даже не пытается скрыть, где появился на свет.

– Видишь, Хейксвилл? – Не догадываясь о мрачных размышлениях сержанта, Фицджеральд переступил через труп, чтобы похвастать новой саблей.

– Что, сэр?

– Сабля. Клинок сделан в Бирмингеме! Невероятно! В Бирмингеме! Здесь так написано, видишь? «Сделано в Бирмингеме».

Хейксвилл покорно изучил надпись на клинке, потом провел пальцем по головке эфеса, элегантно украшенной колечком из семи маленьких рубинов.

– По-моему, обычные стекляшки, – с деланой небрежностью бросил он, втайне надеясь убедить юного прапорщика расстаться с трофеем.

– Чепуха, – бодро заявил ирландец. – Отличные рубины! Может, немного маловаты, но, думаю, дамы возражать не будут. Семь сверкающих камешков, а? Получается целая неделя греха. Ради этого стоило убить нехристя.

Если только ты и впрямь его убил, мрачно подумал Хейксвилл, отходя от переполненного восторгом прапорщика. Если чертов ирландец в чем и прав, то только в том, что камешки были рубинами, пусть и крохотными, и позволяли купить самых лучших из дам Найга. Купец из Мадраса по прозвищу Паскудный Найг был одним из многих, путешествующих вместе с армией. С собой индеец возил бордель. Дорогой бордель. Только для офицеров или тех, кто мог позволить себе заплатить по офицерской цене. Мысль о борделе потянула за собой другую, о Мэри Биккерстафф. Миссис Мэри Биккерстафф. Она была полукровкой, наполовину индианкой, наполовину англичанкой, за что и ценилась. Большинство сопровождавших армию женщин были черны, как Гадес, и хотя Обадайя Хейксвилл ничего не имел против темнокожих, порой ему недоставало прикосновения к белой плоти.

Редкая красавица Мэри Биккерстафф. Истинная красота среди сброда жутких, вонючих баб. Хейксвилл проводил взглядом группу батальонных жен, устремившихся на поле, чтобы поучаствовать в разделе добычи, и его передернуло от отвращения. Примерно половина были *бибби*, индианки, и большинство, насколько знал Хейксвилл, даже не получили требуемого для признания брака действительным разрешения полковника, тогда как другая половина состояла из счастливиц-британок, которые выиграли в жестокой лотерее, проводившейся в ночь накануне отбытия полка из Англии. Жен тогда собрали в бараке, бумажки с именами положили в десять киверов, по одному на каждый батальон, и первым десяти из каждого кивера разрешили

сопровождать своих мужей. Остальным пришлось остаться в Англии, и о том, что с ними случилось дальше, можно только догадываться. Большинство обратились за помощью в приход, но приходы не любят кормить солдатских жен, а потому им ничего не оставалось, как продавать себя. Таких называли барачными шлюхами, потому как на лучшее с их внешностью рассчитывать не приходилось. Но встречались – таких, правда, было совсем немного – и миленькие, а среди последних не было никого милее вдовы сержанта Биккерстаффа.

Женщины между тем рассредоточились по полю между мертвыми и умирающими майсурсцами. Обирать убитых у них получалось лучше, чем у мужчин, потому что мужчины обычно спешат и пропускают потайные места, где солдаты прячут деньги. Хейксвилл видел, как Флора Плаккет раздела убитого, чье горло было рассечено кавалерийской саблей. Она тщательно, неспешно пересматривала каждую вещь и передавала ее двум своим детям, которые складывали и упаковывали одежду. Хейксвиллу нравилась Флора Плаккет, крупная и решительная женщина, державшая в строгости мужа и не жаловавшаяся на тяготы и неудобства кочевой жизни. К тому же она была хорошей матерью, и именно по этой причине Обадаия Хейксвилл не обращал внимания на то, что Флора страшна как смертный грех. Матери – это святое. От матерей не требуется быть миленькими. Матери были для Хейксвилла ангелами-хранителями, и Флора Плаккет напоминала сержанту его собственную мать, единственного в мире человека, относившегося к нему по-доброму.

Бидди Хейксвилл давно сошла в могилу, отдав душу богу за год до того, как двенадцатилетнего Обадаию повесили за кражу овец. Желая повеселить публику, палач оставил жертв болтаться в воздухе, чтобы они задохнулись постепенно, дергая мокрыми от мочи ногами в гротескном подобию танца мертвых. Мальчишка в конце виселицы никого особенно не интересовал, а потому, когда хлынувший ливень разогнал толпу, никто не заметил, как его дядя перерезал веревку и освободил племянника. «Только ради твоей матери, – прошипел родственник. – Да упокоит Господь ее душу. А теперь убирайся и не смей возвращаться сюда». Хейксвилл убежал на юг, вступил в армию барабанщиком, дослужился до сержанта и не забыл прощальных слов матери: «Никто не избавится от моего Обадаии. Смерть для него слишком хороша». Виселица доказала ее правоту. Отмеченный Богом, вот он кто. Бессмертный!

Неподалеку кто-то застонал, и сержант, отвлекшись от раздумий, повернулся и увидел индийца, отчаянно пытающегося перевернуться на живот. Подойдя ближе, Хейксвилл повернул раненого на спину и приставил ему к горлу острое алебарды.

– Деньги? – рыкнул он, сопроводив слово всем понятным жестом. – Деньги?

Мужчина медленно моргнул и произнес что-то на своем языке.

– Да, негодник, я сохранию тебе жизнь, – ухмыляясь, пообещал сержант. – Хотя долго ты все равно не протянешь. Получил пулю в брюхо, видишь? – Он показал на рану в животе индийца. – Ну, где твои деньги? Деньги! Пайсы? Пагоды? Анны? Рупии? Даны?

Раненый, похоже, понял, потому что рука его сдвинулась вверх, к груди.

– Вот и молодец. – Хейксвилл улыбнулся, и лицо его снова передернуло нервный тик. Острие вошло в горло, но не настолько глубоко, чтобы убить сразу, потому что сержант любил наблюдать, как в глазах жертвы появляется осознание смерти. – А еще глупец, – добавил он, когда смертная агония закончилась и человек затих.

Разрезав тунику, Хейксвилл обнаружил, что деньги, несколько монет, индеец привязал к телу хлопчатобумажным поясом. Медная мелочь перекочевала в карман победителя. Невелика добыча, но Хейксвилл наполнял кошелек, забирая свою долю у солдат. Они не протестовали, зная, что отказ поделиться аукнется наказанием.

Неподалеку опустился на колени Шарп, и сержант поспешил к нему:

– Обзавелся саблей, Шарпи? Украл, да?

– Я его убил, сержант. – Шарп поднял голову.

– Не важно, парень, понял? Таким, как ты, не положено носить саблю. Офицерское оружие сабля. Не пытайся залезть выше, чем есть, а не то упадешь. Саблю я возьму себе. – Хейксвилл ожидал возражений, но рядовой промолчал. Осмотрев посеребренный эфес, он довольно хмыкнул. – Кое-что да стоит. – В следующий момент острие сабли уткнулось в горло солдата. – В любом случае больше, чем стоишь ты. Уж больно умен, такие сами находят себе неприятности.

Шарп отстранился и поднялся:

– Я с вами ссориться не собираюсь, сержант.

– Нет? Разве? – Лицо Хейксвилла исказила гримаса. – А по-моему, собираешься. И сам знаешь из-за чего.

Шарп покачал головой.

– Я с вами ссориться не собираюсь, сержант, – упрямо повторил он.

– Из-за миссис Биккерстафф, – добавил сержант и усмехнулся, когда ответа не последовало. – А я почти поймал тебя с кремнем, а? Тебя бы отодрали так, что живого места не осталось бы. И через неделю ты сдох бы от лихорадки. В здешнем климате порка – смертельное наказание. После хорошей порки человек редко поднимается на ноги. Но у тебя нашелся заступник, а? Мистер Лоуфорд. Ты ему нравишься, верно? – Хейксвилл ткнул Шарпа в грудь острием сабли. – Ходишь у него в любимчиках, а? Или тут что-то еще?

– Мистер Лоуфорд ничего для меня не значит.

– Это ты так говоришь, а я вижу другое. – Сержант хихикнул. – У вас взаимная симпатия, а? У тебя и мистера Лоуфорда? Ну разве не мило? Да вот только миссис Биккерстафф ты после этого не нужен. Ей будет лучше с настоящим мужиком.

– Не ваше дело.

– Не мое дело? Нет, вы только послушайте! – Хейксвилл ухмыльнулся и снова ткнул Шарпа саблей в грудь. Он хотел спровоцировать соперника, заставить его сопротивляться, чтобы обвинить в нападении на старшего, но рядовой снова отступил. – Слушай меня, Шарпи, и слушай хорошенько. Она жена сержанта, а не девка какого-нибудь простого солдата.

– Сержант Биккерстафф умер, – запротестовал Шарп.

– Ей нужен мужчина! – перебил его Хейксвилл. – И сержантская вдова не ложится под такую шваль, как ты. Это неправильно. Противоестественно. Это унижительно для нее, Шарпи, а потому непозволительно. Так написано в скрижалях.

– Она сама выберет, кто ей нужен, – стоял на своем Шарп.

– Выберет? Выберет? – Хейксвилл рассмеялся. – Бабы не выбирают, ты, размазня. Баб берут те, кто сильнее. – Еще один укол саблей. – Так написано в скрижалях, Шарпи, и если ты встанешь у меня на пути – берегись. С тебя сдерут шкуру и оставят на солнце. Знаешь, сколько назначают за утерю кремня? Двести ударов. А тебе дадут тысячу. И врежут по-настоящему. Живого места не останется. Ты и подняться не сможешь. А без тебя кто присмотрит за миссис Биккерстафф? А? Отвечай! То-то. Так что отступись, Шарпи. Оставь ее мне. – Он ослабил и снова пустил в ход саблю, но уловка не помогла, и Хейксвилл отказался от дальнейших попыток. – Не забудь, я у тебя в долгу.

Шарп послал в спину сержанту пару беззвучных проклятий и повернулся на зов, долетевший из-за кучи тел, бывших недавно передовой шеренгой тигрового войска. Сейчас эту кучу растаскивали, чтобы обыскать каждый труп, и среди тех, кто этим занимался, была Мэри Биккерстафф.

Он подошел ближе и остановился, как всегда пораженный красотой девушки: черные волосы, тонкие черты лица и большие темные глаза, часто вспыхивающие лукавством. Сейчас, однако, в них застыла тревога.

– Что нужно Хейксвиллу? Чего он хочет?

– Тебя.

Она плюнула и склонилась над телом, которое обшаривала.

– Исполняй свой долг, Ричард, и сержант тебя не тронет. Не сможет.

– Не так-то все просто. Ты не хуже меня знаешь, что такое армия.

– Надо просто быть поумнее, – стояла на своем Мэри.

Она была дочерью солдата и выросла в калькутском бараке. От матери ей досталась экзотическая индийская красота, от отца, служившего сержантом инженерной части в гарнизоне Старого Форта, знание тонкостей армейской жизни. Родители Мэри умерли от холеры. Отец всегда утверждал, что дочь достаточно красива, чтобы получить в мужья офицера и выйти в люди, но офицеры не очень-то спешили брать в жены полукровку, по крайней мере те из них, кто подумывал о карьерном продвижении, а потому после смерти родителей Мэри вышла за сержанта Джема Биккерстаффа, человека доброго и хорошего. Но и Биккерстафф скончался от лихорадки вскоре после того, как армия, покинув Мадрас, поднялась на плато Майсура. Так что Мэри в свои двадцать два была уже не только сиротой, но и вдовой.

– Если тебя произведут в сержанты, Ричард, Хейксвилл и пальцем до тебя не дотронется.

Шарп рассмеялся:

– Я? Сержант? Да, вот был бы денек. Знаешь, я однажды уже побывал капралом, да только это быстро закончилось.

– Ты можешь стать сержантом, – не отступала Мэри, – и ты должен им стать. И тогда Хейксвилла можно не бояться. Он не посмеет тебя тронуть.

Шарп пожал плечами:

– Он не меня хочет трогать, а тебя.

Мэри, разрезавшая снятую с мертвеца тунику, подняла голову и загадочно посмотрела на солдата. Она не питала к Джему Биккерстаффу нежных чувств, но признавала, что муж был добрым, достойным человеком. То же достоинство девушка видела и в Шарпе. Ну, может быть, и не совсем то, потому что в Ричарде был еще огонь, которого так не доставало ее покойному мужу, и, когда надо, он мог быть хитрым, как змея. Так или иначе, Мэри доверяла ему. И еще ее влекло к Шарпу. В этом высоком, сухощавом красавчике было что-то невероятно привлекательное, что-то опасное и волнующее. Несколько секунд Мэри смотрела на него, потом пожалала плечами:

– Может быть, он не посмел бы тронуть меня, если бы мы поженились. Я имею в виду, поженились по-настоящему, с разрешения полковника.

– Поженились? – встревоженно воскликнул Шарп.

Мэри поднялась.

– Знаешь, Ричард, в армии трудно быть вдовой. Каждый мужчина считает тебя своей добычей.

– Да, я знаю, тебе нелегко.

Шарп нахмурился и посмотрел на молодую женщину, обдумывая предложение. До сих пор он думал только о том, как бы сбежать из армии, но, возможно, женитьба не такая уж плохая идея. По крайней мере, Хейксвиллу будет труднее добраться до Мэри. А еще женатые чаще получают повышение. Только какой смысл карабкаться по навозной куче? Даже сержант находится едва ли не в самом ее низу. Уж лучше распрощаться с армией насовсем, и Мэри охотнее присоединится к нему, если они будут женаты. Придя к такому выводу, Шарп медленно кивнул.

– Я бы не прочь, – застенчиво проговорил он.

– И я тоже. – Она улыбнулась, и Шарп неуклюже улыбнулся в ответ. Некоторое время оба молчали, не зная, что сказать, потом Мэри опустила руку в карман передника и достала то, что только что сняла с убитого. – Посмотри, что я нашла! – Она протянула красный камень размером с куриное яйцо. – Как по-твоему, это рубин?

Шарп подержал камень на ладони, подбросил, поймал:

– По-моему, просто стекляшка. Но на свадьбу я подарю тебе самый настоящий рубин. Вот увидишь.

– Буду ждать. И не просто ждать, Дик Шарп, – радостно пообещала она и взяла его за руку.

Это видел стоящий в сотне шагов от них сержант Хейксвилл. Щека его дернулась.

Тем временем на поле, усеянное раздетыми и обобранными телами, опустились стервятники. Опустились, осторожно, бочком подступили к мертвецам и принялись за дело.

* * *

Союзные армии остановились лагерем примерно в миле от места, где лежали мертвые. Лагерь растянулся на равнине – мгновенно возникший город, в котором предстояло провести ночь пятидесяти тысячам солдат и несчитаным тысячам сопровождающих. Офицерские палатки поставили подальше от расположившегося на ночь огромного стада, подразделявшегося на три части: откормленных на убой телят; быков, несших на себе корзины с восемнадцати- и двадцатичетырехфунтовыми ядрами, необходимыми для обстрела крепостных стен Серингапатама; и волов, таскавших за собой повозки и осадные орудия – некоторые были настолько тяжелы, что в каждое впрягали до шестидесяти животных. Общее поголовье превышало двести тысяч, но состояние стада оставляло желать лучшего по той причине, что кавалерия Типу уничтожала фураж на пути следования британской и хайдарабадской армий.

У простых солдат палаток не было, и спать укладывались поближе к кострам. Впрочем, для 33-го полка вечер выдался особенный: они плотно поели, а собранные с убитых деньги позволяли растянуть удовольствие до глубокой ночи. Сопровождавшие армию бхинджари, торговцы, которые для защиты своих товаров нанимали специальную стражу, предлагали широкий выбор: цыплята, рис, лепешки, овощи и, самое главное, обжигающий горло арак, от которого люди пьянели даже быстрее, чем от рома. Некоторые предоставляли к услугам и шлюх, так что парням 33-го было на что потратить честно заработанные денежки.

Капитан Моррис собирался посетить знаменитые зеленые шатры Найга, торговавшего самыми дорогими шлюхами Мадраса, но прежде следовало разобраться с делами, чем он и занимался, сидя за столиком в собственной палатке при зыбком свете свечи. Хотя, точнее будет сказать, делами занимался сержант Хейксвилл, тогда как капитан, расстегнув мундир и ослабив воротник, устроился на походном стуле. С лица его капал пот. Ветра почти не было, но вход в палатку закрывала муслиновая занавеска – препятствуя доступу свежего воздуха, она одновременно служила барьером для ненасытной мошкар. Моррис ненавидел мошкар, ненавидел жару и ненавидел Индию.

– Караульный список, сэр, – отрапортовал Хейксвилл, протягивая бумаги.

– Что-то такое, что мне надо знать?

– Нет, сэр, ничего особенного. Все, как на прошлой неделе. Тогда их составлял прапорщик Хикс, сэр. Хороший человек прапорщик Хикс. Знает свое место, сэр.

– То есть делает то, что ты ему скажешь? – сухо спросил Моррис.

– Обучается ремеслу, сэр, обучается ремеслу. Как и положено хорошему прапорщику. В отличие от некоторых других.

Проигнорировав хитрый намек на Фицджеральда, капитан обмакнул перо в чернильницу и поставил свое имя в конце списков.

– Полагаю, прапорщику Фицджеральду и сержанту Грину достались ночные смены?

– Им обоим нужна практика, сэр.

– А тебе, сержант, нужен сон?

– Список наказанных, сэр. – Хейксвилл забрал подписанный лист и пододвинул капитану журнал в кожаном переплете, оставив последнюю реплику без комментариев.

– Неделя без поротых? – осведомился Моррис, листая страницы.

– Скоро будут, сэр, скоро будут.

– Рядовой Шарп перехитрил тебя сегодня, а? – Капитан рассмеялся. – Теряешь хватку, Обадайя.

В голосе офицера прозвучало легкое презрение, но Хейксвилл не обиделся. Офицеры есть офицеры, по крайней мере те, что стоят выше прапорщика, и таким джентльменам свойственно и не зазорно относиться к низшему составу высокомерно и даже безразлично.

– Ничего я не теряю, сэр, – спокойно ответил сержант. – Коль крыса не сдохла сразу, пускай пса по второму разу. Вот как это делается, сэр. Так написано в скрижалях. Список больных, сэр. Новых нет, только у Сирза лихорадка. Долго не протянет, ну и потеря невелика, сэр. Пользы от него никакой, от Сирза. Так что уж лучше пусть помирает.

– Закончил? – устало спросил Моррис, подписав последний список, когда у входа кто-то тактично прочистил горло, и в палатку, откинув муслиновый полог, вошел лейтенант Лоуфорд:

– Заняты, Чарльз?

– Всегда рад вас видеть, Уильям, – усмехнулся капитан. – Как раз собрался прогуляться.

– Там солдат, – объяснил Лоуфорд. – С просьбой по личному делу.

Моррис тяжело вздохнул, изображая человека слишком занятого, чтобы отвлекаться по пустякам, потом пожал плечами и махнул рукой, давая понять, что готов уделить минуту своего драгоценнейшего времени в силу необычайной щедрости и великодушия.

– Кто у вас там?

– Рядовой Шарп, сэр.

– Смутьян, сэр, – вставил Хейксвилл.

– Шарп хороший солдат, – горячо возразил Лоуфорд и тут же, вероятно рассудив, что скромный армейский опыт вряд ли дает ему право выносить такие суждения, более сдержанно добавил: – По крайней мере, мне так представляется.

– Пусть войдет.

Моррис отпил из кувшина арака и, подняв голову, посмотрел на вошедшего и вытянувшегося по струнке солдата.

– Голову долой! – бросил Хейксвилл. – Или не знаешь, что в присутствии офицера солдат должен снимать головной убор?

Шарп сдернул кивер.

– Ну? – спросил капитан.

Секунду-другую Шарп молчал, глядя поверх головы Морриса и словно не зная, что сказать, потом вдруг откашлялся и обрел голос:

– Прошу разрешения на брак, сэр.

Моррис хмыкнул:

– Вздумал жениться? Нашел себе бибби, а? – Он сделал еще глоток арака и взглянул на сержанта. – Сколько у нас жен на ротном обеспечении?

– Полный состав, сэр! Свободных мест не имеется! И не предвидится.

– Свободное место не требуется, – вмешался лейтенант Лоуфорд. – Девушка уже в списке. Это вдова сержанта Биккерстаффа.

– Биккерстафф, – медленно, как будто припоминая, где слышал это имя, повторил капитан. – Биккерстафф. Не тот ли, что умер на марше от лихорадки?

– Так точно, сэр. Тот самый, сэр, – подтвердил Хейксвилл.

– Я и не знал, что он был женат. Официальная жена?

– Так точно, сэр. Совершенно официальная. Брачное свидетельство подписано самолично полковником. Все по правилам, сэр, заключили союз перед Богом и армией.

Моррис хмыкнул и снова посмотрел на Шарпа:

– А с чего это тебе приспичило жениться?

Солдат замялся.

– Ну, просто так, сэр, – смущенно ответил он.

– Не могу сказать, что не одобряю брак, – продолжал капитан. – Мужчинам он придает степенности. Но ты-то, Шарп, мог бы найти и получше, чем солдатская вдова. Жуткие создания эти солдатские вдовы. Пользованный товар. Толстые, грязные, как кусок сала, завернутый в белье. Найди себе молоденькую милашку, библи, такую, которая еще не пробовала солдатского семени.

– Очень полезный совет, сэр, – подхватил сержант. – Мудрые слова, сэр. Ему можно идти?

– Мэри Биккерстафф хорошая женщина, сэр, – вмешался лейтенант Лоуфорд, горевший желанием помочь обратившемуся к нему за содействием солдату. – И Шарпу это пойдет на пользу, сэр.

Капитан обрезал сигару и прикурил ее от догорающей на столе свечи.

– Белая? – рассеянно спросил он.

– Наполовину, сэр, – пояснил Хейксвилл, – но муж у нее был хороший человек. – Он шмыгнул носом, изображая прилив чувств. – Джем Биккерстафф... Еще и месяца не прошло, как слег в могилу, и вот... Слишком рано этой попрыгунье снова проситься замуж. Неправильно это, сэр. В скрижалях...

Его остановил циничный взгляд Морриса.

– Прекратите, сержант. Что за чушь. Большинство армейских вдов выскакивают замуж на следующий день! Здесь у нас, знаете ли, не высшее общество.

– Но Джем Биккерстафф был моим другом, сэр. – Хейксвилл снова засопел и даже смахнул рукавом невидимую слезу. – Да, моим другом, – продолжал он, добавив прочувствованной хрипотцы, – и, пребывая на смертном ложе, сэр, умолял меня присмотреть за женошкой. Знаю, она не совсем белая, сказал он мне, но заслуживает того, чтобы за ней присмотрели. Его предсмертные слова, сэр.

– Да он вас терпеть не мог! – не стерпел Шарп.

– Молчать в присутствии офицера! – заорал Хейксвилл. – Будешь разговаривать, когда прикажут, а пока закрой рот!

Моррис поморщился, как будто от криков сержанта у него мгновенно разболелась голова. Потом посмотрел на Шарпа:

– Ладно, я поговорю с майором Ши. Если все так и есть и если женщина хочет выйти за тебя, то не представляю, как ее можно остановить. Поговорю с майором. Все. Свободен.

Шарп задержался, не зная, стоит ли благодарить капитана за столь лаконичный ответ, но придумать ничего не успел.

– Кругом! Живо! Раз-два, раз-два, шагом марш! Да осторожней, парень, полог не сорви! Это тебе не свинарник, в котором ты вырос, а офицерская палатка!

Подождав, пока Шарп уйдет, капитан повернулся к Лоуфорду:

– Что-нибудь еще, лейтенант?

– Вы поговорите с майором, Чарльз?

– Я ведь сказал, не так ли? – Моррис бросил на Лоуфорда сердитый взгляд.

Молодой офицер смешался, потом кивнул:

– Доброй ночи, сэр. – Он откинул занавеску и вышел из палатки.

Удостоверившись, что оба посетителя отошли достаточно далеко, Моррис обернулся к Хейксвиллу:

– Что будем делать?

– Скажем этому глупцу, сэр, что майор Ши не дал разрешения.

– А Лоуфорд поговорит с майором и узнает, что ему никто ничего не передавал. Или пойдет напрямик к Уэлсли. У Лоуфорда дядя служит в штабе, или ты уже забыл? Головой надо думать! – Капитан прихлопнул прорвавшуюся в палатку мошку. – Так что будем делать?

Хейксвилл опустился на стул по другую сторону стола, почесал затылок, посмотрел в ночь и снова на Морриса:

– Этот Шарп ловкий малый. Скользкий. Голыми руками его не взять. Но я с ним справлюсь. Уберу. – Сержант помолчал. – Конечно, сэр, если вы мне поможете, дело пойдет быстрее. Намного быстрее.

Капитан с сомнением покачал головой:

– Девчонка просто найдет себе другого покровителя. Думаю, ты зря стараешься.

– Я? Зря стараюсь? Нет, сэр. Нет. Я ее заполучу, сэр. Вот увидите. И Найг говорит, что вы сможете пользоваться ею сколько захотите. Бесплатно, сэр. Как и положено.

Моррис поднялся, обтянул мундир, взял саблю и пистолет.

– Думаешь, я стану пользоваться твоей женщиной? – Он поежился. – И подцеплю твой сифилис?

– Какой сифилис, сэр? У меня? – Хейксвилл поднялся. – Никак нет, сэр. Чист как стеклышко. Вылечился. Ртутью. Спросите у врача, сэр, он вам скажет.

Думая о Мэри Биккерстафф, Моррис не знал, что и делать. Вообще-то, он часто думал о Мэри Биккерстафф. Она была очень красива, а мужчины в походе падки до красоты, поэтому притягательность Мэри возрастала пропорционально удалению армии на запад. Моррис был не одинок. В ночь, когда муж Мэри отошел в мир иной, офицеры 33-го полка заключили пари относительно того, кто первым уложит вдовушку в постель, но пока никто не мог похвастать успехом. Моррис тоже хотел победить, но не столько из-за приза в четырнадцать гиней, назначенных удачливому обольстителю, сколько ради обладания женщиной, сводившей его с ума. Вскоре после смерти Биккерстаффа он попросил Мэри постирать для него, полагая, что таким способом приблизит желаемое, но та наотрез, да еще с насмешкой, отказала. Капитан хотел отомстить строптивнице, и Хейксвилл, обладавший редким чутьем на чужие слабости, понял желание Морриса и предложил устроить все к общему удовольствию. Сержант доверительно сообщил раздосадованному офицеру, что Найг умеет ломать самых упрямых и несговорчивых. «Не родилась еще такая библи, с которой не справился бы Найг, – заверил капитана Хейксвилл, – а за настоящую белую он готов хорошо заплатить. Миссис Биккерстафф не совсем белая, сэр, и даже не христианка, но в темноте вполне сойдет». В соперничестве с Шарпом за женщину сержант рассчитывал на помощь Морриса, пообещав в качестве стимула обеспечить бесплатный доступ в шатры Найга. Капитан понимал, что взамен Хейксвилл ожидает пожизненного покровительства. Продвигаясь по ступенькам армейской иерархии, ему придется тащить за собой сержанта, и с каждым шагом Хейксвилл будет забирать все больше власти и влияния.

– Так когда ты освободишь миссис Биккерстафф от Шарпа? – спросил Моррис, застегивая пряжку ремня.

– Сегодня, сэр. С вашей помощью. Смею спросить, сэр, вернетесь ли вы сюда к полуночи?

– Возможно.

– Тогда, сэр, мы разделимся с ним. Сегодня ночью, сэр.

Моррис нахлобучил треуголку, похлопал по карману мундира, где лежали деньги, и нырнул под муслиновый полог.

– Действуйте, сержант, – бросил он через плечо.

– Сэр! – Хейксвилл вытянулся в струнку и стоял так еще добрых десять секунд после ухода капитана. Потом, довольно ослабившись, последовал за Моррисом в ночь.

* * *

В девятнадцати милях к югу от лагеря стоял храм. В это древнее, расположенное в глубине страны индуистское святилище местные жители приходили по праздникам, чтобы почтить своих богов и помолиться о своевременном ниспослании муссона, хорошем урожае и мире. В остальное время храм пустовал, а его боги, алтари и украшенные резьбой башенки становились пристанищем для скорпионов, змей и обезьян.

Храм окружала стена с единственными воротами, которые никогда не закрывались. В нишах опорных столбов крестьяне оставляли свои нехитрые дары – цветы и продукты. Иногда, минуя ворота, они пересекали двор и поднимались к внутреннему святилищу, где складывали скромные жертвоприношения под изображениями бога, но по ночам, когда черное индийское небо нависало над истомленной зноем землей, никто и не помышлял о том, чтобы потревожить покой идолов.

В эту ночь, ночь после сражения, один человек все-таки вошел в храм. Он был высок и худощав, с седыми волосами и жестким, прокаленным солнцем лицом. Возраст его перевалил за шестьдесят, но спина оставалась прямой, и двигался мужчина с легкостью, которой позавидовал бы и иной молодой. Как и большинство европейцев, проживших долгое время в Индии, он был подвержен приступам лихорадки, но в прочих отношениях отличался отменным здоровьем, которое объяснял своей религией и образом жизни, исключавшим алкоголь, табак и мясо. Религией полковника Гектора Маккандлесса был кальвинизм, поскольку вырос он в Шотландии, а уроки благочестия, воспринятые чистой юной душой, не забываются. Честный, надежный, мудрый – таким был этот человек.

Пройдя в ворота, полковник Маккандлесс зажег маленький фонарь и слегка нахмурился, когда свет отразился от каменных идолов, вид которых оскорблял его религиозные чувства. Прожив в Индии более шестнадцати лет, он привык к языческим святилищам и плохо помнил, как выглядят кирхи далекой родины, но каждый раз, когда перед глазами представляли странные существа с множеством рук, слоновьими головами и гротескно раскрашенными лицами, в нем поднималась волна неприятия и осуждения. Полковник никогда не позволял этим чувствам выходить наружу, ибо любое их проявление могло помешать исполнению им долга, а долг он признавал господином, уступающим первое место только Богу.

На полковнике был красный мундир и клетчатый килт Королевского шотландского полка, части, не видевшей его строгого лица более шестнадцати лет. Маккандлесс прослужил в бригаде тридцать лет, но недостаток средств тормозил карьерный рост, и однажды он, с благословения своего полковника, принял предложение Ост-Индской компании, управлявшей теми частями Индии, что находились под британским владычеством. Некоторое время он командовал батальонами сипаев, но первой и самой сильной его любовью была геологическая разведка. Маккандлесс составил карту карнатакского побережья, провел съемку сундарбандского участка Хугли и исходил вдоль и поперек весь Майсур. В этих экспедициях Маккандлесс выучил с полдюжины индийских диалектов и познакомился с десятками принцев, раджей и набобов. Мало кто знал и понимал Индию так, как этот шотландец, и потому Компания произвела его в полковники и прикомандировала к британской армии в качестве начальника разведки. Перед ним поставили задачу снабдить генерала Харриса сведениями о численности и силе противника, а прежде всего информацией об особенностях обороны, с которой союзным армиям предстояло столкнуться под Серингапатомом.

Именно поиски ответа на последний вопрос и привели Маккандлесса в древний храм. Он уже изучал это место семью годами ранее, когда армия лорда Корнваллиса выступила против Майсура, и еще тогда восхищался невероятной красоты резным орнаментом, покрывавшим буквально каждый квадратный дюйм стен. И пусть здешние изображения оскорбляли

религиозные чувства кальвиниста, Маккандлесс не мог не отдать должное мастерству древних каменщиков и резчиков, потому что вышедшие из-под их резца скульптуры превосходили едва ли все созданное в средневековой Европе. Вот и сейчас желтоватый свет фонаря скользил по застывшим в камне боевым слонам, жестоким богам и марширующим армиям.

Ночной гость поднялся по ступенькам к главному входу, прошел между приземистыми колоннами и вступил в святилище. Крышу под высокой резной башенкой украшали каменные цветы лотоса. Из ниш, рядом с которыми лежали сухие листья и цветы, невидяще глядели идола. Полковник поставил фонарь на мощеный пол, сел, скрестив ноги, рядом и принялся ждать. Закрыв глаза, он сосредоточился на звуках ночи. Маккандлесс пришел сюда в сопровождении шести индийских копеечников, но оставил их в двух милях от места назначения, дабы присутствие стражи не спугнуло того, с кем ему предстояло встретиться. Просидев несколько минут с закрытыми глазами и сложенными на груди руками, полковник услышал тяжелую поступь копыт по сухой земле, звон уздечки и... снова тишину. Не открывая глаз, он терпеливо ждал.

– Если бы не форма, – прозвучал наконец голос, – я бы принял вас за молящегося.

– Моя форма так же не мешает мне молиться, как вам ваша, – ответил полковник, открыл глаза и поднялся. – Здравствуйте, генерал.

Вошедший был моложе шотландца, но такой же сухощавый и высокий. Аппа Рао, ныне генерал в армии султана Типу, некогда служил офицером в батальоне сипаев под командованием Маккандлесса. Помня о старой дружбе, полковник и предложил бывшему подчиненному встретиться и поговорить в укромном месте. В родной Майсур Аппа Рао вернулся после смерти отца, будучи уже опытным, прошедшим хорошую школу солдатом. Днем он стал свидетелем того, как британцы одним только ружейным залпом уничтожили пехоту султана. Увиденное произвело на него самое гнетущее впечатление, но индеец нашел в себе силы поприветствовать давнего знакомого:

– Все еще живы, майор? – Аппа Рао говорил на канарезском, языке коренных жителей Майсура.

– Еще жив, но только не майор, а полковник, – ответил на том же языке Маккандлесс. – Присядем?

Аппа Рао кивнул и опустил на пол напротив шотландца. Во дворе, у открытых ворот, маячили фигуры двух солдат. Очевидно, проверенные ребята, решил Маккандлесс. Индеец рисковал многим: узнай султан об этой встрече, и самого Аппа Рао, и его семью, включая детей, постигла бы неминуемая смерть. Если только, конечно, Типу не прознал о переговорах заранее и не использует Аппу Рао в своей игре.

Генерал был одет в полосатую тунику тигрового войска своего хозяина, но подпоясан широким шелковым поясом, на котором висела сабля с золоченой рукояткой. Облечение индийца дополняли сапоги красной кожи и головной убор из красного муара с мягко мерцающим в тусклом свете фонаря молочно-голубым камнем.

– Вы были сегодня у Малавелли? – спросил он.

– Да, – ответил британец.

Деревушка Малавелли находилась поблизости от того места, где произошло сражение.

– Тогда вы знаете, что там произошло?

– Знаю, что Типу принес в жертву сотни ваших соотечественников. Ваших, генерал, а не своих.

Аппа Рао покачал головой:

– Люди идут за ним.

– Идут. Но лишь потому, что у них нет выбора. Разве они действительно его любят?

– Некоторые. Но какое это имеет значение? Правителю не нужна любовь подданных. Ему нужна их покорность, их послушание, а любовь... любовь, полковник, это для детей, богов и женщин.

Маккандлесс улыбнулся, не желая вести бессмысленный спор на отвлеченную тему. Он вовсе не собирался склонять индийца к измене – само присутствие генерала показывало, что он уже ступил на дорогу предательства, – и не ждал, что генерал легко признает его правоту. На кону стояла гордость, которую Аппа Рао ценил очень высоко, и обращаться с ней следовало бережно и осторожно, как с заряженным дуэльным пистолетом. Гордым и независимым Аппа Рао был всегда, даже в юности, когда служил в армии Ост-Индской компании, и Маккандлесс уважал его за это. Он уважал индийца тогда, уважал сейчас и не сомневался, что генерал питает к нему такое же чувство. Именно в расчете на взаимное чувство уважения полковник и послал записку с одним из агентов Компании, отправлявшимся в Серингапатам. Агент путешествовал по Южной Индии под видом обнаженного факира, и в записке, спрятанной в длинных немых волосах, содержалось предложение о встрече. В полученном через того же агента письме указывалось место и время встречи. Аппа Рао сделал опасный шаг к измене, но это не означало, что такой шаг дался ему легко и доставил удовольствие.

– У меня подарок, – сменил тему Маккандлесс, – для вашего раджи.

– Подарков ему действительно недостает.

– С почтением и глубочайшим уважением. – Британец достал из спорана кожаный мешочек и положил его возле фонаря. В мешочке что-то звякнуло, но Аппа Рао, хотя и посмотрел на подарок, брать его не стал. – Скажите радже, – продолжал полковник, – что мы желаем вернуть его на трон.

– А кто будет стоять за троном? – спросил индиец. – Люди в красных мундирах?

– Вы. Ваша семья всегда стояла за троном.

– А вы? Что нужно вам?

– Мы хотим торговать. Именно этим Компания и занимается: торгует. Зачем нам становиться правителями?

Аппа Рао усмехнулся:

– Однако вы всегда ими становитесь. Приходите как торговцы, но привозите с собой пушки, а потом используете их, чтобы устанавливать и собирать налоги, судить и казнить. Потом появляются ваши церкви.

– Мы пришли торговать, – стоял на своем Маккандлесс. – И вопрос, генерал, стоит так: что вы предпочитаете, торговать с британцами или подчиняться мусульманам?

Шотландец знал, что именно в поисках ответа на этот вопрос Аппа Рао и пришел в храм под покровом ночи. Майсур – индусская страна, и его древние правители Водеяры были индусами, как и их подданные. Отец же Типу, жестокий завоеватель Хайдар Али, пришел с севера. После смерти Хайдара трон унаследовал его сын Типу. Для придания видимости законности Типу, как и его отец, сохранил жизнь членам бывшей правящей династии. Впрочем, теперь Водеяры, низведенные до состояния едва ли не нищеты, исполняли лишь представительские функции. Новый раджа был еще ребенком, но многие индусы Майсура по-прежнему видели в нем полноправного монарха, хотя и держали это мнение при себе, справедливо опасаясь мести Типу.

Не дождавшись ответа на вопрос, шотландец сформулировал его иначе:

– Вы ведь последний старший офицер-индус в армии Типу?

– Есть и другие, – уклончиво ответил Аппа Рао.

– А остальные?

Индиец помолчал.

– Скармлины тиграм, – признал он после паузы.

– И совсем скоро, генерал, – негромко сказал полковник, – в Майсуре совсем не останется офицеров-индусов, зато тигры наберут жирка. Даже если вы победите нас, это не гарантирует вам безопасности, потому что потом придут французы.

Аппа Рао пожал плечами:

– В Серингапатаме уже есть французы. Они ничего от нас не требуют.

– Да, пока, – многозначительно проговорил шотландец. – Но позвольте сообщить вам о том, что будоражит сейчас весь мир. Во Франции появился генерал по имени Бонапарт. Его армия сейчас на Ниле, но Египет ни французов, ни Бонапарта не интересует. Его взгляды устремлены дальше на восток. На Индию. В нынешнем году Бонапарт прислал Типу письмо. Вы видели его? Султан показал вам это письмо? – Индиец промолчал, и Маккандлесс, интерпретировав молчание как знак того, что Рао ничего не известно о послании французского генерала, достал из спора на лист бумаги. – Вы знаете французский?

– Нет.

– Тогда я переведу. Один из наших агентов скопировал его перед отправкой. Вот что здесь сказано: «Le sept pluviose, l'an six de la République Française». То есть оно написано двадцать седьмого января этого года. «Я достиг берегов Красного моря с несметной и непобедимой армией, полный желания освободить вас от гнета Англии». – Маккандлесс протянул индийцу письмо. – Здесь еще много интересного. Возьмите его с собой и попросите кого-нибудь перевести.

– Я верю вам, – ответил Аппа Рао, не обращая внимания на письмо. – Но почему я должен бояться этого французского генерала?

– Потому что Бонапарт – союзник Типу и его цель прибрать к своим рукам дело, которое ведет здесь Компания. Победа французов укрепит мусульман и ослабит индусов. Но если Бонапарт увидит, что Майсур разбит, что ваш раджа вернул себе трон предков и что во главе индусской армии стоит генерал Аппа Рао, он десять раз подумает, прежде чем сажать свое войско на корабли. Бонапарту нужны здесь союзники, а без Майсура их у него не будет.

Аппа Рао нахмурился:

– Этот Бонапарт, он мусульманин?

– Он сочувствует мусульманам, но, насколько нам известно, не придерживается никакой религии.

– Если он сочувствует мусульманам, – заметил генерал, – то почему не может сочувствовать и индусам?

– Потому что союзников он видит в мусульманах и их намерен вознаградить.

Индиец слегка изменил позу.

– Тогда почему бы нам не позволить Бонапарту разбить вас?

– Потому что тогда Типу приберет к рукам всю власть, и в таком случае, генерал, сколько индусов останется у него на службе? И долго ли проживут оставшиеся Водеяры? Нынешний султан не уничтожает их только потому, что ему нужны индусская пехота и кавалерия. Если у него не будет больше врагов, то зачем ему ненадежные друзья.

– А вы восстановите Водеяров?

– Обещаю.

Аппа Рао повернул голову, однако смотрел он не на Маккандлесса, а на проступающий из темноты торжественно-величественный лик индуистской богини. Храм остался на своем месте, как и прочие майсурские храмы, потому что Типу не сносил местные святилища. Более того, он, подражая отцу, даже восстановил некоторые из них. Жизнь под властью Типу не была очень уж тяжелой, но Аппа Рао хотел видеть во главе своей страны потомственного правителя. Правитель этот, еще мальчик, жил сейчас в бедности в крохотном домишке на одной из улиц Серингапатама, и симпатии Аппы Рао были на стороне династии Водеяров, а не мусульманских узурпаторов. Генерал перевел взгляд на Маккандлесса:

– Вы, британцы, уже захватывали город семь лет назад. Почему вы не сместили Типу тогда?

– Допустили ошибку, – откровенно признал шотландец. – Подумали, что ему можно доверять, что он выполнит свои обещания. Теперь, если Бог будет на нашей стороне, мы его уберем. Тот, кого укусила змея, не оставит ее живой во второй раз.

Аппа Рао погрузился в размышления. Во дворе черными тенями проносились летучие мыши. Двое оставшихся у ворот стражей наблюдали за Маккандлессом. Молчание затягивалось. Полковник знал, что излишне давить не следует. Давление в данном случае вообще ничего не решало. Аппа Рао мог сомневаться в том, что победа британцев лучше всего отвечает интересам Майсура, но что вообще отвечает этим интересам в столь непонятное, запутанное время? Выбор у генерала невелик: либо мусульманские узурпаторы, либо иностранное владычество. Маккандлесс хорошо знал, с каким недоверием мусульмане и индусы относятся друг к другу. Именно на это он и рассчитывал, полагая, что сможет подогреть недоверие одной из сторон до такой степени, что оно приведет к измене.

Наконец Аппа Рао покачал головой и поднял руку. Один из стоявших у ворот вбежал в храм и опустился перед генералом на колени. Это был молодой человек, точнее, юноша удивительно привлекательной наружности, с черными волосами, тонкими, удлиненными чертами лица и дерзким взглядом. Как и Аппа Рао, он был в полосатой тунике, а на боку у него висела сабля с позолоченной рукоятью.

– Это Кунвар Сингх, – представил юношу генерал. – Сын одного моего родственника, – добавил он туманно, давая понять, что родство не очень близкое, – и командир моей стражи.

Маккандлесс посмотрел юноше в глаза:

– Исполни свой долг как подобает, друг мой. Жизнь твоего хозяина ценна для всех нас.

Кунвар Сингх улыбнулся и, повинуясь знаку Аппы Рао, достал из-под туники скатанный в трубку лист бумаги, развернул его и прижал уголки пистолетом, ножом, парой пуль и фонарем.

Маккандлесс подался вперед. Свиток оказался картой с изображением большого острова на реке Кавери, на котором и была построена столица султана Типу, Серингапатам. Крепость занимала западную оконечность острова, а дальше к востоку простирались сады и жилые постройки. Там же находился мавзолей жестокого и неумолимого Хайдара Али.

Аппа Рао снял с пояса кинжал и постучал по северному берегу:

– Здесь переправлялся генерал Корнваллис. Но с тех пор стены укрепили. Французы объяснили нам, как это сделать. На стенах теперь новые пушки. Сотни орудий. – Он посмотрел шотландцу в глаза. – Именно так, я не преувеличиваю. Типу очень интересуется пушками и ракетами. У него есть люди, умеющие обращаться с такими вещами, а арсеналы набиты оружием. Все это, – он провел кончиком кинжала по стенам, – перестроено, укреплено и защищается артиллерией.

– У нас тоже есть пушки, – ответил Маккандлесс.

Аппа Рао воздержался от комментариев и обратил внимание полковника на западную часть стены, возвышающуюся над небольшим каналом:

– В это время года река здесь мелкая. Крокодилы ушли в заводи поглубже, и человек может перейти реку, не замочив коленей. Когда ваша армия подойдет к Серингапатаму, вы увидите, что вот этот участок, – он снова указал на западный сектор, – не перестроен. Стена здесь сложена из глиняных кирпичей, и дожди изрядно ее размыли. Вы можете подумать, что здесь и есть слабое место. Можете не устоять перед соблазном ударить сюда. Не делайте этого, потому что именно на это и рассчитывает Типу. – Жук шлепнулся на карту и пополз по линии, обозначающей западную стену. Аппа Рао осторожно отодвинул насекомое. – За этой, первой стеной есть другая, новая, и, когда ваши люди прорвутся за внешние укрепления, они окажутся в западне. Здесь, – генерал указал на бастион, соединявший внешнюю стену с внутренней, – был когда-то затвор шлюза, но теперь он заблокирован, и там заложены сотни фунтов пороха.

Как только ваше войско попадет в ловушку между стенами, Типу взорвет шахту. – Он пожал плечами. – Сотни фунтов пороха, полковник, только вас и ждут. А когда наступление сорвется, у вас уже не будет времени подготовить следующее, потому что придет муссон. Вода в реке поднимется, вам придется отступить, и на всем пути до Мадраса вас будет сопровождать кавалерия Типу. Вот какой у него план.

– Итак, мы можем атаковать с любой стороны, кроме западной?

– С любой, кроме западной, – подтвердил индеец. – Новая внутренняя стена, – он снова провел по карте острием кинжала, – закрывает весь север. Вот эти стены, – он постучал по восточной и южной, – выглядят крепче, но впечатление обманчиво. Западная стена – ловушка, и если вы угодите в нее, вас ждет смерть. – Генерал убрал прижимавшие карту к полу предметы, и лист сам свернулся в трубку. Аппа Рао снял с фонаря стеклянный абажур и поднес карту к пламени свечи. Бумага вспыхнула, озарив застывшие каменные фигуры. На глазах у троих мужчин карта обратилась в пепел. – С любой, кроме западной, – повторил индеец и, поколебавшись, поднял с пола мешочек с золотыми монетами. – Это пойдет моему радже. Себе я не оставляю ничего.

– Иного я от вас и не ожидал. Спасибо, генерал.

– Мне не нужна ваша благодарность. Я лишь хочу вернуть на трон раджу. Поэтому и пришел. И если англичане огорчат меня, они обзаведутся новым врагом.

– Я шотландец.

– Вы все равно будете моим врагом. – Аппа Рао повернулся, но, дойдя до порога святилища, остановился и посмотрел через плечо. – Скажите своему генералу, что его люди должны быть милосердны к жителям города.

– Я поговорю с генералом Харрисом.

– Тогда я буду ждать вас в Серингапатаме.

– Меня и тысячи других.

– Тысячи, – усмехнулся Аппа Рао. – Может быть, у вас тысячи, полковник, но у Типу есть тигры. – Он снова повернулся и направился к воротам храма, сопровождаемый Кунваром Сингхом.

Маккандлесс сжег копию письма Бонапарта, выждал еще полчаса и бесшумно, как и пришел, покинул храм. Встретившись с эскортом, он поспал пару часов, а затем отправился в обратный путь с полученными ценными сведениями.

* * *

В ту ночь солдаты 33-го полка, возбужденные легкой победой над прославленным войском султана Типу, почти не спали. Некоторые, продав добычу, потратили деньги на арак и довольно быстро уснули, но большинство засиделись у костров, снова и снова переживая короткие мгновения возбуждения битвой и складывая из скудных осколков впечатлений грандиозную картину войны и собственной доблести.

Мэри Биккерстафф сидела рядом с Шарпом, терпеливо слушая хвастливые рассказы. Привыкшая к солдатским байкам, она легко угадывала тех, кто прикрывал громкими словами ужас и отвращение, внушаемые новичкам видом убитых и раненых. Шарп, вернувшийся из палатки Морриса с известием, что капитан обратится за разрешением на брак к майору Ши, по большей части молчал, и Мэри чувствовала, что он озабочен чем-то настолько, что даже не слушает товарищей.

– В чем дело? – спросила она наконец.

– Ни в чем.

– Беспokoишься из-за капитана Морриса?

– Если он ничего не сделает, мы просто сами подойдем к майору Ши, – с напускной уверенностью ответил Шарп. Моррис, конечно, дрянь, но и пьяница Ши не лучше, так что большой разницы между этими двумя он не видел. Лучше всего было бы обратиться непосредственно к полковнику Артуру Уэлсли, командиру 33-го, но Уэлсли, будучи недавно назначенным одним из двух заместителей командующего армией, практически не занимался делами полка. – Мы получим разрешение.

– Тогда что тебя тревожит?

– Я уже сказал. Ничего.

– Ричард, я ведь вижу, что мыслями ты где-то далеко.

Он помолчал, потом вздохнул:

– Я бы и сам хотел очутиться где-нибудь подальше.

Мэри сжала его пальцы и, понизив голос, чтобы их никто не слышал, прошептала:

– Уж не собрался ли ты сбежать?

– Я хочу лучшей жизни, чем эта.

– Нет! Даже не думай! – выпалила Мэри, дотрагиваясь до его щеки. Заметившие этот нежный жест солдаты по другую сторону костра отозвались веселыми криками и свистом. Мэри не смутилась. – Тебя поймают, Ричард. Поймают и расстреляют.

– Не поймают, если мы убежим подальше.

– Мы? – осторожно переспросила она.

– Да, я хочу, чтобы ты сбежала со мной.

Мэри еще крепче сжала его руку.

– Послушай, – настойчиво зашептала она. – Тебе надо стать сержантом! Тогда тебя никто не тронет. Ты мог бы даже стать офицером! Не смейся, Ричард! В Калькутте был мистер Ламберт, который тоже дослужился из рядовых до сержанта. А потом его произвели в прапорщики.

Шарп улыбнулся и провел пальцем по ее щеке:

– Ты с ума сошла, Мэри. Я тебя люблю, но ты и вправду сумасшедшая. Я не могу стать офицером! Для этого надо уметь читать!

– Я тебя научу.

Шарп удивленно посмотрел на нее. Он и не знал, что Мэри умеет читать. Ему почему-то сделалось не по себе.

– В любом случае я не хочу быть офицером, – проворчал он. – Эти офицеры, они все самодовольные ублюдки.

– Но ты можешь стать сержантом, – стояла на своем Мэри. – Хорошим сержантом. Только не убегай. Делай что хочешь, только не убегай.

– Ну не мило ли? Воркуют как голубки, – вмешался в разговор ехидный голос. – Приятно посмотреть. Просто проникаешься верой в человеческую породу.

Шарп и Мэри отпрянули друг от дружки. Через круг сидевших у огня пробился сержант Хейксвилл.

– Ты нужен мне, Шарпи, – подойдя ближе, сказал он. – У меня для тебя новость. – Он кивнул молодой женщине и, заметив, что та поднимается, покачал головой. – Нет, мэм, оставайтесь. У нас мужское дело. Солдатское. Не для посторонних. Не для бибби. Идем, Шарпи! Живее! – Сержант повернулся и, постукивая по земле рукоятью алебарды, зашагал между кострами. – Хорошие новости, Шарпи, – бросил он через плечо. – Хорошие новости для тебя, парень.

– Я могу жениться? – обрадовался Шарп.

Хейксвилл бросил через плечо хитроватый взгляд и повернул к лужку, на котором паслись офицерские лошади.

– Не пойму, зачем такому парню, как ты, жениться? Зачем тратить свое семя на одну бибби, а? К тому же такую, которой уже попользовались? Что в ней такого, в этой Мэри Бик-

керстафф? Посмотри вокруг, парень. Получай от жизни удовольствие, этого добра хватает. – Сержант остановился за линией пикетов, в темном месте на краю луга. – А теперь слушай хорошие новости, парень. Жениться тебе нельзя. В разрешении отказано. Хочешь знать – почему?

Все надежды рухнули в одно мгновение. Ненависть к сержанту переполняла Шарпа, но гордость не позволяла проявлять чувства.

– Почему?

– Я скажу тебе почему. И стой как положено! Стой как положено, когда с тобой разговаривает сержант! Смирно! Вот так-то лучше. Проявляй уважение к старшему по званию. – Хейксвилл ухмыльнулся, и нервная гримаса снова исказила его физиономию. – Хочешь знать почему, парень? Потому что я не хочу, чтобы ты на ней женился, вот почему. Я не хочу, чтобы малышка Мэри выходила замуж. Ни за тебя, ни за меня, ни за самого короля Англии, да благословит его Господь! – Говоря это, сержант не стоял на месте, а кругами ходил вокруг Шарпа. – А знаешь почему, парень? – Он остановился перед солдатом. – Потому что миссис Биккерстафф – бибби. Бибби с большими возможностями. У нее есть будущее. Да. Ты знаешь, кто такой Найг? Паскудный Найг? Слышал о таком? Отвечай!

– Слышал.

– Жирный котяра, вот он кто. Жирный и богатый. Ездит на слоне. И еще у него десяток зеленых шатров. Он здесь, с армией. Богатый ублюдок. Такой богатый, каким ты никогда, никогда не будешь. А знаешь почему? Потому что Найг предлагает офицерам женщин, вот почему. И не грязных, вонючих шлюх, которых эти нехристи поставляют простой солдатне. Я говорю о чистых женщинах. О женщинах, возбуждающих желание. Желание, Шарпи. – Слово «желание» сержант произнес с особенным чувством. – У Найга, Шарпи, целое стадо дорогих девок, и он возит их с собой в закрытых повозках с цветными занавесками. Эти повозки забиты офицерским мясом. На любой вкус – толстые и костлявые, длинные и маленькие, темные и светленькие. И все они такие миленькие, каких ты и не видывал. Но даже среди них, Шарпи, не найдется равной нашей крошке Мэри Биккерстафф. А я так тебе скажу, Шарпи, больше всего английскому офицеру в другой стране хочется белого мяса. Вот и Моррису его хочется. Так хочется, что невтерпех. Да и другим тоже. Темное мясо им всем опротивело, хочется белого. А индийские офицеры! Найг говорит, что некоторые готовы отдать за белую месячную жалованье. Ты меня понимаешь, Шарпи? Понимаешь, к чему я веду?

Шарп молчал. Ему пришлось напрячь всю волю, чтобы не ударить сержанта, и Хейксвилл отлично это понимал.

– Ну же, Шарпи! Ударь меня! – Солдат не тронулся с места, и сержант рассмеялся. – Что, слабо, да? Кишка тонка?

– В другой раз и в другом месте, – бросил Шарп.

– В другой раз? В другом месте? – хмыкнул Хейксвилл, снова начиная ходить вокруг солдата кругами. – Мы с ним договорились. С Найгом. Мы с ним как братья, я и он. Как братья. Понимаем друг друга, так-то вот. А Найг нацелился на нашу малышку Мэри. Дело пахнет большими деньгами, Шарпи. И мне кое-что перепадет.

– Мэри останется со мной, сержант, – упрямо проговорил Шарп. – Даже если мы не поженимся.

– Ох, ох, парень. Ты что, не понял? Ты что, плохо меня слушал? Все обговорено. Мы с Найгом уже все решили. Ударили по рукам и выпили за успех. Закрепили сделку. И не каким-нибудь араком, а настоящим джентльменским бренди. Я отдаю ему малышку миссис Биккерстафф, а он отдает мне половину ее заработка. Найг, понятно, меня надует, но это не важно. У нее и выбора-то не будет. Украдут на марше и отдадут одному из подручных Найга. Жуткие типы. Неделию ее попользуют. Поучат плеткой. Станет послушная и тихая. Так вот дела делаются, Шарпи. Таков порядок. И что? Что ты собираешься с этим делать? Отвечай. Может, заплатишь больше, чем Найг? – Хейксвилл остановился перед Шарпом, а когда ответа

не последовало, презрительно покачал головой. – Ты мальчишка, Шарпи, а впутался во взрослые игры. Веди себя как мужчина или проиграешь. Ну, ты готов со мной драться? Готов меня уложить? Скажешь, что меня лягнула лошадь, а? Давай, Шарпи, или ты не мужчина?

– Ударить тебя и попасть под плеть? Я не дурак.

Хейксвилл огляделся по сторонам:

– Здесь же никого нет, Шарпи, только мы вдвоем. Только ты и я. Ну же, уладим все как мужчины!

Шарп с трудом, но все же заставил себя сдержаться:

– Я не поддамся, сержант. Я не дурак.

– Не дурак, говоришь? Нет, парень, ты туп, как котелок. Неужели не понял? Я предлагаю тебе выход. Решим дело по-солдатски. Забудь про офицеров! Уладим между собой, а? Солдаты всегда решают споры на кулаках, так написано в скрижалях. Давай побей меня, уложи, возьми верх в честной схватке, и обещаю, миссис Биккерстафф останется с тобой. – Он остановился перед Шарпом. – Ты слышал меня, парень. Победишь в честной драке, и спор решен. Но ты ведь не мужчина, да? Ты – мальчишка, сопляк.

– Не старайся, сержант, не купишь. Я твои фокусы знаю.

– Никаких фокусов, – хрипло сказал Хейксвилл. Он отступил на пару шагов и с силой воткнул алебарду в землю. – Думаю, тебе меня не одолеть. Я-то кое-что повидал. Знаю, как драться. Ты выше и, может быть, посильнее, но не так быстр и слаб по части грязных штучек. Вот отделаю тебя, вышибу дурь, а потом отведу твою Мэри в палатку к Найгу и получу свои денежки. Но только если ты меня не одолеешь. Давай сделай меня, и, слово солдата, я уговорю капитана Морриса разрешить тебе жениться на ней. Вот так, парень. Слово солдата. – Он снова подождал ответа и, не дождавшись, сплюнул. – Ты не солдат. Кишка тонка. – Сержант сделал шаг вперед и, размахнувшись, ударил Шарпа в лицо. – Слабак. Баба. Может, ты и не мужик, а? Может, поэтому тебя лейтенант Лоуфорд защищает? Может, поэтому ты не хочешь драться за свою Мэри?

Последнее оскорбление сломало терпение Шарпа. Удар получился сильный и быстрый. Кулак врезался в живот, и Хейксвилл согнулся от боли. Второй пришелся в нос, отчего голова сержанта дернулась назад. Шарп выбросил вперед колено, метя в пах, но не попал. Тем не менее он схватил противника за волосы и уже приготовился ткнуть выпрямленными пальцами в выпученные от страха глаза, когда за спиной у него раздался крик.

– Караул! – кричал кто-то. – Караул!

– Господи! – Шарп отпустил врага, повернулся и увидел неподалеку капитана Морриса. Рядом с ним был прапорщик Хикс.

Хейксвилл упал было на землю, но заставил себя подняться, цепляясь за рукоять алебарды.

– Напал на меня, сэр! Ни с того ни с сего! – Сержант едва говорил, корчась от боли в животе. – Просто сумасшедший, сэр! Зверь!

– Не волнуйтесь, сержант. Мы с Хиксом все видели, – успокоил его Моррис. – Пришли проверить лошадей, не так ли, Хикс?

– Так точно, сэр, – с готовностью подтвердил Хикс, молодой, невысокого роста прапорщик, державшийся всегда подчеркнуто услужливо и никогда не противоречивший старшему. Если бы капитан сказал, что облака состоят из сыра, Хикс вытянулся бы по стойке смирно, поводит носом и поклялся, что чувствует запах чеддера. – Явный случай физического оскорбления. Неспровоцированное нападение.

– Караул! – крикнул Моррис. – Сюда! Живее!

По лицу Хейксвилла стекала кровь, однако сержант ухмылялся.

– Вот ты и попался, парень, – прошептал он. – Теперь-то тебе не поздоровится.

– Скотина, – так же тихо ответил Шарп, оглядываясь по сторонам. Попробовать сбежать? Прыгнуть в темноту и... В этот момент Хикс вытащил пистолет, и щелчок взведенного курка подавил еще не окрепший импульс.

К месту происшествия уже спешил, тяжело пыхтя, сержант Грин в сопровождении четырех караульных.

– Арестуйте рядового Шарпа, сержант, – приказал Моррис. – Держать под стражей. Он напал на сержанта Хейксвилла, и мы с прапорщиком Хиксом сами были тому свидетелями. Документы оформит прапорщик Хикс.

– С удовольствием, сэр, – согласился Хикс. Язык у него слегка заплетался, – похоже, прапорщик успел приложиться к бутылке.

Моррис взглянул на Шарпа:

– Проступок серьезный и подлежит рассмотрению военного трибунала. – Капитан повернулся к Грину, замершему в ожидании приказа. – Уведите!

– Есть, сэр! – Сержант выступил вперед. – Идем, Шарпи.

– Я не виноват, – запротестовал Шарп.

– Тихо, парень. Там разберутся, – негромко произнес Грин, беря солдата за локоть и отводя в сторону.

Хикс последовал за ними, радуясь возможности услужить капитану.

Подождав, пока Шарп и его сопровождающие удалятся, Моррис с усмешкой повернулся к Хейксвиллу:

– А парень-то половчей, чем ты думал, сержант.

– Просто дьявол, сэр, просто дьявол. Сломал мне нос. – Хейксвилл попытался поправить пострадавший и кровоточащий орган, и в носу хрустнуло. – Зато женщина теперь наша.

– Сегодня? – с нескрываемым нетерпением спросил капитан.

– Нет, сэр, не сегодня, – ответил сержант тоном учителя, поправляющего сказавшего очевидную глупость ученика. – Сегодня в роте и без того будет шумно из-за ареста Шарпа, а если мы еще и схватим его бибби, может случиться заварушка. Эти скоты уже набрались арака. Нет, сэр, подождем, пока его заперют до смерти. Вот тогда-то они все и присмирят. Будут покорны как овечки. Порка, если это настоящая порка, успокаивает самых буйных. Все решится за пару дней.

Он снова попытался выпрямить нос, и Моррис недовольно поморщился.

– Тебе бы надо навестить мистера Миклуайта.

– Нет, сэр. Не верю я этим костоправам. Если что и лечить, то только сифилис. Остальное само заживает. Я его подровняю, и будет как новенький. А лучшее лекарство – посмотреть, как снимут шкуру с Шарпа. Так что ждать долго не придется, сэр.

Покровительственный тон сержанта пришелся капитану не по вкусу, и он отвернулся:

– Что ж, тогда спокойной ночи.

– И вам того же, сэр, и спасибо за помощь. Сладких снов. – Хейксвилл рассмеялся. – Таких сладких, какие только бывают.

С Шарпом было покончено.

Глава третья

Полковник Маккандлесс проснулся, когда лучи рассвета тронули край мира полоской огня. Алый свет отразился от нижней кромки длинного облака, растянувшегося на восточном горизонте подобно шлейфу дыма после ружейного залпа. Полковник скатал плед и привязал его к задней луке седла, потом прополоскал рот глотком воды. Привязанная рядом лошадь провела ночь под седлом на случай, если враг обнаружит Маккандлесса и его эскорт. Провожающих у него было шестеро, все из 4-го туземного полка, и в приказах они не нуждались. Поприветствовав Маккандлесса улыбками, его люди сложили свои немудреные постели и приготовили завтрак из теплой воды и сухих лепешек из чечевицы и риса. Полковник поел с ними. Он с удовольствием выпил бы чая, но не хотел рисковать, разводя огонь, – дым мог привлечь конные патрули вездесущей легкой кавалерии султана Типу.

– Жаркий будет день, сахиб, – заметил хавилдар.

– Здесь других не бывает, – ответил Маккандлесс. – С тех пор как я здесь, ни одного холодного дня еще не было.

На секунду отвлекшись, он высчитал, что сегодня четверг, двадцать восьмое марта. В Шотландии, должно быть, холодно. Он подумал о родном Лохабере, представил укрытую снегом долину Глен-Скэддл, скованное льдом озеро, но, хотя мысленная картина получилась достаточно ясная, представить, что такое настоящий холод, не получилось. Маккандлесс так давно не был на родине, что теперь и не знал, сможет ли когда-нибудь чувствовать себя в Шотландии как дома. В Англии он жить определенно бы не стал, по крайней мере в Гэмпшире, где обосновалась его сестра со своим капризным, вечно всем недовольным мужем. Харриет постоянно и настойчиво звала брата к себе, снова и снова повторяя, что в Шотландии у них никаких родственников не осталось, а у ее мужа есть небольшой коттедж, где Маккандлесс мог бы провести остаток лет. Однако тихие, приглаженные английские ландшафты были ему не по вкусу, как, впрочем, и общество тихой толстушки-сестры. Сын Харриет и племянник Маккандлесса, лейтенант Уильям Лоуфорд, вполне приличный молодой человек, пусть даже и забывший о своем шотландском происхождении, служил в армии, точнее, в Майсурской армии. Единственный из родственников, который нравился полковнику, был рядом, и это обстоятельство еще более укрепляло его в нежелании возвращаться в Гэмпшир. Что же касается Шотландии... Он часто подумывал о том, чтобы уехать туда, но каждый раз, когда представлялась возможность получить у Компании пенсию и отплыть к далекой земле предков, находилось какое-то незаконченное дело, требовавшее его присутствия в Индии. Вот в следующем году, обещал себе полковник, в году 1800 от рождества Христова... Впрочем, такие обещания он давал себе каждый год все последние десять лет.

Семь человек отвязали лошадей и вскочили в потертые седла. Индийцы были вооружены пиками, саблями и пистолетами, а Маккандлесс имел при себе палаш, пистолет и притороченное к седлу ружье. Взглянув на восходящее солнце, чтобы сверить направление, он повернул на север. Своим людям полковник ничего не сказал, да они и не нуждались в приказах, прекрасно зная, что в этой опасной местности нужно постоянно держать ухо востро.

Дело в том, что находились они сейчас в Майсурском княжестве, на высоком плато в южной части Индии, и землей этой правил султан Типу. Более того, именно здешняя плодородная долина с множеством деревень, полей и водохранилищ считалась сердцем владений Типу. Жаль только, что сейчас, когда британская армия продвигалась вперед, а армия султана отходила, повсюду, куда ни устремлялся взгляд, проступали следы запустения и упадка. Маккандлесс уже заметил шесть далеких струек белого дыма, указывавших на сожженные по приказу султана житницы. Тактика Типу сводилась к тому, чтобы, уничтожив склады, отравив источники и угнав скот дальше на запад, не оставить ненавистным британцам никакого продоволь-

ствия. Обе армии везли припасы с собой на неуклюжих повозках, замедлявших продвижение. Маккандлесс полагал, что и вчерашняя короткая и неравная схватка была в действительности попыткой Типу отвлечь вспомогательные силы от охраны обоза и попытаться, пустив в ход кавалерию, уничтожить запасы риса, зерна и соли. Британцы на наживку не клюнули, а значит, наступление генерала Харриса продолжалось. Примерно через неделю обе армии, британская и хайдарабадская, достигнут Серингапатама, но что ждет их потом? Два месяца на скудном пайке, пока не придет муссон? Впрочем, полковник полагал, что этого времени вполне достаточно, чтобы взять город, тем более зная о приготовленных султаном ловушках.

Он направил лошадь через рощу пробковых деревьев, радуясь возможности хоть немного побыть в тени, отбрасываемой крупными темно-зелеными листьями. У опушки Маккандлесс задержался, осматривая лежащую впереди долину, где на рисовых полях трудилось с десятков человек. Долина находилась в стороне от пути следования британской армии, а значит, здешние зерносклады и водохранилища могли и не подвергнуться уничтожению. К западу от рисовых полей приютилась деревушка; на огородах рядом с хижинами работало еще человек десять. Маккандлесс знал: стоит его небольшому отряду появиться из рощи, как местные жители сразу увидят чужаков. С другой стороны, он сильно сомневался в том, что крестьяне проявят желание выяснять, кто такие эти семеро всадников. В Майсуре, как и в других частях Индии, простые люди старались избегать незнакомых солдат в призрачной надежде, что и солдаты ответят тем же. За полями риса виднелись плантации манго и финиковых пальм, а за ними, вдали, голая верхушка холма. Понаблюдав за холмом несколько минут и убедившись в отсутствии врага, Маккандлесс выехал из рощи.

Работавшие на полях крестьяне сразу разбежались по домам, и полковник, желая показать им, что бояться нечего, прищипил лошадь и повернул на север. Справа тянулись ухоженные посадки тутовых деревьев – результат амбициозных усилий султана по превращению шелкопрядения в главную отрасль майсурской индустрии. Спустившись в долину, Маккандлесс перевел лошадь на легкий галоп и услышал, как за спиной зазвенели уздечки и ножны. Разбрызгивая грязь, отряд пронесся через высохший ручей, стекавший из рисовых полей, и, не сбавляя хода, устремился по пологому подъему к роще финиковых пальм.

Вдруг полковник увидел вспышку за манговыми деревьями.

Он машинально повернул лошадь к восходящему солнцу, тронул ее бока шпорами и оглянулся с надеждой, что вспышка была всего лишь отражением, случайной игрой света. К его величайшей досаде, из-за деревьев выскочили вооруженные пиками всадники в полосатых туниках. Их было не меньше дюжины, но считать шотландец не стал, потому что уже гнал лошадь диагонально по склону к вершине холма.

Кто-то из преследователей выстрелил, и эхо разлетелось по долине. Пуля прошла далеко в стороне. Стрелявший, вероятно, и сам не рассчитывал в кого-то попасть, – скорее всего, выстрел был сигналом другим всадникам, находившимся где-то поблизости. Может быть, стоит повернуть и попытаться атаковать противника? Мысль пришла и ушла. Шансы на успех невелики, а сведения, которые вез полковник, слишком важны, чтобы рисковать ими ради победы в случайной стычке. Единственный вариант – уйти от погони. Маккандлесс выхватил из седельной кобуры ружье, взвел курок и вонзил шпоры в бока лошади. Только бы добраться до вершины холма, а там им его уже не достать.

Перед ним с блеянием разбежались козы. Бросив взгляд через плечо, полковник с удовлетворением обнаружил, что оторвался от преследователей на приличное расстояние и что пора, не опасаясь перехвата, поворачивать на север. Впереди расстилалась широкая полоса усеянной редкими деревьями равнины, а за ней начинался густой лес, в котором его отряд смог бы легко укрыться от противника.

– Вперед, девочка. Давай!

Оглянувшись, полковник убедился, что его отряд не отстал и потерь не понес. По лицу струился пот, тяжелый палаш бил по бедру, но лошадка неслась как ветер. Ему не впервой было уходить от врагов. Однажды погоня растянулась на весь день, от восхода до заката, и тогда полковник спасся от банды Маратты только благодаря лошади, которая ни разу не споткнулась, не понесла и продемонстрировала удивительную выносливость. Во всей Индии – а для него это означало весь мир – у Маккандлесса не было друга вернее.

– Давай, девочка, давай!

Он снова оглянулся, и в этот миг скакавший следом хавилдар что-то крикнул и указал рукой на север. Полковник повернулся и увидел появившуюся из лесу группу всадников.

Их было намного больше, человек пятьдесят или шестьдесят. Теперь Маккандлесс понял, что первая группа представляла собой всего лишь разведывательный отряд крупной кавалерийской части и что, сохраняя направление на север, он не удаляется от врагов, а приближается к ним. Полковник снова повернул к солнцу, но лишился при этом прикрытия с востока. К тому же второй отряд преследователей был в опасной близости. Маккандлесс опять взял направление на юг, надеясь найти какое-нибудь укрытие в долине за холмом, и в этот миг загремели выстрелы.

Стреляя на полном скаку, попасть практически невозможно, и в девяноста случаях из ста пуля проходит в нескольких ярдах от цели, но на сей раз она угодила животному в круп, и Маккандлесс почувствовал, как лошадь сбилась с шага. Он шлепнул ее прикладом, и она попыталась добавить, но боль нарастала, и животное споткнулось, заржало, потом задняя нога просто отказала, и они вместе рухнули на землю, подняв облако пыли. Полковник успел высвободить ноги из стремян, и в это мгновение его отряд пронесся мимо. Хавилдар натянул поводья, поворачивая назад, но шотландец понимал, что уже поздно. Выбравшись из-под бьющейся лошади, но еще лежа на земле, он закричал:

– Уезжай! Скачи!

Однако отряд, поклявшийся защищать полковника до конца, остановился, и хавилдар, похоже, собрался повести своих людей навстречу быстро приближающемуся врагу.

– Глупцы! – крикнул Маккандлесс.

Отважные, верные, но все равно глупцы. Сам он практически не пострадал, отделавшись несколькими синяками, а вот его преданный друг умирал. Лошадь еще ржала и даже приподнялась на передних ногах, но задние были парализованы. Маккандлесс знал – ей больше никогда не лететь как ветер, а потому сделал то, что требовал от него долг дружбы. Взявшись за поводья, он заставил ее поднять голову, поцеловал в нос и выстрелил между глаз. Лошадь отпрянула, взглянула на него и, заливаясь кровью, упала. Задние ноги дернулись пару раз, и животное затихло. Кровавые раны уже привлекли мух.

Небольшой отряд хавилдара вступил в бой с рассеянными погоней врагами. Первые секунды принесли легкий успех: две пики нашли животы майсурцев, две сабли пустили кровь. Но налетевшая следом основная масса конников буквально смяла смельчаков. Сам хавилдар, пронзивший ряды противника и оставивший где-то по пути свою пику, развернулся и, увидев, что его товарищи отбиваются от окруживших их майсурцев, выхватил саблю и поскакал к Маккандлессу.

– Уходи! – крикнул шотландец, указывая на север.

Хавилдар, конечно, не мог донести до командования полученные от Аппы Рао ценнейшие сведения, но в армии должны были знать, что полковник попал в плен. Маккандлесс не страдал тщеславием, но знал себе цену и оставил детальные инструкции, исполнение которых могло уменьшить вред от его пленения. В этих инструкциях содержался план операции по его вызволению, и только с ним связывал теперь полковник надежду передать сообщение Аппе Рао.

– Уходи! – изо всех сил закричал он индийцу.

Разрываясь между обязательствами перед своими людьми и долгом повиноваться приказам Маккандлесса, хавилдар замешкался, и двое майсурцев, отделившись от остальной массы, устремились к нему. Это все и решило. Он пришпорил коня и помчался в атаку, но, поравнявшись с преследователями, натянул поводья и взмахнул саблей. Клинок рассек шею ближайшему из майсурцев, а хавилдар повернул на север и, перейдя на галоп, легко оторвался от врагов, увлеченных схваткой с его товарищами.

Отбросив пистолет и ружье, Маккандлесс вынул из ножен палаш и поспешил к месту боя. Добраться туда ему так и не удалось, потому что вражеский офицер, заметив шотландца, повернул коня ему навстречу. Убрав в ножны саблю, майсурец молча протянул правую руку. Звон сабель между тем стих, короткий бой закончился, и полковник понял, что все его сопровождающие, кроме хавилдара, убиты. Он посмотрел на всадника:

– Этот клинок принадлежал моему отцу и его отцу. – Полковник говорил по-английски. – Этот меч носил Карл Стюарт при Куллодене.

Офицер промолчал, не опуская руки. Шотландец медленно повернул палаш рукоятью вверх. Майсурец взял оружие, и глаза его слегка расширились от удивления – меч был тяжелый.

– Что ты здесь делал? – спросил он на канарезском.

– Ты говоришь по-английски? – Полковник задал вопрос на том же языке. Знание других он решил пока не выдавать.

Офицер пожал плечами и, осмотрев старинный клинок, сунул его за пояс. Его люди на взмысленных лошадях во все глаза пялились на захваченного неверного. Видя перед собой пожилого человека, они спрашивали себя, уж не посчастливилось ли им захватить вражеского генерала, но пленник, похоже, не говорил на их языке, а потому установление личности на время откладывалось. Маккандлессу дали лошадь одного из убитых, после чего весь отряд взял направление на запад, к столице султана Типу.

Солнце поднималось все выше, раскаляя воздух и землю. Дождавшись, пока люди уйдут, поднятая ими пыль рассеется, а свежие тела облепят вездесущие мухи, сверху к пиршеству устремились наконец и стервятники.

* * *

Заседание военно-полевого суда состоялось только через два дня. Армия не могла терять драгоценное время и прерывать марш для немедленного рассмотрения дела, так что капитану Моррису ничего не оставалось, как ждать. Наконец войско получило полдневную передышку, чтобы дать возможность отставшему обозу и стадам подтянуться поближе. Только тогда офицеры собрались в палатке майора Ши, куда привели под конвоем и рядового Шарпа. Капитан Моррис изложил суть обвинения, а прапорщик Хикс дал свои показания.

Майор Джон Ши был не в духе. В раздраженном состоянии он пребывал и в лучшие времена, а необходимость оставаться трезвым или, по крайней мере, притворяться таковым истощала последние ресурсы терпения. Бремя командования 33-м полком Ши нес, сказать по правде, без малейшего удовольствия. Майор подозревал – в те редкие минуты, когда был в состоянии что-то подозревать, – что обязанности командира полка исполняются им плохо, а подозрения влекли за собой мысли о бунте, сигналом к которому в воспаленном и осаждаемом постоянным страхом воображении Ши представлялся любой намек на неуважение к определенной уставом власти. Рядовой Шарп явно преступил все границы дозволенности. Вина его виделась майору доказанной и несомненной, как и соответствующее ей наказание, но рассмотрение дела затягивалось из-за отсутствия лейтенанта Лоуфорда – тот собирался выступить в защиту Шарпа.

– Где же он, черт возьми? – не выдержал наконец Ши.

За Лоуфорда ответил командир четвертой роты капитан Филмор:

– Его вызвал к себе генерал Харрис, сэр.

Майор, нахмуясь, посмотрел на Филмора:

– Он знал, что должен присутствовать здесь?

– Знал, сэр. Но генерал потребовал явиться безотлагательно.

– И нам теперь что, мух считать, пока он будет с генералом чай распивать? – возмутился Джон Ши.

Капитан Филмор выглянул из палатки, словно надеясь увидеть спешащего на заседание трибунала Лоуфорда.

– Лейтенант Лоуфорд попросил меня уверить членов военного суда, что Ричард Шарп исключительно дисциплинированный и надежный во всех отношениях солдат, – сказал Филмор, опасаясь, что не в состоянии должным образом защитить несчастного. – Лейтенант намеревался положительно выступить в пользу арестованного, сэр, и просил суд со всей серьезностью отнестись к его показаниям. Если какие-либо сомнения...

– Сомнения? – перебил его майор. – Какие здесь могут быть сомнения? Он ударил сержанта, это видели и подтверждают два офицера. Вы усматриваете какие-то сомнения? Дело абсолютно ясное! Именно так, абсолютно ясное!

Филмор пожал плечами:

– Я бы предложил выслушать прапорщика Фицджеральда. Насколько мне известно, ему есть что сказать.

Майор бросил недовольный взгляд на прапорщика:

– Надеюсь, вы недолго?

– Я отниму у вас ровно столько времени, сколько потребуется, сэр, чтобы не допустить судебной ошибки. – Молодой офицер решительно поднялся и улыбнулся своему командиру и соотечественнику. – Сомневаюсь, что во всем полку найдется солдат лучше, чем рядовой Шарп. К тому же я подозреваю, что в отношении рядового Шарпа имела место провокация.

– Капитан Моррис утверждает иное, – стоял на своем Ши, – и его мнение разделяет прапорщик Хикс.

– Не могу возражать капитану, сэр, – смело заявил Фицджеральд, – но с прапорщиком Тимоти Хиксом мы в тот вечер вместе выпивали, сэр, и если к полуночи у него глаза не были в кучку, то, наверное, его брюхо размером с фландрский котел.

Майор воспринял реплику с неожиданной воинственностью:

– Вы что, обвиняете вашего товарища-офицера в том, что он находился под влиянием спиртного?

Фицджеральд мог бы сказать, что под влиянием арака, рома и бренди находилось большинство офицеров 33-го полка, но предпочел не обострять ситуацию.

– Я лишь согласен с капитаном Филмором в том, что мы должны со всей серьезностью отнестись к показаниям рядового Шарпа. Любые сомнения, сэр, толкуются в пользу ответной стороны.

– Опять сомнения! – презрительно бросил Ши. – Никаких сомнений нет! Как я уже сказал, дело совершенно ясное. – Он кивнул в сторону Шарпа, который стоял между двумя караульными. По лицу его ползали мухи, но отгонять их не позволялось. Очевидно, злодеяние Шарпа представлялось майору столь отвратительным, что его даже передернуло. – Солдат ударил сержанта, это видели два офицера, а вы говорите о каких-то сомнениях?

– Да, сэр, – твердо произнес Фицджеральд. – У меня есть сомнения.

Хейксвилл с ненавистью посмотрел на юного прапорщика, и лицо его исказила нервная гримаса. Майор Ши, чей взгляд был устремлен в ту же сторону, покачал головой, как будто речи соотечественника заставляли сомневаться в его здравомыслии.

Воспользовавшись паузой, капитан Филмор предпринял еще одну попытку. Он не верил свидетельствам Морриса и Хикса, а Хейксвиллу не доверял никогда, но понимал, что никакие

доводы Шарпа майора не убедят, – в конце концов, слово одного рядового весит неизмеримо меньше показаний двух офицеров.

– Я бы просил трибунал, – заговорил капитан, – воздержаться от вынесения решения до прихода лейтенанта Лоуфорда.

– А что нового может сообщить нам Лоуфорд? – возразил Ши. Не в силах забыть о припрятанной фляге с араком, он хотел как можно скорее завершить заседание. Коротко посоветовавшись с двумя другими судьями, полевыми офицерами из других полков, майор сурово посмотрел на арестованного. – Вы преступник, Шарп. Злодей. А армии не нужны злодеи. Если вы не уважаете власть, то не ждите, что и власть отнесется к вам с уважением. Две тысячи плетей. – Не обращая внимания на реакцию некоторых из присутствующих, изумленных столь жестоким приговором, он повернулся к старшине. – Когда это можно сделать?

– Сегодня, во второй половине дня, – с важным видом отвечал Байуотерс, ожидавший вынесения обвинительного приговора, хотя и не столь сурового, а потому уже отдавший необходимые распоряжения.

Ши кивнул:

– Постройте батальон через два часа. Заседание окончено.

Он бросил на Шарпа еще один уничтожающий взгляд и отодвинул стул. Чтобы выдержать предстоящее испытание и просидеть верхом все то время, которое понадобится для исполнения наказания, нужно было как следует зарядиться. Может быть, стоило ограничиться одной тысячей плетей – этого вполне достаточно, чтобы забить человека до смерти, – но слово не воробей, приговор оглашен, и Ши оставалось только надеяться, что от мучительного пребывания на жаре его избавит сам Шарп, если отдаст дух задолго до завершения страшного наказания.

Арестованного охраняли шестеро караульных, которых специально взяли из 12-й роты. Они не знали Шарпа, а следовательно, вряд ли стали бы содействовать его побегу. Караульные держали осужденного в наспех сооруженном загоне за палаткой майора Ши, не позволяя никому разговаривать с ним до прибытия сержанта Грина.

– Мне очень жаль, Шарпи, – проговорил Грин, переступая через ящики из-под боеприпасов, служившие стенами «тюрьмы».

Шарп сидел на земле, прислонившись к ящикам спиной.

– Мне это не впервой, сержант, – ответил он, пожимая плечами. – Плеткой меня и раньше угощали.

– Но не в армии, парень, не в армии. Вот, возьми. – Грин протянул арестованному флягу. – Здесь ром.

Шарп вытащил пробку и приложился к фляге.

– Я ничего такого не сделал, – хмуро сказал он.

– Может быть, и не сделал, но все равно пей. Больше выпьешь, меньше почувствуешь. Допивай, парень.

– Томкинс говорит, после тридцати уже ничего не чувствуешь.

– Надеюсь, он прав, парень, надеюсь, он прав. Но ты пей. Пей.

Грин стащил треуголку и вытер мокрую от пота лысину мятой тряпицей.

Шарп сделал еще глоток.

– А где мистер Лоуфорд? – с горечью спросил он.

– Ты же сам слышал – его вызвали к генералу. – Сержант помолчал, неуверенно поглядывая на Шарпа. – Да и что бы он мог сказать?

Шарп откинулся на ящики.

– Мог бы сказать, что Моррис – мерзкий лжец, а Хикс просто ему подпевает.

– Нет, парень, так бы он сказать не мог, и ты сам это понимаешь. – Грин набил табак глиняную трубку и достал трутницу. Прикурив, опустил на землю напротив солдата и

посмотрел в полные страха глаза. Шарп изо всех сил старался не подать виду, что боится, но страх сидел в нем, и в этом не было ничего унижительного, потому как только идиот не боится двух тысяч плетей. На своих ногах после такого наказания не уходил никто, хотя некоторые и выживали, провалявшись месяц в больничной палатке. – С твоей Мэри все в порядке.

Шарп состроил гримасу:

– Знаете, что сказал мне Хейксвилл? Что он собирается продать ее Найгу.

Грин нахмурился:

– Не продаст, парень. Не продаст.

– А как вы ему помешаете? – с горечью спросил Шарп.

– За ней присмотрят, – уверил его Грин. – Ребята позаботятся, да и женщины ее поберегут.

– Надолго ли их хватит?

Шарп отпил еще рома, который, похоже, совершенно на него не действовал. Он прикрыл глаза. Да, ему фактически вынесли смертный приговор, но надежда живет, пока жив человек. Кое-кто оставался в живых. Солнце обжигало оголенные ребра, с которых кровавыми лентами свисали кожа и плоть, однако некоторые выживали. Только вот как он присмотрит за Мэри, если будет валяться, забинтованный, на койке? Да и вообще, ему сильно повезет, если после плетей он попадет на койку, а не в могилу. При мысли о Мэри горькие слезы навернулись на глаза.

– Долго ли они смогут защищать ее? – хрипло спросил Шарп, проклиная себя за постыдную слабость.

– Говорю тебе, ее в обиду не дадут.

– Вы не знаете Хейксвилла.

– Знаю, парень, знаю, – с чувством сказал Грин. Несколько секунд он смущенно крутил головой, потом посмотрел на Шарпа. – Этот ублюдок не тронет ее, если она выйдет замуж. По-настоящему, с благословения полковника.

– Я и сам так думал.

Грин затянулся трубкой.

– Если случится худшее, Шарпи... – начал он и, смутившись, замолчал.

– Ну?

– До этого, конечно, не дойдет, – торопливо заговорил сержант. – Билли Никсон выкарабкался после пары тысяч, но ты его, наверно, не помнишь, да? Маленький такой парень, косоглазый. Так вот, Билли выкарабкался. Прежним он, конечно, уже не стал, но ты, Шарпи, крепкий парень. Даже крепче Билли.

– Так что, если случится худшее? – напомнил сержанту Шарп.

– Ну... – Грин покраснел, наконец собрался с мужеством и заговорил о том, ради чего пришел: – Ты только не обижайся, но если случится худшее... оно, конечно, не случится, я уверен, но если все-таки случится, то... В общем, я подумал, что мог бы сам попросить руки миссис Биккерстафф...

Шарп едва не рассмеялся, но мысль о двух тысячах плетей пригасила улыбку. Две тысячи! Он видел парней, у которых на спине не оставалось живого места после всего лишь сотни плетей, а тут еще тысяча девятьсот вдобавок! Многое в таких случаях зависело от батальонного врача. Если мистер Миклуайт решит, что солдат умирает после пятисот или шестисот ударов, он может остановить отправление наказания, чтобы продолжить его после того, как осужденный поправится. Да вот только такой жалости за мистером Миклуайтом не замечалось. В батальоне поговаривали, что, если только осужденный не завизжит как резаный, угрожая тем самым вызвать тошноту у самых чувствительных из офицеров, врач продолжит отсчитывать удары, когда плети будут терзать уже спину мертвеца. Так поговаривали, и Шарпу оставалось лишь надеяться, что слухи, как всегда, преувеличены.

– Ты слышал меня, Шарпи? – вклинился в мрачные мысли голос сержанта.

– Слышал.

– Так ты не возражаешь? Если я попрошу ее выйти за меня?

– А вы ее спрашивали? – В вопросе проскользнули обвинительные нотки.

– Нет, – торопливо ответил Грин. – Так нельзя. Неправильно. То есть пока ты еще... ну, сам знаешь.

– Жив, – с кривой усмешкой добавил Шарп.

– Только если случится худшее, – с неуклюжим оптимизмом предупредил Грин. – А оно не случится.

– Когда я умру, мое разрешение вам не понадобится.

– Нет, но если я скажу Мэри, что ты был бы не против, это ее убедит. Неужели не понимаешь? Я буду ей хорошим мужем, Шарпи. Я уже был женат, да она умерла. Но можешь поверить, никогда на меня не жаловалась. По крайней мере не больше, чем другие.

– Хейксвилл может вам помешать.

Сержант кивнул:

– Да, он попробует, но не представляю как. Если затянуть узелок побыстрее... Я попрошу майора Ши, а он всегда хорошо ко мне относился. Спрошу его сегодня, ладно? Но только если случится худшее.

– Вам понадобится капеллан, – предупредил Шарп.

Капеллан 33-го полка покончил с собой по пути в Мадрас, а браки в армии считались законными только при наличии разрешения командира полка и благословения священника.

– Парни из Олд-Дазн говорят, что у них есть бывший церковный смотритель. – Грин кивнул в сторону стороживших тюрьму солдат. – Он все и организует. Завтра. Придется, наверно, сунуть ему шиллинг, но Мэри того стоит.

Шарп пожал плечами:

– Ладно, сержант. Ладно. – А что еще он мог сказать? Так или иначе Мэри, выйдя за сержанта Грина, попадет под защиту армейских законов. – Только сначала посмотрим, как обернутся мои дела.

– Конечно, Шарпи, обязательно посмотрим. Будем надеяться на лучшее, да? Как говорится, никогда не отчаивайся.

Шарп допил остатки рома.

– У меня в рюкзаке пара вещей. Несколько монет и хороший пистолет. Взял вчера у индийского офицера. Отдашь их Мэри, ладно?

– Обязательно отдам, – закивал Грин, скрывая тот факт, что Хейксвилл уже успел освободить рюкзак от всего более или менее ценного. – Мэри будет в порядке. Обещаю, парень.

– А потом, сержант, выберите ночь потемнее да наваляйте Хейксвиллу за меня. Как следует.

Грин кивнул:

– С удовольствием, парень. С удовольствием. – Он постучал трубкой по ящику, выбивая пепел, и поднялся. – Принесу еще рому, парень. Чем больше, тем лучше.

Между тем подготовка к экзекуции закончилась. Не то чтобы на нее требовалось много времени, но старшина требовал порядка во всем. Из трех сержантских алебард соорудили треногу, связав их так, чтобы вся конструкция была на пару фунтов выше человеческого роста. Рукояти воткнули в сухую землю, а четвертую алебарду привязали поперек на высоте подмышек.

Сержант Хейксвилл лично выбрал двух барабанщиков. Именно они всегда отправляли наказание, внося в жестокий процесс некоторый элемент человечности. Хейксвилл, однако, отобрал самых здоровых, самых сильных парней, после чего, взяв у старшины пару плетей, заставил их потренироваться на дереве.

– Работайте не только рукой, но и телом, – наставлял он. – Рука должна продолжать движение и после того, как розга прилегла к спине. Вот так. – Хейксвилл взял прут и продемонстрировал удар на стволе дерева. Потом показал, как бить с оттяжкой. – Я и сам этим занимался, когда был барабанщиком, и всегда справлялся с работой отлично. Считался лучшим во всем батальоне. Никому не уступал. – Убедившись, что урок усвоен, и дав еще несколько указаний, сержант сделал на конце каждого из кожаных ремней по несколько надрезов. – Так они будут лучше рвать кожу, – объяснил он. – Сделаете работу хорошо, и каждый получит вот это. – Хейксвилл показал им две золотые монетки, часть его добычи. – Пусть ублюдок больше не встанет. Это и в ваших интересах, потому как, если Шарпи оправится, он вам обиды не простит. Так что, как говорится в Писании, загоните его под землю.

С этими словами Хейксвилл повесил ремни на алебарду и отправился на поиски врача. Мистер Миклуайт сидел в своей палатке, пытаясь завязать белый галстук, ибо считал долгом явиться к месту наказания при полном параде. Увидев Хейксвилла, он хмыкнул:

– Еще ртути?

– Нет, сэр. Я излечился. Благодаря вашему волшебному искусству. Чист как стеклышко, сэр.

Узел опять расползся, и Миклуайт выругался. Хейксвилл ему не нравился, но, как и все в полку, врач побаивался сержанта. В глубине его детских глаз темнело что-то совершенно дикое, брутальное, и, хотя Хейксвилл всегда держал себя учтиво и даже подобострастно в присутствии офицеров, Миклуайт ощущал исходящую от него неясную угрозу.

– Так что вам тогда нужно?

– Майор Ши попросил замолвить словечко, сэр.

– А сам он со мной поговорить не мог?

– Вы ведь знаете майора, сэр. Его мучит жажда. День-то жаркий. – Лицо сержанта задергалось. – Это касается осужденного, сэр.

– И что?

– Этот Шарп, сэр, он смутьян. От него одни неприятности. Про то все знают. Вор, лгун и плут.

– Другими словами, красномундирник. И что?

– Майор Ши, сэр, не очень-то хочет видеть его, так сказать, среди живых. Вы меня понимаете, сэр? Сколько я вам должен за лечение? – Хейксвилл протянул золотую монету, хайдери, которая приравнивалась к двум шиллингам и шести пенсам. Монета никак не могла быть платой за лечение сифилиса, поскольку стоимость лечения вычиталась из заработка сержанта, а раз так, то она могла быть только взяткой.

Миклуайт посмотрел на нее и кивнул:

– Положите на стол.

– Спасибо, сэр.

Выпроводив сержанта, Миклуайт надел сюртук и опустил в карман монету. Нужды во взятке не было – в батальоне все знали, как не любит врач возиться с жертвами порки. Он считал это пустым занятием, потому что в большинстве случаев они все равно умирали, успев за время лечения испачкать, а то и привести в негодность больничный тюфяк. Если же он снимал кого-то с треноги и через некоторое время ставил на ноги, такие чаще всего не выдерживали продолжения. В общем, принимая во внимание все обстоятельства, разумнее и экономнее дать человеку умереть с первой попытки. Милосерднее, и денег на лекарства уходит меньше. Застегивая пуговицы, Миклуайт думал о том, чем насолил Хейксвиллу этот Шарп, что сержант так хочет его смерти. Не то чтобы врача это особенно интересовало, ему просто хотелось поскорее закончить кровавое дело.

Под послеполуденным солнцем выстроился 33-й. Четыре роты стояли напротив треноги и по три с каждой из боковых сторон, так что десять рот образовывали вытянутый прямоуголь-

ник, в котором тренога занимала место длинной стороны. Офицеры восседали перед своими ротами на конях, тогда как майор Ши, его заместители и адъютант расположились за треногой. Мистер Миклуайт, укрывшись от солнца под широкополой соломенной шляпой, стоял чуть в стороне. Майор Ши, успевший подкрепить силы араком, оглядел строй и, удостоверившись, что все в полном порядке, кивнул Байуотерсу:

– Начинайте, старшина.

– Есть, сэр! – Байуотерс повернулся и зычным голосом распорядился привести нарушителя.

Барабанщики замерли, нервно сжимая розги. Из всех присутствующих только они были без мундиров, остальные изнывали под солнцем, одетые по полной форме. Позади рот собрались женщины и дети. Мэри Биккерстафф отсутствовала. Хейксвилл, жажда насладиться видом чужих страданий, искал взглядом молодую вдову, но та, по-видимому, предпочла остаться в палатке. Пришедшие женщины, как и стоящие в строю мужчины, были молчаливы и угрюмы. Шарпа многие знали и любили, и сержант понимал, что эти люди не питают к нему теплых чувств, но Обадаия Хейксвилл никогда не переживал из-за таких пустяков. Сила не в том, что ты нравишься, а в том, что тебя боятся.

Шарпа подвели к треноге. Он уже был без головного убора и по пояс раздет. Бледное тело, как и белые, посыпанные мукой волосы, странно контрастировало с темным, загорелым лицом. Шел Шарп уверенно и ровно, потому что, хотя в желудке у него и плескалась едва ли не пинта рома, алкоголь, похоже, так и не произвел ожидаемого эффекта. Ни на Морриса, ни на Хейксвилла Шарп не смотрел.

– Руки поднять, – негромко приказал старшина. – Стать к треноге. Ноги расставить. Вот так. Молодец.

Шарп послушно исполнил приказ. Два капрала привязали его ноги к алебардам, потом проделали то же самое с руками. Закончив с узлами, капралы отступили.

Старшина достал из сумки сложенную полоску кожи с глубокими отметинами.

– Открой рот, парень, – проговорил он. От Шарпа пахло ромом, и старшина, удовлетворенно кивнув, засунул кожаный кляп ему между зубами. Кляп служил двум целям: заглушал крики жертвы и предохранял язык от возможных укусов. – Держись, парень. Не подведи полк.

Шарп кивнул.

Байуотерс отступил в сторону и вытянулся по стойке смирно.

– Заключение к наказанию готов, сэр! – доложил он майору Ши.

Майор взглянул на врача:

– Все в порядке, мистер Миклуайт?

Миклуайт даже не взглянул на Шарпа:

– В полном порядке, сэр.

– Тогда, старшина, приступайте.

Байуотерс повернулся к барабанщикам:

– Исполняйте, парни! Выше пояса и в полную силу. Барабанщик! Начинай.

Третий барабанщик стоял за экзекуторами. Подняв палочки, он выдержал короткую паузу и опустил первую.

Барабанщик справа взмахнул рукой и с силой хлестнул Шарпа по спине.

– Раз! – выкрикнул Байуотерс.

Кожаный кнут прочертил между ключицами красную полоску. Шарп вздрогнул, но туго затянутые веревки ограничивали свободу движений, и только стоявшие вблизи заметили пробежавшую под кожей мускульную дрожь. Шарп поднял голову и посмотрел на майора Ши – тот отвел глаза, чтобы не сталкиваться с исполненным злобы взглядом.

– Два! – выкрикнул старшина, и второй барабанщик опустил руку. Вторая красная полоса перечеркнула первую.

Нервная гримаса исказила физиономию Хейксвилла. Сержант оскалился в ухмылке. Смерть начала свой отсчет.

* * *

Полковник Маккандлесс стоял посреди двора внутреннего дворца султана Типу в Серингапатаме. Шотландец был в полной форме: красном мундире, клетчатом килте и с украшенной пером шапочкой на голове. Шесть прикованных к стенам тигров смотрели на него, и время от времени то один, то другой бросался в сторону человека, и тогда толстая, прочная цепь глухо лязгала и натягивалась. Маккандлесс стоял неподвижно, и в конце концов животные отказались от безуспешных попыток достать его, ограничившись недовольным ворчанием. За тиграми приглядывали зрители – угрюмые здоровенные мужчины, вооруженные длинными пестами. В любую минуту эти люди могли получить приказ спустить зверей с цепи, и Маккандлесс приказал себе сохранять выдержку.

Двор был посыпан песком, нижние стены выложены из тесаного камня, но выше, со второго этажа, камень уступал место дереву, окрашенному в красный, белый, зеленый и желтый цвета. Украшавшие этот этаж арки в мавританском стиле дополняла изящная арабская вязь, и Маккандлесс, немного знавший общий для всех мусульман язык, догадался, что каждая надпись содержит суру из Корана. Во двор вели два входа. Один, за спиной полковника, возле которого стояли сейчас зрители, представлял собой простые двойные ворота, ведущие к конюшням и складам. Другой, вероятно сообщавшийся с внутренними помещениями, имел вид короткой мраморной лестницы, поднимающейся к широкой двери из черного дерева, инкрустированной мозаикой из слоновой кости. Над этой роскошной дверью нависал балкон, выступающий из-под трех оштукатуренных арок. Балкон прикрывал изящный резной экран, но Маккандлессу удалось рассмотреть сидящих за ним мужчин. Одним из них был, вероятно, Типу, другим же мог быть француз, первым допрашивавший пленного. Полковник Гуден произвел впечатление порядочного человека, и шотландец надеялся, что сейчас тот просит султана сохранить пленнику жизнь, хотя в разговоре с французом Маккандлесс остерегся назвать ему свое настоящее имя. Типу, конечно, обрадовался бы, узнав, какой ценный приз добыла его кавалерия, а потому полковник представился просто Россом.

Маккандлесс не ошибался. На балконе, скрытые резной деревянной ширмой, действительно сидели Типу и Гуден. Разговаривая, оба то и дело посматривали на пленника.

– Так этот полковник Росс утверждает, что оказался здесь в поисках фуража?

– Да, – ответил через переводчика Гуден.

– Вы ему верите? – Судя по тону, султан отнесся к показаниям британца с большим скептицизмом.

Гуден пожал плечами:

– Лошади у них действительно недокормленные.

Типу хмыкнул. Он делал все возможное, чтобы лишить наступающего противника каких-либо припасов, но британцы нередко предпринимали неожиданные вылазки к северу и югу от маршрута и иногда отыскивали деревни, где его люди еще не успели уничтожить собранный крестьянами урожай. К тому же огромное количество продовольствия они везли с собой. И все-таки посланные Типу лазутчики доносили, что противник начинает страдать от голода. Особенно тяжело приходилось быкам и лошадям. С учетом этого факт отправки на поиски фуража британского офицера не казался таким уж невероятным. Но зачем посылать полковника? Ответа Типу не находил, и отсутствие объяснения возбуждало подозрения.

– А не может он быть шпионом?

– Разведчиком – да, но не шпионом. Шпионы, ваше величество, форму не носят.

Выслушав перевод на персидский, Типу лишь фыркнул. Как и подобает любому правителю, он был человеком мнительным, но сейчас утешал себя тем, что, чем бы ни занимался британец, миссия его определенно провалилась. Повернувшись к приближенным, султан отыскал взглядом высокую фигуру Аппы Рао:

– А вы что думаете, генерал? По-вашему, этот полковник Росс действительно фуражир?

Аппа Рао прекрасно знал, кто такой на самом деле полковник Росс. Более того, Рао знал и то, что сама его жизнь под угрозой, а это означало, что демонстрировать перед султаном даже малейшую слабость сейчас не самое лучшее время. Но и предать Маккандлесса Рао тоже не мог. Отчасти по причине старой дружбы, отчасти потому, что именно союз с британцами сулил ему гораздо лучшее будущее.

– Нам известно, что им недостает продовольствия, и вид пленника достаточное тому подтверждение.

– Так вы не считаете его шпионом?

– Шпион или нет, – холодно ответил Аппа Рао, – он ваш враг.

Ответ получился несколько уклончивый, и Типу пожал плечами. Здравый смысл подсказывал, что пленник не шпион, потому что зачем ему тогда носить форму. Впрочем, будь он даже шпионом, это не доставило бы Типу особенного беспокойства. Имея своих людей в стане противника, султан полагал, что и в Серингапатаме полным-полно вражеских лазутчиков, но большинство шпионов, в чем убеждал его жизненный опыт, совершенно бесполезны. Они передают хозяевам слухи, раздувают до невероятных размеров догадки и не столько помогают прояснить положение, сколько еще больше его запутывают.

– Убейте его, – предложил один из генералов-мусульман.

– Я подумаю, – проговорил Типу и, покинув балкон, вышел в просторную комнату с мраморными колоннами и расписными стенами.

Центральное место в зале занимал трон, воздвигнутый на платформе восемь на пять футов на высоте четырех футов от выложенного каменными плитами пола. Трон поддерживали фигура скалящегося тигра в центре и четыре вырезанные из дерева тигровые лапы по бокам. С двух сторон к трону вели позолоченные серебряные ступеньки. Сама платформа была из эбенового дерева и обшита золотыми пластинами толщиной с молитвенный коврик, державшимися на серебряных гвоздях. Край помоста украшали вырезанные из дерева цитаты из Корана, а каждую из восьми ножек трона венчал флерон в форме головы тигра. Головы эти, отлитые из чистого золота и усыпанные рубинами, изумрудами и алмазами, были величиной с ананас. Центральная фигура, поддерживавшая середину платформы, была из покрытого золотом дерева, а голова ее полностью состояла из золота. В разинутой пасти виднелись выточенные из горного хрусталя клыки и золотой язык, устроенный таким образом, что он мог двигаться вниз и вверх. Нависающий над золотой платформой балдахин держался на выгнутом столбе, который, как и сам балдахин, был покрыт золотом. Бахрома представляла собой длинные нити жемчуга, а в высшей точке балдахина красовалась изготовленная из золота мифическая умма, царская птица, восстающая, согласно поверью, из огня. Как и флероны, умма была усыпана драгоценными камнями. Спина птицы состояла из огромного изумруда, а похожий на павлиний хвост являл целую россыпь камней, расположенных так густо, что под ними едва виднелось золотое основание.

И вот этот великолепный трон султан едва удостоил мимолетным взглядом. Да, он приказал изготовить его, но затем дал клятву, что взойдет по серебряным ступенькам и усядется на расшитые шелком подушки не раньше, чем изгонит из Южной Индии всех до последнего британцев. Только тогда займет он царское место под широким балдахином, а до той поры трону надлежало оставаться пустым. Принесенная клятва означала, что султан либо поднимется на трон, либо погибнет, а являвшиеся Типу сны не предвещали смерти. Наоборот, он готовился

расширить границы Майсура и сбросить неверных британцев в море, где им самое место. У них есть своя земля, а если она им не нравится, пусть отправляются на дно морское.

Итак, британцы должны уйти, и если достижение этой цели требует союза с французами, то такая цена представлялась Типу небольшой. Он уже видел, как его империя распространяется на всю Южную Индию, а затем простирается на север, захватывая территории маратхских княжеств, управляемых слабыми, безвольными или малолетними государями. Сменив их, Типу мог предоставить тамошним жителям то, что его династия уже дала Майсуру: твердое и веротерпимое правительство. Типу считал себя истинным мусульманином, но понимал, что самый верный способ потерять трон – это огорчить подданных-индусов, а потому всячески старался выказывать почтительное отношение к индуистским святыням. Он не доверял местной аристократии и сделал немало для ее ослабления, однако стремился обеспечить благополучие других подданных, справедливо полагая, что, если людям хорошо живется, они не станут обращать внимание на то, какому богу поклоняются в построенной в городе новой мечети. Типу надеялся, что когда-нибудь все майсурцы склонятся перед Аллахом, но до наступления столь счастливых времен делал все возможное, дабы не возбудить неосторожными поступками недовольство и восстание. Индусы были нужны ему. Нужны, чтобы воевать с британцами. Нужны, чтобы сокрушить войско красных мундиров перед стенами Серингапатама.

Именно здесь, на острове, где находилась его столица, Типу намеревался разбить британцев и их союзников из Хайдарабада. Здесь его орудия измолотят врага, как цеп рисовые колосья. Султан рассчитывал заманить британцев в ловушку, устроенную у западных бастионов, но, даже если они не клюнут на наживку и подойдут с юга или востока, у него все было готово. Тысячи орудий, тысячи ракет, тысячи солдат. Он заставит армию неверных захлебнуться собственной кровью, уничтожит хайдарабадское войско, а потом отыщет Низама Хайдарабадского, брата по вере, и предаст его медленной, мучительной и заслуженной смерти, за которой будет наблюдать с золотого трона.

Типу подошел к трону и уставился на своего любимого тигра. Модель была изготовлена в натуральную величину искусным мастером-французом: зверь застыл с поднятой лапой над вырезанной из дерева фигурой британского солдата. На боку тигра имелась рукоятка, и, когда ее поворачивали, когтистая лапа терзала лицо солдата, а спрятанные внутри туловища животного тростинки шевелились, издавая звуки, напоминающие рык зверя и жалобный стон человека. Там же находился орган с клавиатурой, но Типу редко забавлялся игрой на инструменте, предпочитая слушать звериное рычание и человеческие вопли. Вот и теперь он повернул рукоятку, наслаждаясь пронзительными возгласами умирающего. Еще несколько дней, подумал он, и само небо содрогнется от настоящих криков гибнущих красномундирников.

Душераздирающие звуки наконец смолкли.

– Думаю, он шпион, – произнес неожиданно Типу.

– Так убейте его, – сказал Аппа Рао.

– Шпион, проваливший задание, – продолжал султан и повернулся к Гудену. – Вы говорите, он шотландец?

– Да, ваше величество, шотландец.

– То есть не англичанин?

– Нет.

Типу пожал плечами – невелико отличие.

– В любом случае он старик, но достаточная ли это причина, чтобы проявить к нему милосердие?

Вопрос был адресован Гудену, который, услышав перевод, напрягся.

– Его захватили в военной форме, ваше величество, а потому смерти он не заслуживает. – Француз хотел было добавить, что цивилизованному человеку мысль убить пленного и в голову бы не пришла, но, зная, как Типу не любит поучения, промолчал.

– Он ведь здесь, разве нет? Разве это не причина, чтобы предать его смерти? Здесь не его земля, не его народ, он ест не свой хлеб и пьет не свою воду.

– Убьете его, ваше величество, – предупредил Гуден, – и британцы тоже не станут церемониться с пленниками.

– Сегодня я преисполнен милосердия, – сказал Типу, что вполне соответствовало истине. Есть время, когда нужно быть безжалостным, и есть время, когда следует проявить милосердие. Возможно, шотландец еще пригодится в качестве заложника. Сон, ниспосланный ему прошлой ночью, обещал, что все будет хорошо, обнадеживали и утренние знамения, так что султан мог позволить себе выказать милость. – Отведите его в тюрьму.

Где-то во дворце французские часы отбили время, напоминая Типу о молитве. Он отпустил приближенных и прошел в скромно устроенную комнатку, где, повернувшись лицом в сторону Мекки, исполнил обязательный ритуал.

Тигры во дворе, обманутые в своих ожиданиях, нехотя вернулись в тень. Один зверь зевнул, другой сонно закрыл глаза. Будут другие дни, будет другая пища. В ожидании этих дней, дней, когда хозяин не будет столь милосерден, тигры и жили. Оставшись один в тронном зале, полковник Жан Гуден повернул ручку на боку деревянного зверя. Тигр зарычал, лапа опустилась, когти заскребли по деревянной плоти, и англичанин громко закричал.

* * *

Шарп кричать не намеревался. Еще до того, как все началось, он твердо решил, что не проявит слабости, а потому даже рассердился на себя, когда вздрогнул от первого удара, но вскоре боль сделалась такой острой, что контролировать дрожь он больше не мог. Тогда Шарп закрыл глаза и впился зубами в кожаную полоску, но все равно каждый раз, когда плеть врезалась в кожу, в голове у него звучал пронзительный, хотя и неслышный, крик.

– Сто двадцать два! – объявил Байуотерс.

Барабанщики устали, но расслабиться не могли, зная, что за ними пристально наблюдает сержант Хейксвилл.

– Сто двадцать четыре!

Именно тогда сквозь заполнивший голову молчаливый вопль пробилось что-то еще. Всхлип. За ним другой. Шарп прислушался, понял, что всхлипывает он сам, и тогда заворчал, открыл глаза и стал смотреть на офицеров, восседающих на своих конях всего в нескольких шагах от него. Он смотрел пристально, не мигая, как будто надеясь каким-то образом перевести ужасную боль со своей спины на их мерзкие лица, но ни один из офицеров не глядел на него. Одни считали облака на безоблачном небе, другие рассматривали травинки под ногами, и все старались не замечать, что перед ними, у них на глазах человека забивают до смерти.

– Сто тридцать шесть, – продолжал счет Байуотерс.

Кровь текла по спине и уже перепачкала до колен белые бриджи, забрызгала слипшиеся напудренные волосы... а хлыст все свистел, и каждый удар вырывал из тела комочек плоти, рвал на полосы кожу и разбрасывал блестящие красные капли.

– Сто сорок. Повыше, парни, повыше! По почкам не бить! – рявкнул Байуотерс и бросил взгляд на батальонного врача.

Рассеянный взгляд Миклуайта был устремлен куда-то вдаль, а лицо с отвислым двойным подбородком оставалось равнодушным, как будто врач всего лишь созерцал голубое летнее небо.

– Не хотите взглянуть на него, мистер Миклуайт? – предложил старшина, но тот лишь покачал головой. – Продолжайте, ребята, – не скрывая неудовольствия, бросил Байуотерс.

Порка продолжалась. Хейксвилл наблюдал за происходящим с нескрываемой радостью, но большинство солдат либо смотрели в небо, либо молились за то, чтобы Шарп не закричал.

Не закричать – означало победить, пусть даже ценой жизни. Посмотреть редкое зрелище пришли и индийские солдаты. В войсках Ост-Индской компании такое наказание отсутствовало, и большинство сипаев не могли понять, как могут британцы столь жестоко обходиться со своими.

– Сто шестьдесят девять! – крикнул Байуотерс и вдруг заметил, как под хлыстом мелькнуло что-то белое. Впрочем, кость тут же скрылась под ручейком крови. – Вижу ребро, сэр! – обратился сержант к врачу.

Миклуайт отмахнулся от назойливой мухи и перевел взгляд на плывущее к северу облако. Там, вверху, должно быть, ветерок, подумал он, жаль, что здесь, внизу, воздух как будто застыл. Капелька крови шлепнулась на его голубой мундир, и врач торопливо отступил на пару шагов.

– Сто семьдесят четыре! – Байуотерс вел счет, вкладывая в каждое число все свое недовольство.

Шарп чувствовал, что теряет сознание. Боль стала невыносимой. Его словно сжигали заживо и одновременно кололи. Каждый удар исторгал из него вскрип, но звук получался таким тихим, что его едва ли слышали даже два вспотевших барабанщика, которые уже с трудом поднимали руки. Шарп снова закрыл глаза. Воздух входил в него и выходил обратно со свистом, проталкиваясь мимо кляпа, пот и слюна стекали по подбородку и падали на землю, где в пыли расплывались темные пятна.

– Двести один, – хрипло выкрикнул старшина, думая о том, стоит ли рискнуть и приложиться к фляге.

– Прекратить!

– Двести два.

– Прекратить! – требовательно повторил властный голос, и батальон как будто очнулся от дремы.

Мальчишка-барабанщик неуверенно стукнул еще раз и, увидев, что старшина Байуотерс предостерегающе вскинул руку, опустил палочки. Шарп поднял голову и открыл глаза – все вокруг расплывалось и смешивалось в неясное пятно. Боль пронзила его, он вскрикнул и снова опустил голову. С губ сорвалась длинная ниточка слюны.

Полковник Артур Уэлсли направился к треноге. Секунду-другую майор Ши и его заместители смотрели на своего командира растерянно и почти виновато, как будто их застали за каким-то недозволенным занятием. Все молчали. Полковник подъехал ближе, с кислым видом оглядел окровавленного солдата, потом протянул руку с зажатой в ней плеткой и заставил Шарпа поднять голову. Их взгляды встретились, и Уэлсли едва не содрогнулся, когда глаза жертвы полыхнули ненавистью. Он убрал плетку и вытер испачканное слюной кнутовище о седло.

– Отвяжите его, майор, – холодно распорядился полковник.

– Есть, сэр. – Ши нервничал – уж не совершил ли он какую-то ужасную, непростительную ошибку? – Сию минуту, – добавил майор, забыв отдать приказ.

– Я не люблю вмешиваться в отправление наказания, – достаточно громко, чтобы слышали офицеры, добавил Уэлсли, – но рядового Шарпа надлежит доставить в палатку генерала Харриса сразу после того, как ему будет оказана необходимая помощь.

– В палатку генерала Харриса? – изумленно переспросил Ши. Генерал Харрис командовал всеми экспедиционными войсками, и майор не мог представить, какое отношение к нему может иметь забитый до полусмерти солдат. – Есть, сэр. Конечно. Сию минуту.

– Ну так исполняйте! – рявкнул Уэлсли, худощавый молодой человек с узким лицом, жестким взглядом и крупным, напоминающим клюв носом.

Многим офицерам не нравилось, что двадцатидевятилетний Уэлсли уже носит звание полковника, но он происходил из богатой и знатной семьи, его старший брат, граф Морнингтон, исполнял обязанности генерал-губернатора британских владений в Индии, так что ничего

удивительного в быстром возвышении Артура Уэлсли не было. Имея деньги для покупки должности и необходимые связи, чтобы попасть в нужное место и в нужное время, подняться мог бы едва ли не любой, но даже те, кто завидовал и недолюбливал молодого полковника за его привилегии, признавали за ним несомненные способности, властность и даже командирский талант. В любом случае он определенно был предан выбранной профессии.

Развернув коня в сторону треноги, Уэлсли посмотрел на нарушителя.

– Рядовой Шарп? – брезгливо, словно общаясь с прокаженным, спросил он.

Шарп поднял голову, моргнул и захрипел. Подбежавший Байуотерс вытащил у него из рта кляп, на что потребовалось некоторое время и определенные усилия.

– Вот и молодец, – негромко приговаривал старшина. – Молодец. Выдержал, не захныкал. Я тобой горжусь, парень.

Шарп попытался сплюнуть скопившуюся во рту слюну.

– Рядовой Шарп? – нетерпеливо повторил Уэлсли.

Шарп поднял глаза.

– Сэр? – прохрипел он. – Сэр. – На этот раз получилось что-то вроде стога.

Полковник поморщился:

– Вам следует прибыть в палатку генерала Харриса. Вы меня понимаете?

Шарп мигнул. Голова кружилась, а боль в теле свивалась с неверием в происходящее и ненавистью к армии.

– Ты слышал полковника, парень? – подсказал Байуотерс.

– Есть, сэр, – прохрипел Шарп.

Уэлсли повернулся к Миклуайту:

– Перевяжите его, мистер Миклуайт. Смажьте спину. Сделайте все, что считаете нужным.

Он нужен мне *compos mentis*¹ через час. Понятно?

– Да, сэр! Через час? – недоверчиво пробормотал врач и, увидев вспыхнувший в глазах полковника гнев, поспешно добавил: – Слушаюсь, сэр! Через час!

– И дайте ему чистую одежду, – распорядился Уэлсли, после чего еще раз взглянул на Шарпа и развернул коня.

Между тем последние веревки были перерезаны. Ши и другие офицеры как зачарованные наблюдали за происходящим, спрашивая себя, какое такое чрезвычайное событие могло стать причиной вызова рядового в палатку генерала Харриса. Старшина снял обрывки веревок с запястий Шарпа и протянул руку:

– Держись, парень. Обопрись. Осторожней.

Шарп покачал головой.

– Я в порядке, старшина. – Конечно, он был не в порядке, но выказать слабость перед лицом товарищей и тем более сержанта Хейксвилла? Нет! – Я в порядке, – повторил он и, медленно отстранившись от треноги, повернулся и сделал три шага.

Рота восторженно зашумела.

– Молчать! – крикнул капитан Моррис. – Отметьте нарушителей, сержант Хейксвилл!

– Есть, сэр!

Шарп сделал еще шаг, пошатнулся и едва не упал, но заставил себя выпрямиться и подойти к врачу.

– Прибыл для перевязки, сэр, – прохрипел он. Кровь залила бриджи, на спину было страшно смотреть, но он уже пришел в себя и смотрел на врача так, что тот невольно поежился.

– Идемте со мной, рядовой, – сказал Миклуайт.

¹ В здравом уме и твердой памяти (*лат.*).

– Помогите ему! – бросил барабанщикам старшина, и парни, отбросив хлысты, подхватили Шарпа под локти. Тот ухитрялся держаться прямо, но Байуотерс видел, что его шатает, и опасался, что солдат может упасть.

Шарпа увели. Майор Ши стащил треуголку, провел ладонью по седеющим волосам и, не зная, что делать дальше, посмотрел на Байуотерса:

– Похоже, старшина, дел на сегодня не осталось.

– Никак нет, сэр.

Ши молчал. Все шло не так, как надо.

– Распустить батальон, сэр? – подсказал Байуотерс.

Майор облегченно кивнул, радуясь, что кто-то еще способен принять разумное решение:

– Да, старшина, распустите батальон.

– Есть, сэр.

Так рядовой Шарп остался с живыми.

Глава четвертая

В большой палатке генерала Харриса было душно, и попытки получить хотя бы слабый сквозняк, открыв оба входа, успеха не дали – тяжелый, влажный воздух висел неподвижно под высокой крышей. Проникавший в палатку свет приобретал благодаря парусине неприятный, цвета мочи оттенок, и даже трава под ногами казалась болезненно-желтоватой и сырой.

В палатке собралось четверо мужчин. Самый молодой по возрасту и младший по званию, лейтенант Уильям Лоуфорд сидел в дальнем углу на позолоченном стуле столь вычурной и хрупкой конструкции, что приходилось только удивляться, как ему удастся переносить путешествие в армейских повозках. Дабы не привлекать к себе внимания, Лоуфорд старался не шевелиться, а потому сидел в неудобной позе, и стекавший с лица пот падал капельками на лежащую у него на коленях треуголку.

Напротив Лоуфорда, совершенно игнорируя молодого лейтенанта, сидел полковник Артур Уэлсли, вступавший в разговор лишь изредка и бросавший реплики недовольным тоном человека, которого вынуждают терять время в ожидании. Пару раз он доставал из кармашка часы, откидывал крышку, демонстративно смотрел на циферблат, затем, ничего не говоря, закрывал и убирал на место.

За устеленным картами длинным столом сидел командующий армией генерал Харрис. Это был подтянутый, средних лет мужчина, в котором здравый смысл разумно сочетался с практичностью, теми же качествами, которые он находил в своем заместителе полковнике Уэлсли. Обычно собранный и вежливый, сейчас, после долгого ожидания в душной палатке, Джордж Харрис казался немного рассеянным. Он то смотрел на карты, то вытирал потное лицо большим синим платком, но почти не поддерживал разговор. Такое состояние командующего объяснялось тем, что, как и Уэлсли, он не одобрял то, что они собирались сделать. И дело было не в том, что предложенный план представлялся обоим чересчур рискованным, а в том, что они не верили в успех операции, провал которой означал потерю двух хороших солдат. Точнее, одного хорошего и одного плохого.

Четвертый из находившихся в палатке мужчин садиться не желал, зато постоянно расхаживал между столами и разнокалиберными стульями. Именно он поддерживал разговор, то и дело угасающий в затхлой, сырой и душной атмосфере палатки. Он веселил собеседников шутками, подбадривал, развлекал, а когда шутки отскакивали от угрюмой стены молчания, когда усилия не давали результата, подходил к одному из двух выходов и выглядывал из палатки.

– Уже скоро, – говорил он каждый раз и снова начинал расхаживать взад-вперед.

Это был генерал-майор Дэвид Бэрд, старший по званию и возрасту из двух заместителей Харриса. В отличие от коллег, он давно снял мундир и даже спустил подтяжки бриджей. Влажные, спутанные темные волосы и широкое, дочерна загорелое лицо придавали ему сходство с каким-нибудь рабочим. Впечатление усиливалось еще и тем, что черты лица Дэвида Бэрда, как и внешность вообще, не отличались аристократической утонченностью. Это был огромного роста, широкоплечий и мускулистый, как возчик угля, шотландец. Именно он убедил двух своих коллег действовать, а не сидеть сложа руки. Точнее, убедил он генерала Харриса, а что касается мнения какого-то там полковника Артура Уэлсли, то на него Бэрду было, откровенно говоря, наплевать. Шотландец, мягко выражаясь, недолюбливал «выскачку» и, будучи человеком откровенным и прямым, громко протестовал против его назначения вторым заместителем Харриса:

– Если бы его братец не был генерал-губернатором, вы бы никогда не назначили его на такую должность.

– Вы не правы, – мягко возражал Харрис. – Уэлсли – способный офицер.

– Какие, к черту, способности. Все дело в его семейке! – возмущался Бэрд.

- Семьи есть у всех.
- Да только не такие. У этих напыщенных английских хлыщей слишком много денег.
- Он родился в Ирландии.
- Бедная Ирландия! Да, впрочем, какой он ирландец! Подумайте сами, он даже не пьет!

Так, пригубит малость вина, но это ведь и выпивкой не считается. Вы встречали когда-нибудь трезвенника-ирландца?

– Несколько, пожалуй, знаю, – честно отвечал Харрис, – но разве пьянство такое уж похвальное качество для заместителя командующего?

– Похвальное качество – опыт, – ворчал Бэрд. – Черт возьми, старина, мы с вами ведь кое-что на своем веку повидали. Проливали кровь! А чем может похвастать Уэлсли? Все решили деньги. Только они и сделали его полковником. Он и пороку по-настоящему не нюхал!

– Из Уэлсли выйдет очень хороший заместитель, а это главное, – упирался Харрис, которого действительно устраивало, как полковник исполняет свои обязанности.

Уэлсли отвечал за связь с армией Низама Хайдарабадского, и ему удалось убедить капризного властелина принять предложения Харриса. Решить такую задачу Бэрд ни за что бы не смог, потому что ненавидел и презирал всех индийцев, о чем последние прекрасно знали.

Ненависть эта зародилась в те годы, которые Бэрд провел в темнице султана Типу в Серингапатаме. Девятнадцатью годами ранее в сражении с армией отца Типу, султана Хайдара Али, молодой офицер Дэвид Бэрд попал в плен. Вместе с другими пленниками его отвели в Серингапатам, и там, в сыром и душном подземелье, он, подвергаясь издевательствам и унижениям, просидел сорок четыре месяца, причем несколько из них на цепи. Теперь шотландец жаждал мести. Днем и ночью мечтал он о том, как пройдет с тяжелым шотландским палашиком по улицам Серингапатамы, как загонит в угол султана Типу и тогда уж тысячекратно отомстит за тюремный ад.

Помня о пережитом ужасе и понимая, что его соотечественник обречен на такие же испытания, Бэрд твердо решил сделать все возможное и невозможное для освобождения Маккандлесса. Тем более что и сам полковник, отправляясь на задание и предвидя возможный провал миссии, оставил письмо с четкими инструкциями. В письме, вскрыть которое надлежало только в случае невозвращения Маккандлесса к оговоренному сроку, говорилось, что, если генерал Харрис сочтет необходимым предпринять усилия по его освобождению, в Серингапатаме следует тайно направить верного человека, которому нужно будет выйти на связь с торговцем по имени Рави Шехар. «Если кто и располагает необходимыми для моего вызволения средствами, то только Шехар, – писал полковник, – хотя прежде, чем предпринимать действия, создающие риск утраты столь важного источника, вы должны самым тщательным образом оценить, стоят ли возможные выгоды от моего освобождения такого риска».

Лично Бэрд в ценности Маккандлесса не сомневался. Только полковник знал состоящих на службе Типу британских агентов и лучше, чем кто-либо еще, знал самого султана. Не сомневался Бэрд и в том, что если Типу каким-то образом установит личность пленника, то, несомненно, отдаст его тиграм. Именно Бэрд вспомнил про племянника Маккандлесса, лейтенанта Лоуфорда. Именно Бэрд убедил молодого человека отправиться в Серингапатам, чтобы попытаться спасти дядю. И именно Бэрд изложил свой план генералу Харрису. Поначалу командующий отнесся к идее заместителя скептически, хотя затем все же предложил послать в стан врага индийца-добровольца, которому было бы легче остаться незамеченным и выполнить данное поручение. Бэрд, однако, твердо стоял на своем:

– Дело слишком важное, чтобы поручать его какому-то черномазому. Кроме того, только сам Маккандлесс знает, кому из них можно доверять. Я бы, например, никому из этих чертей не доверился.

Харрис вздохнул. Он вел две армии, пятьдесят тысяч человек, и только пять тысяч из них были белыми, так что без доверия к «черномазым» рассчитывать на победу не приходилось. Генерал, однако, знал, что переубедить такого упряма, как Бэрд, невозможно.

– Я бы и сам хотел освободить Маккандлесса, – сказал он, – но белому в Серингапатаме долго не продержаться.

– Посылать черномазого бессмысленно, – упирался шотландец. – Черномазый возьмет у нас деньги и отправится напрямик к Типу, чтобы получить награду и от него. И тогда прощай Маккандлесс и этот Шехар.

– Но зачем отправлять именно Лоуфорда?

– А вот зачем. Маккандлесс – человек очень осторожный и скрытный. Он увидит племянника и поймет, что тот пришел от нас, а если к нему обратится кто-то другой, он может принять его за обычного дезертира, подосланного Типу. Этому Типу, Харрис, нельзя недооценивать – ловкий и хитрый мерзавец. Напоминает мне Уэлсли – тоже все время думает.

Генерал хмыкнул. План Бэрда одновременно отталкивал его и притягивал. Дело в том, что хавилдар, единственный уцелевший из всего небольшого отряда Маккандлесса, сообщил, что у полковника был контакт с человеком, с которым он надеялся встретиться, и, хотя Харрис не знал, что это за человек, у него были все основания считать, что шотландец искал ключи к столице султана. Только по этой причине, в расчете на то, что рискованное предприятие Маккандлесса увенчается успехом, Харрис и разрешил полковнику отправиться в тыл противника. И вот теперь Харрису предоставлялась возможность если не вытащить из тюрьмы самого шотландца, то хотя бы узнать от него ценнейшие сведения. Генерал был не настолько уверен в успехе британской кампании, чтобы отказаться от пусть даже призрачного шанса.

– Но как, объясните мне, этот ваш Лоуфорд проберется в город? – спросил Харрис.

– Легко! – пренебрежительно ответил Бэрд. – Типу охотно принимает европейцев-волонтеров, так что мы переоденем Лоуфорда в форму рядового, и он выдаст себя за дезертира. Встретят с распростертыми объятиями! Повесят на шею гирлянду из цветов и предоставят бибби на выбор.

Мало-помалу Харрис уступил перед аргументами Бэрда, а вот Уэлсли, когда его ввели в курс дела, выступил резко против. Лоуфорд, доказывал полковник, не сможет сыграть роль рядового и дезертира. Однако энтузиазм Бэрда перевесил логику Уэлсли, и лейтенанта вызвали в палатку генерала, где он осложнил положение, немедленно согласившись с доводами полковника.

– Я бы с удовольствием помог, сэр, – сказал лейтенант Харрису, – но не уверен, что смогу убедительно притворяться.

– Господи, старина, – вмешался Бэрд, – да дело-то – раз плюнуть.

– Дело трудное, – возразил генерал, разглядывая застенчивого лейтенанта и все более уверяясь в мысли, что требуемые для обмана качества у Лоуфорда напрочь отсутствуют: перед ним был приличный, неспособный на ложь молодой человек.

И тут Лоуфорд выступил с предложением, которое еще больше усложнило задачу.

– Думаю, сэр, – почтительно заметил он, – план мог бы сработать, если бы мне позволили взять с собой спутника. Дезертиры ведь обычно убегают парами, верно? Будь со мной настоящий рядовой, мы выглядели бы убедительнее.

– Разумно, разумно, – поддержал Бэрд.

– У вас есть на примете такой человек? – холодно поинтересовался Уэлсли.

– Это рядовой Шарп, сэр. Сейчас его наказывают по приговору трибунала.

– Ну, тогда он вам не поможет, – сказал Уэлсли тоном человека, дающего понять, что вопрос исчерпан.

– Ни с кем другим я не пойду, – заупрямился лейтенант, обращаясь не столько к полковнику, сколько к генералу, который с удовольствием отметил, что молодой человек не лишен твердости характера. Похоже, Лоуфорд не столь уж безнадежен.

– Сколько розог ему назначили? – спросил генерал.

– Не знаю, сэр. Заседание проходило сегодня, и я выступил бы в его защиту, если бы не был здесь. У меня есть сомнения в его виновности.

Разговор о возможности привлечения Шарпа продолжили за полуденным ленчем с рисом и тушеной козлятиной. Уэлсли категорически не желал вмешиваться в ход судебного заседания или отменять вынесенный приговор, указывая, что такие действия подрывают воинскую дисциплину, а Уильям Лоуфорд столь же упрямо, хотя и в других выражениях, отказался идти с другим, делая упор на то, что должен доверять спутнику.

– Можно послать еще одного офицера, – предложил Уэлсли, но идея не получила развития, поскольку найти надежного добровольца среди офицерского корпуса оказалось не так-то легко.

То есть офицеров было предостаточно, но надежных относительно немного, а те, чьи качества не вызывали сомнения, вряд ли изъявили бы желание рисковать головой, выполняя, как язвительно выразился полковник, бессмысленное задание.

– Почему же вы соглашаетесь? – спросил генерал у лейтенанта. – Ведь риск вполне очевиден, а на дурака вы не похожи.

– Надеюсь, что так, сэр. Но деньги на покупку должности мне дал дядя.

– Неужели? Какая, черт возьми, щедрость!

– Надеюсь, сэр, я смогу его отблагодарить.

– Отблагодарить ценой жизни? – ехидно уточнил Уэлсли.

Лоуфорд покраснел, но со своих позиций не отступил:

– Думаю, сэр, рядовому Шарпу предприимчивости хватит на двоих.

Решение использовать или не использовать Шарпа зависело в конечном итоге от генерала Харриса, который, соглашаясь с Уэлсли относительно того, что отмена заслуженного наказания стала бы проявлением опасной слабости, в то же время соглашался с необходимостью принятия неотложных мер по освобождению Маккандлесса. В итоге Харрис принял сторону Бэрда и с тяжелым сердцем приказал доставить рядового Шарпа. Вот почему дело закончилось тем, что Ричард Шарп предстал-таки перед четырьмя мужчинами, собравшимися в душной, залитой противным желтоватым светом палатке. Он был в чистой форме, но все сразу увидели, что солдат испытывает ужасные страдания. Двигался Шарп скованно, и причиной скованности был не толстый слой бинтов, покрывавших его туловище, а дикая боль, пронзавшая тело при малейшем движении. Смывая кровь, он смыл заодно почти всю пудру, и когда полковник приказал ему снять треуголку, под ней обнаружили непривычно пестрые волосы.

– Думаю, парень, тебе лучше сесть, – бросив взгляд на Харриса, предложил Бэрд.

– Возьмите табурет, – распорядился генерал и лишь с опозданием заметил, что солдат не может наклониться.

Табурет подал Бэрд.

– Болит? – сочувственно спросил он.

– Так точно, сэр.

– Так и должно быть, – резко бросил Уэлсли, демонстративно поворачиваясь к Шарпу спиной. – Боль – смысл наказания. Не люблю, когда порку не доводят до конца, – продолжал он, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Подрывает порядок. Когда рядовой знает, что наказания можно избежать, одному богу известно, до какого безобразия они могут прийти. – Полковник вдруг повернулся и пронзил Шарпа ледяным взглядом. – Будь моя власть, рядовой, я бы отправил вас к треноге и довел дело до конца.

– Сомневаюсь, что рядовой Шарп вообще заслуживает наказания, – осмелился вступить за солдата лейтенант Лоуфорд. При этом он слегка покраснел.

– Свое мнение, лейтенант, вы могли высказывать на заседании трибунала! – отрезал Уэлсли, давая понять, что теперь проявление сочувствия совершенно неуместно. – Вам повезло, солдат, – не скрывая раздражения, добавил он. – Я объявлю, что наказание было сокращено ввиду признания вашего участия в недавнем сражении. Хорошо дрались?

Шарп кивнул:

– Свою долю врагов положил, сэр.

– Итак, я смягчаю вам наказание. А вечером, черт бы вас побрал, вы оплатите мне тем, что дезертируете из полка.

Шарп решил, что ослышался, но переспрашивать не стал и, отведя взгляд от полковника, уставился на противоположную стену.

– Дезертировать не собирался, а, Шарп? – спросил генерал Бэрд.

– Я, сэр? – Солдат изобразил удивление. – Никак нет, сэр. Мне такое и в голову не приходило.

Бэрд усмехнулся:

– В этом деле нам нужен хороший враль. Кажется, ты как раз то, что требуется. К тому же любой, кто посмотрит на твою спину, поймет, что оснований для побега у тебя предостаточно. – Генерал заметно оживился. – Вообще-то, если бы ты так удачно не подставился, нам пришлось бы отхлестать тебя без всякой причины! Удачно получилось! – Он улыбнулся.

Шарпу было не до улыбок; настороженно посматривая на офицеров, он пытался понять, что тут происходит. Мистер Лоуфорд заметно нервничал, Бэрд пытался держаться дружелюбно, генерал Харрис сохранял невозмутимое выражение лица, а полковник Уэлсли всем своим видом демонстрировал неприязнь. Впрочем, полковник всегда был надменным и высокомерным, так что рассчитывать на его доброе отношение или похвалу не приходилось. Спас его Бэрд, решил Шарп, и такое предположение вполне согласовывалось с репутацией генерала. Шотландец был солдатским генералом, смельчаком и пользовался уважением и любовью в войсках.

Бэрд снова улыбнулся Шарпу:

– Позволь кое-что тебе объяснить. Три дня назад мы потеряли хорошего человека, полковника Маккандлесса. Его захватили кавалеристы Типу и, насколько нам известно, увели в Серингапатам. Мы хотим, чтобы ты проник в город и чтобы тебя там схватили. Пока понятно?

– Да, сэр, – отозвался Шарп.

– Молодец. Типу, как мы предполагаем, захочет, чтобы ты вступил в его армию. Ему нравится иметь в своих рядах белых, так что ты без проблем поступишь к нему на службу. Твоя задача – найти полковника Маккандлесса и вытащить его из Серингапатама живым. Понятно?

– Да, сэр, – послушно ответил Шарп.

Уж лучше бы попросили для начала заскочить в Лондон и украсть королевские драгоценности. Ну и дурачье! Стоит человеку нацепить золоченые эполеты, как у него мозги превращаются в кашу! Однако ж то, что они предлагали, вполне отвечало его собственным целям, а раз так, он будет сидеть смирно, очень смирно, кивать и притворяться послушным идиотом, но не из уважения к ним, а потому, что каждое движение отзывается жуткой болью в спине.

– Пойдешь не один, – инструктировал Бэрд. – Послать тебя предложил лейтенант Лоуфорд, так что вас будет двое. Он будет выдавать себя за рядового и дезертира, и твоя задача заботиться о нем.

– Да, сэр.

Черт, дела складывались, похоже, не так хорошо, как вначале представлялось Шарпу. С Лоуфордом на веревочке не очень-то разбежишься. Он взглянул на лейтенанта, тот ободряюще ему улыбнулся.

– Проблема вот в чем, – подал голос Лоуфорд. – Я не уверен, что смогу сойти за рядового. Но вам они поверят, а вы скажете, что я новобранец.

Новобранец! Шарп чуть не рассмеялся. Выдать лейтенанта за рядового то же самое, что представить рядового офицером. Он бы сделал по-другому... Шарп сам себе удивился – он ведь собирался сбежать из армии, а не содействовать успеху идиотского предприятия.

– Вам бы лучше выдать себя за писаря, сэр, – едва слышно пробормотал он, смущенный присутствием сразу нескольких старших офицеров.

– Громче! – рявкнул Уэлсли.

– Было бы лучше, если бы лейтенант выдал себя за писаря, – во весь голос объявил Шарп.

– За писаря? – переспросил Бэрд. – Почему?

– У него нежные руки, сэр. Чистые руки. Писаря не возьмется в грязь, как мы, простые солдаты. А новобранцы, сэр, они обычно ничем от остальных не отличаются. – (Харрис, который писал что-то за столом, поднял голову и с удивлением посмотрел на солдата.) – Ему надо испачкать пальцы чернилами, сэр, – по-прежнему обращаясь к Бэрду, продолжал Шарп, – и тогда все будет в порядке.

– А мне это нравится! – воскликнул шотландец. – Отлично придумано, парень! Молодец!

Уэлсли презрительно фыркнул и отвернулся с видом человека, которого все происходящее начало утомлять. Харрис взглянул на Лоуфорда:

– Ну что, лейтенант, сможете изобразить разочаровавшегося в службе писаря?

– Да, сэр, конечно. Уверен, что смогу, – закивал явно оживившийся Лоуфорд.

– Хорошо. – Харрис отложил перо. Он носил парик, под которым прятал отметину, оставленную американской пулей в сражении у Банкер-Хилл, и сейчас, позабыв об осторожности, машинально приподнял край парика и почесал старый шрам. – Пробравшись в город, вы должны вступить в контакт с этим торговцем... как его... Напомните, Бэрд?

– Рави Шехар, сэр.

– Да, с Рави Шехаром. Но что, если его там уже нет? Или он откажется помогать? – На вопросы генерала никто не ответил. Часовые стояли от палатки на приличном расстоянии и слышать ничего не могли. Где-то залаяла собака. – Об этом нужно подумать заранее. – Харрис снова потер шрам.

Уэлсли сухо усмехнулся, но практического предложения выдать не смог.

– Если Рави Шехар не захочет или не сможет помочь, – заговорил Бэрд, – тогда Лоуфорд и Шарп должны сами проникнуть в тюрьму и сами же оттуда выбраться. – Шотландец повернулся к солдату. – Ты, случайно, воровством до армии не баловался?

После почти незаметной паузы Шарп кивнул:

– Так точно, сэр.

– И чем вы промышляли? – возмущенно спросил Уэлсли, словно только теперь, к величайшему своему удивлению, обнаружил, что его батальон состоит из преступников, а когда Шарп не ответил, раздраженно уточнил: – Были карманником?

Столь глубокие познания полковника в специфике уголовного ремесла стали для Шарпа откровением. Он решительно покачал головой, отмечая оскорбительные предположения Уэлсли.

– Я был домушником, сэр, причем должным образом обученным, – не без гордости заявил солдат королевской армии.

Вообще-то, Шарпу случалось промышлять на большой дороге, где он не столько грабил почтовые кареты, сколько срезал кожаные мешки с сумками пассажиров, висевшие на задней стенке экипажей. Работать приходилось на ходу, когда стук колес и копыт заглушал производимый разбойником шум, и занимались этим делом молодые и проворные. У Шарпа получалось совсем неплохо.

– Это означает, что он был взломщиком, – пояснил генералам Уэлсли, даже не стараясь скрыть презрение.

Бэрда ответы солдата вполне удовлетворили.

– А отмычка у тебя осталась, а, рядовой?

– Отмычка? Нет, сэр. Но раздобыть бы смог, сэр. За гинею.

Генерал рассмеялся – настоящая цена нехитрого инструмента вряд ли превышала шиллинг, – но тем не менее подошел к мундиру, висевшему на вбитом в столб крючке, и выудил из кармана гинею, которую и бросил Шарпу.

– Постарайся найти до сегодняшнего вечера. Может быть, и пригодится, кто знает. – Он повернулся к Харрису. – Сомневаюсь, что до этого дойдет, сэр. Надеюсь, что до этого не дойдет. Потому что вряд ли кто-то, даже рядовой Шарп, сумеет выбраться из тюрьмы Типу. – Шотландец посмотрел на солдата. – Я провел в тамошней темнице почти четыре года, и за это время сбежать не удалось никому. Ни одному человеку. – Бэрд прошелся по палатке. – Двери в камеры запираются на висячий замок, так что с этим можно справиться с помощью отмычки, но днем там всегда было четыре надзирателя, а иногда нас даже охраняли джетти.

– Джетти, сэр? – спросил Лоуфорд.

– Джетти, лейтенант. Дюжину этих скотов Типу получил в наследство от отца. Профессиональные силачи. Любят показывать свои фокусы, убивая пленников по приказу султана. У каждого свои приемы, и все не очень приятные. Хотите послушать?

– Нет, сэр, – поспешно сказал Лоуфорд, побледнев от мысли об ужасных методах смертоубийства, применяемых загадочными джетти.

Шарп расстроился, но перечить лейтенанту не осмелился.

Бэрд скорчил гримасу.

– Да, омерзительная процедура, – хмуро добавил он. – Уверены, что не передумали?

Все еще бледный, лейтенант коротко кивнул:

– Думаю, сэр, попытаться стоит.

Уэлсли снова фыркнул – упорство Лоуфорда представлялось ему очевидной глупостью, – но Бэрд не обратил на полковника ни малейшего внимания.

– На ночь стражу снимают, – продолжал он, – но один часовой остается.

– Всего лишь один? – спросил Шарп.

– Всего лишь один, рядовой, – подтвердил шотландец.

– С одним, сэр, я справлюсь, – похвастал Шарп.

– Только не с этим, – остудил его пыл генерал, – потому что, когда я там находился, он достигал в длину восьми футов. Это тигр, Шарп. Тигр-людоед. Восемь футов в длину, не считая хвоста. Каждую ночь его запускают в коридор тюрьмы, где он и прогуливается. Не дай вам бог туда попасть. Будем надеяться, что Рави Шехар знает, как вытащить Маккандлесса.

– Или, по крайней мере, – вмешался Харрис, – будем надеяться, что Шехар узнает у Маккандлесса то, что нам нужно, а вы сможете передать эти сведения нам.

– Да, именно это от вас и требуется! – бодро объявил Бэрд и кивнул Шарпу. – Так что, готов идти?

Шарп уже давно решил, что вся затея – полнейшая глупость, а упоминание о тиграх отбило у него и последнюю охоту, но высказывать сомнение было бы еще большей глупостью.

– Думаю, сэр, три лучше, чем две тысячи, – сказал он.

– Три? – не понял Бэрд.

– Я имею в виду, что три нашивки лучше, чем две тысячи плетей, сэр. Если мы узнаем то, что вам нужно, или вытащим полковника Маккандлесса из тюрьмы, вы произведете меня в сержанты, сэр? – Задавая вопрос, Шарп смотрел на Уэлсли.

Лицо полковника лучше всяких слов выразило его возмущение наглым требованием рядового, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, генерал Харрис негромко откашлялся и мягко заметил, что предложение звучит достаточно разумно.

Уэлсли собрался было выступить против, но, подумав, решил, что вряд ли Шарп переживет безумную авантюру, и, хотя и с очевидной неохотой, кивнул:

– Вы получите сержантские нашивки, Шарп... если выполните задание.

– Спасибо, сэр.

Бэрд кивнул, давая понять, что разговор окончен:

– А теперь можешь идти. Лейтенант Лоуфорд объяснит, что делать. И еще одно... – Шотландец понизил голос. – Ради бога, никому не говори, куда и зачем ты отправляешься. Ни одной живой душе.

– Конечно, сэр. У меня такого и в мыслях не было. – Шарп с усилием поднялся.

– Ладно, ступай. – Бэрд помолчал, а когда лейтенант и рядовой вышли из палатки, вздохнул и, обращаясь к Харрису, заметил: – Смышленный парень этот Шарп.

– Мошенник и вор, – вмешался Уэлсли. – У меня таких целая сотня. Сброд. Единственное, что удерживает их от бунта, – это жесткая дисциплина.

Харрис постучал по столу, предупреждая назревающую ссору:

– Не важно. Важно то, сумеет ли мошенник и вор сделать то, что нам нужно.

– У него нет ни малейшего шанса, – уверенно заявил Уэлсли.

– Шанс есть, хотя и небольшой, – с кислым видом признал Бэрд, – но ради спасения Маккандлесса стоит использовать даже такой.

– Рискую при этом двумя добрыми солдатами?

– Один мог бы стать неплохим офицером, – поправил генерала Уэлсли, – а вот по второму мир уж точно плакать не будет.

– Не забывайте, что Маккандлесс, может быть, держит в своих руках ключи от города, – напомнил шотландец.

– Верно, – вздохнул Харрис и, поднявшись со стула, раскатал на столе свернутую карту Серингапатама.

Каждый раз, глядя на нее, генерал задавал себе один и тот же вопрос: как он будет брать город? Лорд Корнваллис, захвативший Серингапатам семью годами раньше, пошел на приступ с северной стороны, а потом атаковал восточную стену крепости, но Харрис сомневался, что успех придет за счет копирования его действий. Типу, несомненно, извлек урок из тогдашнего поражения, а значит, новый удар нужно наносить либо с юга, либо с запада. Перебежчики из стана врага единогласно утверждали, что западный участок стены давно не укреплялся и пребывает в жалком состоянии. Возможно, разумнее всего ударить именно с запада.

– С юга или с запада, – пробормотал он, возвращаясь к проблеме, которую обсуждал со своими заместителями едва ли не каждый день. – В любом случае, джентльмены, у султана есть орудия, есть войско. А у нас будет только один шанс. Только одна попытка до наступления дождей. Итак, юг или запад?

Харрис снова уставился на карту. Вот если бы Маккандлесс вырвался из тюрьмы и дал хоть какой-то совет. Но нет, рассчитывать на храброго шотландца не приходилось, а это означало, что решение придется принимать ему одному. Конечно, окончательно все определится, когда армия выйдет к Серингапатаму и он сам сможет посмотреть на оборонительные сооружения Типу, но тогда тянуть будет некогда. Надо сказать, что сам Харрис, взвешивая возможные варианты, уже выбрал тот, который представлялся ему наиболее предпочтительным. Инстинкт однозначно подсказывал ему решение, но тревожило, что Типу мог принять в расчет слабость в оборонительных сооружениях своей столицы. Впрочем, рассуждения о том, кто кого хитрее, вели только лишь к нерешительности, а потому Харрис постучал кончиком пера по карте:

– Ударим здесь. Здесь.

Там, где Типу устроил западню.

* * *

Аллах в бесконечной милости своей был благосклонен к Типу. Аллах, чья мудрость неизмерима, указал Типу на некоего купца, поставлявшего сведения британской армии. Торговал он обычными скобяными изделиями из меди, жести и латуни, и его груженные повозки часто проезжали через одни из двух главных ворот города. Одному богу ведомо, сколько таких повозок прошло через ворота за три месяца, но в конце концов стражи обыскали нужную, ту самую, в которой было спрятано зашифрованное письмо. Подвергнутый допросу, торговец сознался, что в письме содержался отчет о странных работах, ведущихся у давно закрытых ворот западной стены. Работы эти держались в строгой тайне, и допускались к воротам только специалисты-европейцы и небольшая группа воинов-мусульман, в преданности которых султан не сомневался. Купец, что неудивительно, был индусом, но, когда в комнату для допросов привели его жену и когда ей пригрозили раскаленными щипцами, он не выдержал и назвал имя солдата-мусульманина, променявшего честь на предложенное золото. А золота нашли немало! Оно занимало целый железный сундучок и, как подозревал Типу, вряд ли было заработано торговлей скобяными изделиями. Купец сознался, что золото британское и что он получил его для того, чтобы в нужный момент поднять в Серингапатаме восстание.

Не считая себя жестоким человеком, Типу не считал себя и мягким. Для правителя жестокость и милосердие всего лишь средства воздействия на подданных. Монарх, уклоняющийся от жестокости, не удержится на троне сколь-либо долго, а монарх, позабывший о милосердии, быстро возбудит к себе ненависть, так что Типу старался уравнивать одно другим. Не желая прослыть ни мягкотелым, ни тираном, он пользовался милосердием и жестокостью взвешенно и расчетливо, с учетом всех обстоятельств. Торговец-индус, признавшись в преступлении, умолял о пощаде, но султан знал – сейчас не время выказывать слабость. Пора проявить жестокость – чтобы улицы и переулки города содрогнулись от страха. Пора показать врагам, что у предательства только одна цена – смерть. Вот почему торговец-индус и соблазнившийся золотом солдат-мусульманин стояли сейчас на раскаленном песке во дворе Внутреннего дворца под охраной двух пользовавшихся особым расположением Типу джетти.

Эти джетти были индусами, посвятившими свою необыкновенную силу религии, которую они исповедовали. Типу находил это интересным. Некоторые индусы искали благочестия, отращивая до невероятной длины ногти и волосы, другие отказывали себе в пище, третьи отказались от всех земных удовольствий, но джетти видели свой путь в развитии мускулов и совершенствовании тела, и достигнутые ими результаты, надо признать, впечатляли. Типу мог не одобрять их религию, но тем не менее поддерживал их старания и, следуя примеру отца, держал у себя на службе дюжину особенно представительных силачей. Двое из них стояли сейчас под балконом, полуобнаженные, с намазанными маслом, блестящими загорелыми торсами. Шесть тигров, не получивших обычного полуденного угощения в виде свежей козлятины, вели себя беспокойно, посматривая по сторонам желтыми глазами.

После молитвы Типу вышел на балкон, развел резные ставни и пригласил приближенных стать свидетелями редкого спектакля. В этот день его гостями были полковник Гуден и генерал Аппа Рао. Обоих отозвали с городских укреплений, где они руководили последними приготовлениями к обороне от наступающих британцев: ремонтом оружейных лафетов, подносом боеприпасов, которые укладывали в углублениях стен для защиты от гаубичных снарядов, и установкой ракет на стрелковых ступенях. Типу и сам нередко выходил на крепостные стены, представляя, как его снаряды и ракеты косят шеренги наступающего противника, но сейчас ему предстояло не только совершить правосудие, но и насладиться редким зрелищем, а потому отказать себе в таком удовольствии султан не мог.

Он покарает изменников.

– Эти двое предали меня, – сообщил Типу полковнику Гудену. – К тому же один из них шпион. Как вы, полковник, поступаете с предателями у себя во Франции?

– Отсылаем их к мадам Гильотине, ваше величество.

Услышав перевод ответа, Типу усмехнулся. Одно время он и сам проявлял к гильотине большой интерес и подумывал о том, чтобы установить такую машину в городе. Его вообще увлекало все французское, и когда революция покончила с *ancien régime*², Типу принял близко к сердцу идеи Свободы, Равенства и Братства. Он установил в Серингапатаме Дерево Свободы, приказал своей страже носить красные революционные шапочки и даже отдал распоряжение развесить на городских стенах революционные воззвания. Впрочем, увлечение быстро прошло. Испугавшись, что подданные уж слишком проникнутся идеалами свободы или, что еще хуже, возжелают осуществить идеи равенства, он убрал Дерево Свободы и снял со стен воззвания, но при этом сохранил любовь к Франции. Проект с гильотиной остался неосуществленным, но не из-за недостатка средств, а скорее потому, что, как объяснил Гуден, сия машина была инструментом милосердия, призванного обрывать жизнь преступника так быстро, что сам злодей не успевал ничего почувствовать и даже понять, что его убивают. Хитроумная штука, да, признавал Типу, но уж слишком гуманная. Разве можно такой остановить человека, ступившего на тропу предательства?

– Этот человек, – султан указал на мусульманина, выдавшего тайну старого шлюза, – умрет первым, а потом тело его отдадут на съедение свиньям. Худшей кары для мусульманина я придумать не смог, и, поверьте, полковник, свиней он боится больше смерти. Второй будет брошен тиграм, а его кости перемелют в порошок и возвратят жене. Обоих ждет короткая смерть. Может быть, не такая короткая, как на вашей гильотине, но все же и не мучительная. – Он хлопнул в ладоши, и обоих закованных в цепи узников вытащили на середину двора.

Мусульманина заставили опуститься на колени. Полосатую тунику с него уже сорвали, так что теперь его наготу прикрывали только короткие свободные штаны. Повернув голову к стоящему на балконе Типу, наряженному в желтую шелковую тунику и украшенный драгоценными камнями тюрбан, несчастный молча поднял скованные руки, моля о пощаде. Гуден невольно напрягся. Ему уже приходилось видеть, как работают джетти, и знакомство с их методами не сулило ничего приятного.

Первый джетти установил на макушку жертвы гвоздь. Это был гвоздь из темно-серого чугуна, длиной в шесть дюймов, с плоской, диаметром в добрых три дюйма шляпкой. Придерживая гвоздь левой рукой, джетти повернулся к балкону. Осужденный, почувствовав прикосновение острия к коже, воззвал к милости владыки. Секунду-другую Типу слушал сбивчивые слова раскаяния, потом поднял руку с вытянутым пальцем. Он держал палец несколько секунд, и солдат ждал, затаив дыхание, но в тот момент, когда несчастный позволил себе открыть сердце для надежды на прощение, рука упала.

Джетти поднял правую руку ладонью вниз и глубоко вдохнул. На мгновение он замер, собираясь с силами, потом резко, неуловимым движением опустил руку, ударив ладонью по шляпке гвоздя. Удар сопровождался громким воплем, и столь велика была его сила, что гвоздь пробил кость черепа и вошел в мозг на всю свою длину, прижав широкой шляпкой черные волосы. Кровь брызнула во все стороны. Джетти отступил, указывая на едва виднеющийся гвоздь и словно призывая оценить, какая сила потребовалась для исполнения столь зрелищного трюка. Предатель был еще жив. Раскачиваясь, он что-то бормотал, вскрикивал, и кровь струилась по его лицу быстрыми ручейками. Потом вдруг тело его потрясли конвульсии, спина выгнулась, широко раскрытые глаза застыли, обратив взгляд на Типу, и несчастный упал.

² Старый режим (фр.). – прим. перев.

Члены его еще раз дернулись и замерли. Один из шести прикованных к стене тигров заворочался, почуяв кровь, и подался вперед, насколько позволяла цепь.

Типу и гости поаплодировали первому джетти, признавая его мастерство, затем султан указал на торговца-индуса. Это был крупный, толстый мужчина, и уже поэтому зрелище обещало немалый интерес.

Первый джетти, закончив выступление, принес от ворот табурет, поставил его посреди двора и усадил на него толстяка-торговца. Потом опустился на колени и, взяв жертву за запястья, прижал ее руки к выпирающему животу. При этом сам джетти пригнулся как можно ниже, чтобы султан видел казнь во всех деталях.

– Чтобы вогнать в голову гвоздь, требуется больше силы, чем вам может показаться, – заметил, обращаясь к Гудену, Типу.

– Ваше величество были столь добры, что уведомили меня об этом заранее, – сухо ответил француз.

Султан рассмеялся:

– Так вам не нравится, полковник?

– Изменников везде карают смертью, – последовал уклончивый ответ.

– Мне было бы приятно сознавать, что вы не просто наблюдали казнь предателя, но и получили удовольствие. Вы, конечно, оценили силу моих людей?

– Я восхищен ею.

– В таком случае я предоставляю вам возможность испытать это чувство снова, потому что в следующий раз от джетти потребуются еще большая сила. – С этими словами султан повернулся в сторону двора, где его приказания ожидал второй экзекутор.

Типу повторил ту же, что и в первом случае, процедуру, и, когда рука упала, несчастный торговец вскрикнул от страха и затрясся, как лист на ветру. Джетти осторожно, почти нежно, положил руки на голову жертвы так, что ладони накрыли уши. Пальцы задвигались, ища точку опоры под пухлыми щеками купца. Внезапно они напряглись, одутловатое лицо исказилось от боли, а из груди несчастного вырвался продолжительный вопль, вскоре перешедший в слабое повизгивание. Джетти глубоко вдохнул, замер, концентрируя всю свою силу, и издал крик, поднявший на ноги всех тигров.

Одновременно с криком джетти повернул голову жертвы. Он как будто сворачивал голову курице, только шея под этой головой была толстая и жирная. После первой же попытки глаза торговца смотрели за спину. После второй, сопровождавшейся глухим рыком, голова развернулась назад, и стоявший на балконе Гуден содрогнулся от ужаса – снизу донесся отчетливый хруст позвоночника. Джетти разжал руки и отпрыгнул в сторону, явно гордый проделанной работой, а мертвый торговец медленно сполз с табурета. Поаплодировав, Типу бросил вниз два небольших мешочка с золотом.

– Этого отнесите свиньям, – распорядился он, указывая на мусульманина. – А другого оставьте здесь. И отпустите тигров.

Балконные ставни закрылись. Откуда-то из глубины дворца, наверное из гарема, где жили шестсот жен, наложниц и служанок Типу, донеслись звуки арфы. Внизу, во дворе, смотрители, спустив тигров с цепи, подталкивали их длинными шестами. Султан улыбнулся гостям:

– А теперь на стены. У нас еще много дел.

Смотрители отпустили последнего тигра и вслед за джетти вышли за ворота. Мертвого солдата уволокли. Некоторое время звери рассматривали оставшееся на песке тело, потом один из них подошел к трупу и одним ударом громадной лапы расплосковал расплывшийся живот.

Так умер Рави Шехар. И так он был съеден.

* * *

Шарп вернулся в роту незадолго до заката. Солдаты, усматривавшие в его освобождении от наказания маленькую победу низших чинов над слепым авторитетом власти, восторженно приветствовали товарища. Рядовой Маллинсон даже похлопал его по спине, за что был вознагражден градом проклятий.

Шарп поужинал в обычной компании, к которой, как всегда, присоединились три жены его товарищей и Мэри. Ужин состоял из рагу с бобами, риса и соленой говядины, а к концу его, когда все уже приложились к фляге с араком, веселье испортило появление сержанта Хейксвилла.

– Рядовой Шарп! – Он ткнул в солдата бамбуковой палкой. – Ты мне нужен!

– Сержант. – Шарп кивнул, но подниматься не стал.

– На пару слов, рядовой. Встать!

Шарп остался на месте:

– Я освобожден от ротных нарядов. Приказ полковника.

Лицо Хейксвилла задергалось.

– Это касается не нарядов, рядовой, так что поднимайся и за мной.

Шарп послушно встал, слегка поморщившись, когда натянувшаяся ткань мундира коснулась спины, и последовал за сержантом к палатке врача. Зайдя за нее, Хейксвилл остановился, повернулся и снова ткнул солдата палкой в грудь:

– А теперь расскажи, как это тебе удалось?

Шарп не ответил. Нос у Хейксвилла распух и потемнел, в глазах мелькало беспокойство.

– Ты что, не слышал, парень? – Сержант снова пустил в ход палку, на сей раз целя Шарпу в живот. – Как вышло, что тебя сняли с треноги?

– А как вышло, что тебя сняли с виселицы?

– Не дерзи, парень. Не дерзи, а то, клянусь богом, окажешься там, где побывал. А теперь рассказывай, чего хотел генерал Харрис.

Шарп покачал головой:

– Хочешь узнать, сержант, спроси у генерала Харриса сам.

– Смирно! Молчать! – рявкнул Хейксвилл, опуская палку на ближайшую канатную растяжку. Потом, немного успокоившись, решил сменить тактику. – Вообще-то, Шарп, я тобой восхищаюсь. Не многие способны уйти своими ногами после двух сотен плетей. Сильным надо быть парнем. Я и не хотел, чтобы тебе дали больше. А теперь, Шарпи, расскажи, в чем дело. Это в твоих же интересах. Да ты и сам понимаешь. Ну, почему тебя сняли с треноги?

Шарп пожал плечами:

– Ты и сам знаешь, сержант. Полковник ясно объяснил.

– Нет, парень, не знаю. Ей-богу, не знаю. Ну же, выкладывай.

– Полковник сказал, что мы хорошо дрались. Это что-то вроде награды.

– Нет, черт бы тебя побрал! Нет! – закричал Хейксвилл и, отскочив в сторону, огрел солдата палкой по спине. Шарп вскрикнул от боли. – Тебя не за этим вызывали в палатку к генералу! Не за этим! Чушь! Я о таком за всю службу не слыхал. Говори, ублюдок! Признавайся!

Шарп повернулся к обидчику.

– Еще раз тронешь меня, Обадайт, – негромко проговорил он, – и я доложу генералу Харрису. Я сделаю так, что с тебя сорвут нашивки и понизят до рядового. Как тебе это понравится? Мы с тобой в одной шеренге? Я бы не прочь.

– Смирно!

– Закрой рот, сержант. – Разгадав, что Хейксвилл блефует, Шарп сразу почувствовал облегчение. Сержант, конечно, рассчитывал запугать его и заставить выложить правду, но теперь все карты были у Шарпа. – Как твой нос?

– Поосторожней, Шарпи. Поосторожней.

– Не беспокойся, сержант, я осторожен. Я очень осторожен. Ты закончил? – Не дожидаясь ответа, Шарп повернулся и пошел прочь.

В следующий раз при встрече с Хейксвиллом у него на рукаве будут такие же нашивки, и тогда... Тогда Обадаиэ останется уповать только на Бога.

Он поговорил с Мэри, потом забрал ранец, взял мушкет и сказал, что должен явиться к палатке казначея.

– Меня пока перевели на легкий режим, – объяснил Шарп товарищам, – так что буду стоять в карауле возле денег. Увидимся завтра.

Все остальное устроил генерал-майор Бэрд. Западный периметр лагеря охраняли люди, которым он мог доверять. Им велели не обращать внимания на происходящее, а что касается конных патрулей, то Бэрд обещал Лоуфорду не посылать их на следующий день в западном направлении, дабы они ненароком не обнаружили двух беглецов.

– Ваша задача – уйти сегодня от лагеря как можно дальше, – объяснил шотландец Лоуфорду и Шарпу, когда они встретились у линии западных пикетов. – Утром продолжите путь в том же направлении. Понятно?

– Так точно, сэр, – ответил Лоуфорд, под тяжелой накидкой которого скрывалась обычная солдатская форма: красный шерстяной мундир и белые бриджи.

Шарп убрал его волосы назад, заплел в косу вокруг кожаной подушечки, а потом обмазал жиром и посыпал мукой, так что теперь лейтенант ничем не отличался от простого солдата, если не считать чересчур нежных рук, которые, правда, были перепачканы чернилами. Лоуфорд недовольно поморщился, а когда Шарп принялся натирать на его шее полоски, которые должен был бы оставить жесткий воротник, запротестовал громче, но Бэрд подавил наметившийся бунт, приказав потерпеть. Облечившись в солдатскую форму, лейтенант в полной мере осознал, какой дискомфорт ежедневно испытывают его подчиненные. Отойдя от костров, он отбросил накидку, закинул за плечи ранец и взял мушкет.

Бэрд вынул из кармашка огромные часы и, откинув крышку, повернул циферблат к яркому полумесяцу:

– Одиннадцать. Вам пора, парни. – Генерал сунул в рот два пальца, издал пронзительный свист, и видимый в бледном свете луны пикет волшебным образом разошелся в стороны, оставив в периметре неохраемый зазор. Бэрд пожал руку Лоуфорду и потрепал по плечу Шарпа. – Как спина, рядовой?

– Чертовски больно, сэр.

Генерал обеспокоенно посмотрел на него:

– Но ты ведь справишься, верно?

– Я не слабак, сэр.

– Я так и не думал. – Бэрд еще раз похлопал его по плечу. – Идите, и да пребудет с вами Бог.

Две фигуры беззвучно пересекли открытую местность и исчезли в темноте. Проводив их взглядом, генерал немного постоял, потом свистнул еще раз и, убедившись, что линия пикета восстановилась в прежнем виде, повернулся и медленно побрел в лагерь.

– Сюда, Шарп, – сказал Лоуфорд, когда они удалились от пикетов. – Пойдем вон на ту звезду.

– Как те мудрецы, да, Билл?

Потребовалось некоторое усилие, чтобы назвать мистера Лоуфорда по имени, но так было нужно, и Шарп знал, что должен перебороть смущение. Успех предприятия, как и жизнь каждого из них, зависел от того, насколько правильно они все сделают.

Услышав свое имя, Лоуфорд остановился как вкопанный и недоверчиво уставился на Шарпа:

– Что? Как ты меня назвал?

– Я назвал тебя Биллом, – ответил Шарп, – потому что так тебя зовут. Ты теперь не офицер, а один из нас. Я Дик, ты Билл. И ни за какой чертовой звездой мы не пойдем. Пойдем вон на те деревья, понял? Видишь те три торчка?

– Рядовой! – возмущенно воскликнул Лоуфорд.

– Хватит! – рявкнул Шарп, поворачиваясь к лейтенанту. – Мое дело – позаботиться, чтобы ты, Билл, остался в живых, так что давай договоримся с самого начала. Ты теперь, черт возьми, рядовой, а не какой-то там хренов офицер. Ты сам на это пошел, не забыл? И мы дезертиры. Никаких званий, никаких «так точно, сэр» и «никак нет, сэр». Никаких джентльменов. Обещаю, что, когда мы вернемся в армию, я буду отдавать вам честь, пока рука не отвалится, но только потом. Только после того, как мы вернемся... если вернемся. А теперь пошли!

Обескураженный уверенностью и напором Шарпа, Лоуфорд покорно двинулся за ним, но через несколько шагов, взглянув на звезды, запротестовал:

– Но мы же идем на юго-запад!

– На запад повернем немного погодя, – ответил Шарп. – А сейчас давай избавимся от чертовых воротников. – Он сорвал и бросил в кусты свой. – Это первое, что делает каждый дезертир, сэр... – «Сэр» вырвалось по привычке, случайно, и Шарп мысленно обругал себя за невнимательность. – Теперь волосы... Надо, чтобы они выглядели растрепанными... Вот так. И бриджи... испачкай их чем-нибудь, а то у тебя такой вид, будто ты стоишь в карауле у Виндзорского замка. – Понаблюдав за тем, как Лоуфорд исполняет его требования, Шарп удовлетворенно кивнул. – Вот так-то лучше. А теперь скажи, Билл, ты давно к нам прибился?

Нельзя сказать, что Лоуфорду так уж понравилась внезапная перемена ролей, но он понимал, что Шарп прав.

– Прибился? Я не...

– Где тебя подобрали? Где рекрутировали? Где ты соблазнился королевским шиллингом?

– Я жил возле Портсмута.

– Не пойдет. Если бы ты жил возле Портсмута, тебя загребли бы на флот. Бывал когда-нибудь в Шеффилде?

– Упаси бог! – ужаснулся Лоуфорд.

– Хорошее место – Шеффилд. Там на Понд-стрит есть паб «Рыбка в пруду». Помнишь? Вербовщики оттуда не вылезают. Особенно по рыночным дням. Там ты и попался. Тебя подпоил какой-то вонючий сержант, а когда ты очухался, было уже поздно. Итак, сержант был из Тридцать третьего полка, а что он носил на штыке?

– На штыке? – Лоуфорд, тщетно пытавшийся распутать косичку, недоуменно нахмурился. – Надеюсь, ничего такого...

– Мы ведь Тридцать третий полк, Билл! Хаверкейкс! У него на штыке была овсяная лепешка! Вспомнил? Он пообещал, что через два года ты будешь офицером! Чертов ублюдок. Ладно... Чем ты занимался до того, как встретился с ним?

Лоуфорд пожал плечами:

– Был фермером?

– Нет, Билл, это не пройдет. Никто не поверит, что ты работал на земле. – Шарп покачал головой. – У тебя не крестьянские руки. Вот у генерала Бэрда руки подходящие. С такими руками можно целый день кидать сено и не устать. А у тебя... – Он ненадолго задумался. – Вот что, ты был клерком в конторе.

Лейтенант кивнул.

– Хорошо. А теперь пойдем, – сказал он, пытаясь удержать остатки быстро улетающего авторитета.

– Нет, подожди. Расскажи, почему ты сбежал?

Лоуфорд замялся:

– Ну, наверно, мне не понравилось.

– Не понравилось! Черт, ты же, разрази тебя гром, солдат! Армия не то место, которое должно нравиться! В армию идут не за удовольствием. Так, давай подумаем. Вот что, ты спер часы у капитана. Как, пойдет? Спер часы, тебя поймали... Ты посмотрел, как отделали меня, и решил, что не выдержишь порки. Мы с тобой вроде как приятели, вот и рванули вместе.

– Послушай, нам действительно надо идти!

– Минутку, сэр. – Шарп мысленно чертыхнулся – привычка к почтительности въелась глубоко. – Спина немного побаливает.

– Да-да, конечно, – сразу пошел на уступку Лоуфорд. – Но долго, Шарп, мы ждать не можем.

– Дик, сэр. Называйте меня Диком. Мы ведь приятели, не забыли?

– Разумеется. – Лоуфорд неловко опустился на землю рядом с устроившимся возле дерева Шарпом. Ему было не по себе. Он понимал, что должен как можно скорее освоиться в непривычной ситуации, но на это требовалось время. – А почему ты поступил на королевскую службу?

– Удирал от харманов.

– От харманов? Ах да, от констеблей. – Лоуфорд помолчал. Где-то в ночи пискнула попавшая в лапы хищника птица, издав далеко долетевший голос проверяющего патрули сержанта. Небо светилось, отражая пламя сотен разложенных на земле костров. – А что ты сделал?

– Убил человека. Всадил в него нож.

Лоуфорд изумленно посмотрел на своего спутника:

– Он... умер?

– Да, умер. Можешь считать меня убийцей, хотя тот ублюдок ничего другого и не заслуживал. Но судья в Йорке имел свое мнение, понимаешь? Он считал, что Дик Шарп должен болтаться на веревке, поэтому я и решил надеть красный мундир. Харманы не трогают человека, если на нем форма, если только он не пришил какого-нибудь дворянина.

Помявшись, Лоуфорд все же задал интересовавший его вопрос:

– А кем он был? Тот человек, которого ты убил?

– Держал постоянный двор. А я у него работал. У него там был каретный сарай, так что он знал, в каких каретах богатый багаж. Разуживал, кто что везет, давал мне наводку, а я должен был снять багаж на дороге. Ну и кое-что еще. – (Лоуфорду не хотелось углубляться в детали этого «кое-что еще», поэтому он промолчал.) – В общем, – продолжал Шарп, – та еще дрянь. Но порезал я его не из-за этого, а из-за девчонки, понимаешь? Мы с ним никак не могли договориться, кто будет согревать ее постельку. Потому и схватились. Он проиграл, я здесь, а где сейчас та девчонка, только одному богу известно. – Он рассмеялся.

– Мы теряем время, – напомнил Лоуфорд.

– Тихо! – бросил Шарп и, схватив мушкет, наставил его на кусты. – Это ты, девочка?

– Я, Ричард. – Из темноты, держа в руке узелок, выступила Мэри Биккерстафф. – Добрый вечер, мистер Лоуфорд, – робко пробормотала она.

– Называй его Биллом, – поправил ее Шарп, поднимаясь и беря на плечо мушкет. – Идем, Билл. И так уже много времени потеряли. Теперь нас трое, а мудрецы ведь всегда странствуют втроем, верно? Ищи свою чертову звезду – и вперед.

* * *

Шли всю ночь, ориентируясь на указанную Лоуфордом звезду. В одном месте лейтенант отвел спутника в сторону и, собрав остатки решимости, повелел отправить женщину домой:

– Это приказ, Шарп.

– Она не вернется.

– Но мы не можем взять с собой женщину! – возмутился Лоуфорд.

– Почему? Дезертиры всегда забирают с собой самое ценное, сэр. То есть Билл.

– Господи, солдат, если с ней что-то случится или мы заперем дело, я позабочусь о том, чтобы вы получили все, что недобрали вчера.

Шарп ухмыльнулся:

– Если мы и заперем дело, то не из-за меня, а потому, что тот, кто все это придумал, был полный дурак.

– Ерунда. – Лоуфорд зашагал вперед, и Шарпу ничего не оставалось, как последовать за ним. Мэри, понимая, что стычка произошла из-за нее, робко тащилась сзади. – План придумал генерал Бэрд, и мне он представляется вполне разумным. Мы попадаем в руки Типу, вступаем в его армию, находим Рави Шехара, а дальше он делает все сам. Только вот какую роль ты отводишь при этом миссис Биккерстафф?

– Любую, какую только она пожелает сыграть, – упрямо ответил Шарп.

Лейтенант понимал, что не должен уступать, что должен заставить Шарпа повиноваться, но чувствовал, что никогда не возьмет над ним верх. Может быть, не стоило брать с собой этого рядового, а пойти одному? С другой стороны, Лоуфорд с самого начала ясно представлял, что без помощи в таком предприятии не обойтись, а из всех солдат роты он постоянно выделял именно Шарпа. Выделял не потому, что тот отличался высоким ростом, а потому, что был самым смелым и сообразительным. И все-таки лейтенант оказался неготовым к тому, что солдат так быстро забрал себе бразды власти. Он ожидал от Шарпа благодарности и почтительности уже хотя бы потому, что был офицером, но все вышло по-другому, как если бы, запрягая смирную на вид лошадку, он вдруг обнаружил норовистого рысака. Мало того, этот рысак еще и повел за собой кобылку. Лоуфорда обижало, что Шарп так бессовестно воспользовался предоставленной ему свободой. Он еще раз посмотрел на рядового и лишь теперь заметил, какое у того бледное и напряженное лицо, – по-видимому, порка отняла у упряма куда больше сил, чем тот сам представлял.

– И все-таки я настаиваю, чтобы миссис Биккерстафф вернулась в армию, – проговорил он, смягчая тон.

– Она никуда не пойдет, – отрезал Шарп. – Объясни ему, Мэри.

– Пока жив Хейксвилл, мне покою не будет.

– За вами бы присмотрели, – ответил Лоуфорд, не вполне четко представляя, кто именно стал бы присматривать за вдовой.

– Кто? – спросила Мэри. – Ни один мужчина в армии не станет присматривать за женщиной просто так. Каждый назначает свою цену. Вы и сами знаете, сэр.

– Называй его Биллом! – рявкнул Шарп. – От этого может зависеть наша жизнь. Назовешь его «сэр», и нас скормят тиграм.

– И дело не в одном только Хейксвилле, – продолжала Мэри. – Сейчас на мне хочет жениться сержант Грин. Он, конечно, получше сержанта Хейксвилла, но я все равно за него не хочу. Я хочу быть с Ричардом.

– Вам виднее, – с горечью заметил Лоуфорд. – Боюсь только, что вы, как говорится, попали из огня в полымя.

– Мне не привыкать, – ответила Мэри, успевшая принять некоторые меры, уменьшавшие, на ее взгляд, шансы стать жертвой изнасилования. На ней было заношенное до дыр темное платье и грязный передник, волосы она вымазала сажей, но миловидное личико осталось нетронутым, странно контрастируя со всем остальным. – К тому же вы с Ричардом не знаете местных языков, так что без меня вам не обойтись. А еще я захватила с собой поесть. – Она показала на узелок.

Лоуфорд вздохнул. Небо у них за спиной уже начало светлеть, на горизонте проступили силуэты деревьев и кустов. По его расчетам, они прошли около двенадцати миль, и, когда бледное зарево стало ярче, а вершины холмов расцвели под первыми лучами, лейтенант предложил устроить привал. В узелке у Мэри обнаружилось с полдюжины плоских пресных лепешек и две фляги воды, что и составило их завтрак. Подкрепившись, Лоуфорд отошел справить нужду, а возвращаясь, стал свидетелем жуткой сцены: Шарп, размахнувшись, ударил Мэри по лицу.

– Эй, ты что делаешь? – закричал лейтенант, бросаясь на помощь женщине.

– Все в порядке, – остановила его Мэри. – Это я его попросила.

– Боже! – выдохнул лейтенант. Глаз распух, а по щеке у бедняжки катились слезы. – Зачем?

– Чтоб к ней не приставали всякие, – объяснил Шарп. – Ты как, милая?

– Переживу, – бодро ответила Мэри и с некоторой обидой добавила: – А ты меня сильно ударил, Ричард.

– Какой смысл бить слабо? Но я ведь не хотел делать больно.

Мэри побрызгала на глаз водой, и они тронулись в путь. Вокруг простиралась равнина, и лишь кое-где взгляд натывался на цветущую рощу. Деревень видно не было, но примерно через час «беглецы» вышли к заросшему сорной травой каналу и потратили еще час на поиски переправы. Закончилось все тем, что переходить пришлось вброд. Серингапатам лежал где-то там, за горизонтом, и Лоуфорд, зная лишь, что двигаться нужно почти строго на запад, решил взять немного к югу, чтобы выйти к реке Кавери, а уже потом подняться выше по течению.

Лейтенант пребывал в подавленном настроении. Накануне он с готовностью и, в общем-то, бездумно вызвался участвовать в опасном предприятии, и лишь потом до него стало постепенно доходить, в насколько рискованную авантюру они ввязались. К тому же ему было одиноко. Будучи лишь на два года старше Шарпа, он завидовал ему и Мэри и все еще переживал из-за того, что рядовой не выказывал должного почтения старшему по званию. Правда, чувство это Лоуфорд держал при себе, и не только потому, что боялся насмешек, но и потому, что неожиданно для себя обнаружил – почтительности со стороны рядового он предпочел бы его восхищение. Лейтенант хотел доказать, что ничем не уступает солдату, и это желание придавало ему сил в нелегком путешествии навстречу неизвестности.

Многое беспокоило и Шарпа. Ему нравился Лоуфорд, но он хорошо понимал, сколько потребуется усилий, чтобы уберечь лейтенанта от неприятностей. Парень быстро учился, но плохо знал жизнь, и это незнание другого мира могло его выдать. Что касается Типу, то он представлял собой неведомую опасность, и Шарп был готов сделать все, что только потребуют от него султан и его люди. Еще одним источником беспокойства и возможных проблем была Мэри. Он сам убедил женщину отправиться с ним, причем уговаривать ее особенно не пришлось, но удастся ли ему защитить ее, оградить от очевидных опасностей? И все же, несмотря на все тревоги и сомнения, Шарп находил удовольствие в обретенной свободе. В конце концов он сорвался с армейского поводка и не сомневался, что сумеет выбраться из любой передраги, если только Лоуфорд не совершит какую-нибудь глупую ошибку. Главное – выжить, а уж в своей способности воспользоваться ситуацией к собственной выгоде Шарп не сомневался ни на минуту. Правила везде одни, и правила эти просты: никому не доверяй, будь настороже, а если придет беда, то бей первым и бей сильно. До сих пор это срабатывало.

Сомнения одолевали и Мэри. Она убедила себя, что любит Шарпа, но ощущала его беспокойство и нервозность, и это наводило ее на мысль, что он, может быть, не так уж и любит ее. И все же лучше быть с ним, думала Мэри, чем в армии. И дело не только в домогательствах Грина и опасности со стороны Хейксвилла. Мэри, проведя всю жизнь в армии, инстинктивно ощущала, что мир способен предложить ей нечто большее. Она выросла в Калькутте, но, хотя мать ее и была индианкой, ни в армии, ни в Индии Мэри себя своей не чувствовала. В армии ее считали бибби, а для индийцев она была человеком со стороны, не принадлежащим ни к одной из их каст, а потому фактически чужой. Полукровка, обреченная на вечное недоверие, Мэри могла рассчитывать только на свою красоту, и пусть армия обеспечивала относительную безопасность, гарантированное будущее ей не предлагал никто. Впереди Мэри ожидала вереница мужей, сменяющих один другого по причине гибели в сражении или смерти от лихорадки, а затем, когда ее увядающая красота уже перестанет привлекать мужчин, одиночество и забота о детях. Как и Шарп, она искала выход, путь наверх, возможность пережить судьбу, но как это сделать – не знала и потому легко согласилась участвовать в экспедиции, предоставлявшей шанс пусть даже на время вырваться из тесной западни опостылевшей жизни.

Они поднялись на невысокий холм, откуда лейтенант, укрывшись за цветущими кустами, внимательно оглядел раскинувшийся впереди пейзаж. Слева, к югу, мелькнула лента реки, которой могла быть только Кавери.

– Нам туда, – сказал он, – но только деревни будем обходить.

Деревень было две и обе преграждали прямой путь к реке.

– Нас все равно увидят, – заметила Мэри. – Сельчане ничего не пропускают.

– Если мы не станем их трогать, то, может быть, и они не станут трогать нас?

– Давай вывернем мундиры, Билл, – предложил Шарп.

– Зачем?

– Мы ведь дезертиры, верно? А раз так, то давай вывернем мундиры и покажем, что мы не солдаты.

– Не думаю, что для местных это будет иметь какое-то значение, – усмехнулся Лоуфорд.

– К черту местных. Меня беспокоят солдаты Типу, – объяснил Шарп. – Увидят красное и начнут палить без предупреждения. – Он уже сбросил ремни и теперь, пытаясь от напряжения и боли, стаскивал с плеч мундир. Сквозь бинты и грязную рубашу проступили пятна крови.

Выворачивать мундир лейтенанту не хотелось – вывернутый мундир был знаком бесчестия. Делать это иногда заставляли смалодушничавшие в сражении батальоны, но сейчас предложение Шарпа показалось Лоуфорду разумным, и он скрепя сердце вывернул мундир серой изнанкой наружу.

– Может, и мушкеты брать не стоило?

– Оружие дезертиры никогда не выбрасывают, – ответил Шарп, затягивая пояс и беря в одну руку ранец, а в другую мушкет. – Готов?

– Сейчас, – отозвался лейтенант и, к изумлению спутников, опустился на колени, чтобы прочитать короткую молитву. – Вообще-то, я не часто молюсь, – признался он, поднимаясь, – но сегодня день особенный, и помощь свыше не помешала бы. – Лоуфорд понимал, что встреча с патрулями Типу уже не за горами.

Они взяли курс на юг, туда, где блестела под солнцем река. Все трое устали, а Шарп еще и ослабел от потери крови, но держались на нервной энергии в ожидании скорой развязки. Ближайшую деревню «дезертиры» обошли стороной, сопровождаемые бесстрастными взглядами коров с отвисшими складками кожи на коротких шеях, потом миновали рощу из деревьев какао. Солнце поднималось все выше. Пока им никто не встретился. Ближе к полудню тропу пересекла лань, а часом позже мимо пронеслась резвая группа возбужденных маленьких обезьян. В полдень разношерстная троица устроила короткий привал в тени бамбуковых деревьев, а потом продолжила путь под палящим солнцем. Еще через пару часов впереди показалась

река, и Лоуфорд предложил передохнуть на берегу. Глаз у Мэри потемнел и распух, придавая ей несколько гротескный вид, но она нисколько не печалилась, полагая, что получила в некотором смысле дополнительную защиту от посягательств.

– Я бы не против передохнуть, – признался Шарп. Боль была ужасная, и каждый шаг давался ему с трудом. – И еще надо смочить повязки.

– Смочить повязки?

– Так сказал ублюдок Миклуайт. Держать повязки влажными, иначе раны не заживут.

– Хорошо, смочим их в реке, – пообещал Лоуфорд.

Дойти до реки им было не суждено. Путники проходили под буками, когда позади прозвучал громкий крик, и Шарп, обернувшись, увидел группу приближающихся с запада всадников в полосатых тигровых туниках и высоких латунных шлемах. Они держали в руках пики и явно не собирались проезжать мимо. У Шарпа заколотилось сердце. Он вышел вперед, прикрыв собой спутников, и поднял руку, демонстрируя мирные намерения, но передний конник лишь усмехнулся в ответ и, прищпорив коня, опустил пику.

Шарп покачал головой и помахал рукой, но его миролюбивые жесты не возымели ни малейшего эффекта – он понял, что всадник намерен проткнуть ему живот.

– Сволочь! – крикнул Шарп и, отбросив ранец, схватил мушкет обеими руками, словно дубину.

Мэри завизжала.

– Нет! – завопил Лоуфорд, бросаясь вперед. – Нет!

Улан сделал выпад, но Шарп отбил пику стволом мушкета и, молниеносно перевернув ружье, прикладом ударил по голове коня. Животное заржало и встало на дыбы, сбросив всадника на землю. Остальные уланы рассмеялись. Мэри кричала им что-то на незнакомом Шарпу языке. Лоуфорд размахивал руками, но всадники, не обращая на него внимания, окружили Шарпа полукольцом. Он отбил одну пику и почти увернулся от другой, которая, пронзив мундир на уровне пояса, вошла в дерево. Улан, оставив пику в буке, отвернул коня, и Шарп оказался прищипленным к дереву. Он попытался освободиться, но сил не хватало. Еще один улан, прищпорив коня и нацелив пику солдату в глаз, понесся вперед. Мэри вскрикнула.

Острые пики замерло в дюйме от левого глаза Шарпа. Улан взглянул на Мэри, поморщился и что-то сказал.

Она ответила.

Улан, по-видимому офицер, задумчиво посмотрел на Шарпа, словно решая, убить его или пощадить, потом усмехнулся, наклонился и выдернул пику из бука.

Шарп грязно выругался и свалился на землю.

С десятка всадников окружили беглецов. Двое направили пики на Лоуфорда. Офицер спросил о чем-то Мэри, и она ответила, на взгляд лейтенанта, довольно дерзко. Шарпу, несколько раз безуспешно пытавшемуся подняться на ноги, казалось, что разговор продолжался очень долго. Уланы выглядели далеко не миролюбиво. Он обратил внимание на прекрасное состояние их оружия: на остриях ни следа ржавчины, древки отлично отполированы и смазаны маслом. После спора с офицером Мэри повернулась наконец к Лоуфорду:

– Он хочет знать, согласны ли вы служить в армии султана Типу.

Пики почти щекотали лейтенанту шею, действуя лучше любых аргументов самого хитрого вербовщика 33-го полка. Лоуфорд энергично закивал:

– Конечно! Именно этого мы и хотим! Вступить в армию султана! Мы оба! Да здравствует Типу!

Энтузиазм перевода не требует. Офицер улыбнулся и приказал своим людям убрать оружие.

Так Шарп вступил во вражескую армию.

Глава пятая

К тому времени, когда добрались до города, Шарп уже едва передвигал ноги. Уланы гнали трех пленников без передышки сначала на запад, потом повернули на юг, провели через брод и наконец доставили на остров, на котором расположился Серингапатам. Спина у Шарпа болела так, как будто ее обернули горячей простыней. Сам город лежал в миле к западу, но весь остров был окружен недавно возведенными земляными укреплениями, за которыми собрались тысячи беженцев. С собой беженцы приводили скот, выполняя распоряжение султана не оставлять медленно приближающимся британцам никакого продовольствия. В полумиле от городской стены была сооружена еще одна линия обороны, защищавшая глинобитные, крытые камышом бараки, в которых жили тысячи пехотинцев и кавалеристов Типу. Никто не бездельничал. Одни отрабатывали упражнения, другие укрепляли ограждение вокруг лагеря, третьи стреляли из мушкетов по расставленным вдоль каменной стены соломенным фигурам. Соломенные человечки были одеты в самодельные красные мундиры, и Лоуфорд с ужасом наблюдал, как пули опрокидывают мишени или вырывают из них клочья соломы. Здесь же, в лагере, жили семьи военных, и женщины с детьми с интересом рассматривали двух белых мужчин. Принимая их за пленных, одни злорадно ухмылялись, другие смеялись над шатающимся от боли британцем.

– Держись, Шарп, – подбадривал его Лоуфорд.

– Ради бога, называй меня Диком, – оборвал его Шарп.

– Держись, Дик, – повторил лейтенант, неприятно задетый тем, что его поправляет рядовой.

– Уже недалеко, – шепнула на ухо Мэри.

Она помогала Шарпу идти, хотя иногда, когда оскорбления подкреплялись угрозами, цеплялась за его руку. Впереди виднелись стены города, и Лоуфорд, глядя на них, обреченно подумал, что взять такие невозможно. Бастионы были побелены известкой и сияли на солнце, а из каждой амбразуры торчало дуло орудия. Над стенами шевелились под ленивым теплым ветерком стяги Типу, чуть дальше возвышались ослепительно-белые минареты недавно построенной мечети. Еще дальше, за минаретами, виднелась узорчатая башня индуистского храма, а к северу от него переливались в лучах солнца отшлифованные плиты дворца Типу. Город оказался намного больше и величественнее, чем ожидал Лоуфорд, а его оборонительные укрепления с сотнями орудий производили серьезное впечатление. Лейтенант рассчитывал увидеть глинобитную стену, однако, подойдя ближе, понял, что восточная стена выложена из массивных каменных блоков, расколоть которые вряд ли по силам самым крупным осадным орудиям. Кое-где в местах бывших разрушений виднелась кирпичная кладка, но откровенных слабостей лейтенант не обнаружил. Да, оборонительную систему города не успели перестроить по современному европейскому образцу со звездчатыми стенами, внешними фортами, неуклюжими бастионами и запутанными равелинами, но и в существующем виде город представлялся грозной крепостью. Напоминающие издавна неумолимых муравьев, тысячи работников, некоторые полностью обнаженные, таскали на спинах корзины с глиной для укрепления края бруствера, лежащего непосредственно перед побеленными стенами. Этот земляной бруствер, отделенный от стены глубоким рвом, который можно было при необходимости заполнить речной водой, предназначался для защиты от ядер. Лоуфорд утешал себя тем, что лорд Корнуоллис сумел-таки взять город приступом семь лет назад, но проводимые работы показывали, что Типу извлек из поражения урок, а значит, перед генералом Харрисом стоит задача куда более сложная.

Проведя пленников по низкому, гулкому туннелю у Бангалорских ворот, уланы погнали их дальше по вонючим, запутанным, узким улочкам. Пики пробивали путь в толпе, заставляли

расступаться пешеходов, откатывать в сторону тележки и повозки. Кавалеристы Типу отгоняли даже свободно разгуливающих по городу священных коров, хотя делали это осторожно, дабы не оскорбить религиозные чувства индусов. Они миновали мечеть и свернули на улицу, представлявшую собой сплошную цепь лавок и лотков, торгующих всевозможными тканями, одеждой, серебряными изделиями, украшениями из драгоценных камней, овощами, обувью и кожей. В одном переулке Лоуфорд краем глаза увидел, как двое перепачканных кровью мужчин разделяют верблюда, и его едва не вывернуло наизнанку. Голый мальчуган бросил в них окровавленный верблюжий хвост, и вскоре уже целая толпа детишек бежала следом за уланами, выкрикивая что-то в адрес белых и забрасывая их коровьими лепешками. Шарп сыпал проклятиями. Лоуфорд пригнулся пониже, вбирая голову в плечи. Малолетние преследователи отстали, только когда их отогнали два европейца в синих мундирах.

– Prisonniers? – бодро спросил один из них.

– Non, monsieur, – ответил Лоуфорд на школьном французском. – Nous sommes déserteurs.

– C'est bon. – Второй из мужчин бросил ему манго. – La femme aussi?

– La femme est notre prisonnière³, – попытался пошутить Лоуфорд и был вознагражден смехом и прощальным *bonne chance*⁴.

– Знаешь французский? – спросил Шарп.

– Немного, – скромно ответил лейтенант. – Совсем немного.

– Забавно, – пробормотал рядовой, и Лоуфорд испытал тайное удовольствие оттого, что сумел наконец произвести впечатление на спутника. – Только вот не так-то много солдат умеют трепаться по-лягушачьи, – добавил Шарп, – так что постарайся больше не высовываться. Разговаривай-ка на английском.

– Я и не собирался высовываться, – грустно ответил Лоуфорд, рассматривая манго с видом человека, никогда раньше не видевшего ничего подобного. Голод призывал впиться зубами в сочную, сладкую мякоть, но воспитание победило, и он галантно протянул плод Мэри.

Уланы свернули под изящную арку, по обе стороны которой стояли часовые. Во дворе всадники спешили и повели коней по узкому проходу между высокими кирпичными стенами. Шарп, Локфорд и Мэри остались одни – часовые не обращали на них внимания, хотя и отгоняли наиболее любопытных из горожан, собравшихся у ворот, чтобы поглазеть на европейцев. Шарп опустился на землю и закрыл глаза, пытаясь позабыть о боли в спине, но тут вернувшийся командир жестом приказал им следовать за ним. Они прошли еще под одной аркой, потом под аркадой с обвитыми цветами колоннами и попали в караульное помещение. Офицер сказал что-то Мэри и запер дверь.

– Говорит, что придется подождать.

Еще раньше уланы забрали у мужчин мундиры и оружие и тщательно ощупали одежду, но Мэри обыскивать не стали. Женщина достала откуда-то из складок юбки маленький складной ножичек и разделила манго на три доли. Лоуфорд съел свою порцию и вытер с подбородка сладкий сок.

– Раздобыл отмычку, Шарп? – спросил он и, заметив гримасу солдата, покраснел и поправился: – То есть Дик.

– А ее и раздобывать не пришлось. Она у меня и тогда уже была. А сейчас у Мэри. Ей и гинея досталась.

– Хочешь сказать, ты солгал генералу Бэрду? – строго спросил Лоуфорд.

– Конечно! А как иначе? – недовольно бросил в ответ Шарп. – Какой дурак признается, что у него есть отмычка!

³ – Пленные? – Нет, месье. Мы дезертиры. – Это хорошо. Женщина тоже? – Женщина наша пленница (*фр.*). – Прим. ред.

⁴ Удачи (*фр.*). – Прим. ред.

Лоуфорд покраснел от злости и уже открыл было рот, чтобы выговорить Шарпу за обман, но, подумав, сдержался и лишь укоризненно покачал головой. Потом он сел, прислонившись спиной к голой каменной стене. Шарп растянулся на зеленых плитах, которыми был выложен пол, и через несколько минут уснул. Мэри устроилась рядом, время от времени поглаживая его по волосам. Смущенный столь откровенным проявлением чувств, Лоуфорд отвернулся. Он понимал, что должен поговорить с Мэри, но боялся разбудить Шарпа, которому требовался отдых. Где-то в глубине дворца мягко журчал фонтан, однажды из конюшен долетел громкий цокот копыт, но в общем в комнате было тихо. И прохладно.

Шарп проснулся, когда уже стемнело. Боль в спине, по-видимому, напомнила о себе, потому что он застонал, и Мэри тут же приложила руку к его губам.

– Который час? – спросил солдат.

– Уже поздно.

– Боже... – пробормотал Шарп и, стиснув зубы, чтобы не застонать, сел и попытался прислониться к стене. За маленьким зарешеченным окошком появился месяц, и в его жидком свете Мэри увидела расплзающиеся по рубашке своего жениха пятна. – Про нас забыли?

– Нет. Пока ты спал, принесли воды. Вот, возьми. – Мэри пододвинула ему кувшин. – И дали ведро. Для... – Она смущенно замолчала.

– Да понял я для чего, – потянув носом, проворчал Шарп и, подтянув кувшин, сделал пару глотков. В нескольких шагах от него спал Лоуфорд, рядом с которым лежала на полу маленькая раскрытая книжка. Шарп скорчил гримасу. – Хорошо, что наш барчук захватил хоть что-то полезное.

– Ты об этом? – Лейтенант, как оказалось, вовсе и не спал.

Шарп уже пожалел о своих словах, но как загладить вину – не знал, а потому, замаявшись, спросил:

– А что это?

– Библия.

– Черт...

– А ты имеешь что-то против? – холодно поинтересовался Лоуфорд.

– Меня этой ерундой в приюте досыта накормили. Когда ее нам не читали, то били ею по голове. И Библия там была не маленькая, как эта, а здоровущая и толстенная. Наверно, и быка бы оглушила.

– Вас учили читать?

– Для чтения мы были недостаточно хороши. Сучить пеньку – другое дело, на это мы годились, а чтение – не про нас. Нет, не учили. Нам ее читали перед завтраком. Одно и то же каждое утро: холодная овсянка, кружка воды и много-много Авраама и Исаака.

– То есть читать ты не умеешь?

– Конечно не умею! – презрительно усмехнулся Шарп. – А на кой мне это сдалось? Какой толк от чтения?

– Не будь дураком, Дик, – стараясь не терять терпения, сказал Лоуфорд. – Только глупец гордится тем, чего не знает, и притворяется, что то, чего он не умеет, гроша ломаного не стоит. – Он едва не уступил соблазну произнести панегирик чтению: как оно раздвигает горизонты и открывает новый мир, мир драмы, поэзии и вечной мудрости, но в последний момент пересилил себя. – Ты ведь хочешь получить сержантские нашивки?

– Чтобы стать сержантом, уметь читать необязательно, – пробурчал Шарп.

– Нет, но неграмотный сержант вряд ли станет хорошим сержантом. Тебя все будут обманывать, начиная с ротного писаря и квартирмейстера, а ты не сможешь даже рапорт составить. А вот грамотный сержант сразу определит, когда его попытаются провести.

Последовало долгое молчание. Во дворце прозвучало эхо чых-то шагов, а вслед за этим раздался звук столь знакомый, что у Лоуфорда на глаза навернулись слезы. Били часы. Двенадцать ударов. Полночь.

– А это трудно? – спросил наконец Шарп.

– Что? Научиться читать? Не очень.

– Тогда... может быть, вы с Мэри научили бы меня, а, Билл?

– Да, – согласился Лоуфорд, – может быть.

* * *

Утром их вывели из караульного помещения. В сопровождении четырех солдат в полосатых туниках пленники миновали аркаду, прошли по узкому коридору, соседствовавшему, судя по запахам, с кухней, потом долго петляли по сумрачным конюшням и кладовым, пока не достигли двойных ворот, за которыми открылся большой, залитый слепяще-ярким светом двор. Шарп невольно закрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что именно ожидало их здесь, и выругался. Шесть тигров, шесть громадных хищников с желтыми глазами и оскаленными грязными зубами. Какое-то время звери смотрели на людей, потом один из тигров лениво поднялся, выгнул спину, встряхнулся и медленно направился в их сторону.

– Господи! – охнул Шарп, но тут поднявшаяся из пыли тяжелая цепь звякнула и натянулась, остановив зверя, который, поняв, что завтрака не видать, глухо заворчал и вернулся в тень.

Другой тигр почесался. Третий зевнул.

– Вы только посмотрите, какие они здоровущие, эти твари! – прокомментировал Шарп.

– Всего лишь большие кошки, – с напускным безразличием заметил Лоуфорд.

– Так пойди и попробуй почесать их за ушками – может, замурлычат, – предложил Шарп. – Отвали, ты. – Это было адресовано уже второму зверю, тоже испытывшему цепь на прочность. – Чтобы накормить такого, нужна большая мышка.

– Тигры вас не достанут, – раздался у них за спиной голос, говоривший по-английски с легким акцентом. – Если только зрители не спустят их с цепи. Доброе утро. – Шарп повернулся. Во двор только что вошел высокий, среднего возраста мужчина с темными усами, европейской внешности и в синей французской форме. – Я – полковник Гуден, а кто вы?

Секунду-другую все молчали, потом Лоуфорд вытянулся перед офицером:

– Уильям Лоуфорд, сэр.

– Его зовут Билл, – сказал Шарп. – А меня Дик. Женщина моя. – Он обнял Мэри за плечи.

Взглянув на Мэри и заметив синяк под глазом и грязное платье, Гуден поморщился:

– У вас есть имя... мадемуазель? – Более подходящего обращения он не нашел.

– Мэри, сэр. – Молодая женщина изобразила что-то вроде реверанса, и полковник в ответ любезно наклонил голову.

– А вы? – Француз перевел взгляд на Шарпа.

– Шарп, сэр. Дик Шарп.

– И вы дезертиры? – с едва скрываемой неприязнью спросил полковник.

– Так точно, сэр.

– Не уверен, что дезертирам можно доверять, – негромко произнес Гуден. Его сопровождал коренастый французский сержант, то и дело нервно поглядывавший на тигров. – Тот, кто изменил одной стране, способен предать и другую.

– Для измены может быть веская причина, сэр, – возразил Шарп.

– И какая же причина у вас?

Вместо ответа Шарп повернулся к полковнику спиной, чтобы тот увидел пятна крови:

– Как по-вашему, сэр, эта причина веская?

Полковник поежился:

– Не понимаю, как могут британцы столь жестоко поступать со своими солдатами. Варварство. – Он раздраженно отмахнулся от жужжащих у лица мух. – Чистейшее варварство.

– Разве во французской армии солдат не порют?

– Конечно нет, – с оттенком высокомерия ответил Гуден и, коснувшись плеча британца, еще раз повернул его спиной к себе. – Когда это с вами случилось?

– Пару дней назад, сэр.

– Вы меняли повязки?

– Никак нет, сэр. Только смачивали.

– Нужно что-то сделать, иначе вы и недели не протянете. – Полковник обернулся к сержанту, что-то сказал ему, и тот, кивнув, поспешил прочь со двора. Гуден снова посмотрел на Шарпа. – И чем вы заслужили такое наказание, рядовой?

– Ничем, сэр.

– А кроме того? – устало, как человек, слышавший все мыслимые и немыслимые причины, спросил француз.

– Ударил сержанта, сэр.

– А вы? – Полковник взглянул на Лоуфорда. – Вы почему сбежали?

– Меня тоже собирались выпороть, сэр. – Ложь давалась лейтенанту трудно, он нервничал, и Гуден почувствовал эту нервозность.

– И тоже ни за что?

– За кражу часов, сэр. – Лоуфорд покраснел. – Я их действительно украл. – Он говорил так, как привык, не пытаясь скрыть выдающий образование акцент. Другое дело, достаточно ли полковник знал английский, чтобы различать нюансы.

– Как, вы сказали, ваше имя? – спросил француз, явно заинтересовавшийся вторым дезертиром.

– Лоуфорд, сэр.

Гуден внимательно посмотрел на него. Наблюдая за высоким, сухощавым французом с мрачным, усталым лицом и проницательными добрыми глазами, Шарп пришел к выводу, что перед ним джентльмен, настоящий офицер. Такой же, как Лоуфорд, и, может быть, вся проблема как раз в этом. Казалось, Гуден видел лейтенанта насквозь.

– На мой взгляд, вы не очень-то похожи на типичного британского солдата, – словно откликаясь на страхи Шарпа, заметил полковник. – У нас, во Франции, каждый человек обязан служить своей стране, но в Британии, если не ошибаюсь, армию составляют из уличного сброда, не так ли? Отбросов общества?

– Вроде меня, – вставил Шарп.

– Молчать. Я не к вам обращаюсь, – с неожиданной резкостью оборвал его Гуден и, взяв Лоуфорда за руку, молча осмотрел мягкие, без малейших признаков мозолей, пальцы. – Как же это вы попали в армию?

– Отец объявил себя банкротом и попал в долговую тюрьму, – ответил лейтенант, вступая на опасную дорожку лжи.

– Но сыну банкрота ничто не мешает найти себе достойное занятие, не правда ли? Занятие куда более достойное, чем служба в британской армии. Или я не прав?

– Я напился, сэр, – тихо, с несчастным видом ответил лейтенант. – И попался вербовщику. – Явное смущение непривычного ко лжи Лоуфорда француз интерпретировал на свой лад. – Дело было в пабе, сэр, в Шеффилде. «Рыбка в котле». На Понд-лейн, сэр. В рыночный день. – Он прикусил язык, поняв вдруг, что понятия не имеет, какой день недели рыночный.

– В Шеффилде? Это там, где много заводов? И где делают – как это? – да, столовую посуду! Но вы и на рабочего не походите.

– Я был в учениках у стряпчего, сэр. – Лоуфорд безнадежно покраснел. Он перепутал название паба и, хотя француз вряд ли бывал в Шеффилде, а потому не мог уличить его во лжи, не сомневался, что Гуден просто смеется над ним.

– Кем вы служили в армии?

– Ротным писарем, сэр.

Француз улыбнулся:

– Я не вижу на ваших бриджах ни единого чернильного пятнышка. Наши писари без этого не обходятся.

В какой-то момент Шарп испугался, что Лоуфорд не выдержит, откажется от притворства и выложит французам все начистоту, но лейтенанта вдруг посетило озарение.

– Я, когда пишу, надеваю передник, сэр. У нас за грязную форму строгое наказание.

Гуден рассмеялся. По правде говоря, он ни на секунду не усомнился в правдивости Лоуфорда, объяснив его смущение стыдом за отцовское банкротство. Француз было даже жаль высокого, светловолосого, утонченного молодого англичанина, попавшего в армию явно по несчастному стечению обстоятельств.

– Значит, вы писарь, да? Наверное, приходилось иметь дело с документами?

– Так точно, сэр.

– Тогда вы должны знать, сколько пушек у идущей сюда британской армии? Сколько снарядов?

Лейтенант оцепенел от ужаса. Несколько секунд он пребывал в полупарализованном состоянии, потом пробормотал, что никогда не видел такого рода бумаг.

– Я ведь занимался только ротными документами, сэр. Списками на довольствие, расписанием караулов и все такое.

– До черта, – вмешался Шарп. – Прошу прощения, сэр. Тысячи.

– Тысячи чего?

– Волон, сэр. По шесть скотин на орудие, а есть такие, что и по восемь. А уж ядер и не сосчитать, сэр. Тысячи.

– Сколько тысяч? Две? Три?

– Больше, сэр, намного больше. Такого стада я еще в жизни не видел. Даже когда шотландцы гнали коров в Лондон.

Гуден пожал плечами. Он сильно сомневался, что эти двое могут сообщить что-то полезное, что-то такое, чего еще не разузнали разведчики Типу, но в отношении дезертиров существовал установленный порядок, которого следовало придерживаться. Отмахнувшись от мух, полковник сообщил дезертирам то, что они, наверно, надеялись услышать:

– Его величество султан Типу решит вашу судьбу, и если проявит милосердие, то примет на службу в свое войско. Полагаю, вы согласны?

– Так точно, сэр, – бодро подтвердил Шарп. – За этим и пришли, сэр.

– Хорошо. Возможно, Типу пожелает включить вас в один из своих кушунов. Этим словом у них обозначается полк. Солдаты у султана отличные, все прекрасно обучены, так что вас примут с удовольствием, но есть одно небольшое затруднение. Вам обоим предстоит пройти обряд обрезания.

Лоуфорд побледнел, а Шарп лишь пожал плечами:

– А что тут плохого, сэр?

– Вы знаете, рядовой, что такое обрезание?

– Нет, сэр. Наверно, что-то вроде присяги?

Гуден улыбнулся:

– Не совсем, Шарп. Типу – мусульманин, и, когда иностранцы вступают в его армию, он требует от них принятия его религии. А это означает, что мусульманский священнослужитель

обрежет каждому из вас крайнюю плоть. Дело быстрое, все равно что срезать верхушку сваренного всмятку яйца.

– Крайнюю плоть? – недоверчиво переспросил Шарп. – Это как? Оттяпать мне конец?

– Только кусочек кожи. И вся операция займет считанные секунды, – успокоил его Гуден. – Хотя иногда кровотечение продолжается достаточно долго, и тогда вы... как бы это выразиться... – Он взглянул на Мэри и снова посмотрел на Шарпа. – Тогда сварить яйцо вкрутую уже не получится неделю, а то и больше.

– Чертовщина! – возмутился Шарп. – И это ради религии? Они такое делают ради религии?

– Мы, христиане, опрыскиваем новорожденного водой, а мусульмане обрезают крайнюю плоть. – Француз помолчал, потом улыбнулся. – Я, однако, придерживаюсь того мнения, что человек с кровоточащим членом не может быть хорошим солдатом, а так как британская армия подойдет через несколько дней, то я попрошу его величество определить вас под мое начало. Нас здесь немного, но мусульман среди нас нет, так что ваша скорлупа останется в целости и неприкосновенности.

– Вот это правильно, сэр, – повеселел Шарп. – А для нас, сэр, будет честью служить вам.

– Во французском батальоне? – поддразнил его полковник.

– Лишь бы не пороли розгами да не обрезали эту... плоть.

– Но это только в том случае, – предупредил Гуден, – если Типу позволит, а он может и не позволить. Хотя я полагаю, что султан возражать не станет. В батальоне есть и другие британцы, а также немцы и швейцарцы. Уверен, вам понравится. – Он посмотрел на Мэри. – А вот что делать с вами, мадемуазель?

Мэри тронула Шарпа за плечо:

– Я пришла с Ричардом, сэр.

Полковник медленно кивнул:

– А что у вас с глазом, мадемуазель? Как это случилось?

– Я упала, сэр.

По губам французского солдата скользнула улыбка.

– А может, вас ударил рядовой Шарп? Чтобы вы не смущали других мужчин?

– Я упала, сэр.

Полковник кивнул:

– Вы сильно бьете, рядовой.

– А по-другому не имеет смысла, сэр.

– Верно, – согласился Гуден и, пожав плечами, добавил: – У моих мужчин тоже есть женщины. Если его величество не будет против, я не вижу причин, почему вам нельзя остаться вместе. – Он повернулся навстречу сержанту, вернувшемуся в сопровождении пожилого индийца, несшего в руке прикрытую белой тряпицей корзиночку. – Это доктор Венкатеш, и, уверяю вас, он нисколько не уступает лучшим врачам Парижа. Думаю, рядовой Шарп, вам придется потерпеть, пока снимут повязки, – будет больно.

– Надеюсь, сэр, не так больно, как при обрезании.

Гуден рассмеялся:

– И все-таки вам лучше сесть.

Боль была жуткая. Батальонный врач мистер Миклуайт смазал рубцы на спине Шарпа, но какой армейский лекарь станет тратить драгоценный бальзам на простого солдата? В результате ткань присохла к ранам, бинты слиплись, и каждая попытка снять их приводила к тому, что вместе с повязками доктор сдирает и начавшую было подсыхать коросту. Тем не менее дело понемногу продвигалось, индеец работал очень осторожно и, снимая с оголенной плоти окровавленный панцирь, нашептывал на ухо солдату что-то непонятное, но успокаивающее. Тем не

менее несколько раз с губ Шарпа срывались стоны. Почуввав запах крови, тигры заволновались, поднялись, зазвенели цепями.

Индийский доктор ясно и однозначно выразил свое неодобрительное отношение как к повреждениям, так и к лечению. Он покчал языком, бормотал, приговаривал и качал головой, а срезав костяными ножницами последний слой бинтов, полил спину какой-то жидкой мазью, одно лишь прохладное прикосновение которой оказало восхитительно освежающий эффект. Шарп облегченно вздохнул, и в этот момент врач вдруг отскочил от него, сложил перед собой руки и низко поклонился.

Повернув голову, Шарп увидел группу входящих во двор индийцев. Первым шел невысокого роста пухлый мужчина лет пятидесяти, с круглым лицом и аккуратно подстриженными черными усами. Он был в белой шелковой тунике, белых шароварах и черных кожаных сапогах, но эту незатейливую одежду украшали настоящие драгоценности: рубины на тюрбане, усеянные алмазами браслеты на руках, жемчужины на голубом шелковом поясе, с которого свисали обсыпанные сапфирами ножны. Позолоченная рукоять покоившегося в них меча напоминала оскаленную морду тигра. Доктор Венкатеш, все еще склонясь в поклоне, поспешно отступил в сторону, а полковник Гуден почтительно вытянулся.

– Типу! – шепотом предупредил полковник, и Шарп, поднявшись на ноги, как и француз, вытянулся по стойке смирно.

Султан остановился в полудюжине шагов от Шарпа и Лоуфорда и, понаблюдав за ними несколько мгновений, сказал что-то переводчику.

– Повернитесь, – велел переводчик.

Шарп покорно повернулся спиной к Типу, который, увидев открытые раны, подошел ближе. В какой-то момент Шарп ощутил кожей его дыхание, уловил исходящий от султана слабый аромат, а затем почувствовал легкое, словно шаг паука, прикосновение – Типу дотронулся пальцем до свисающего ошметка плоти.

Внезапно острая, как от удара раскаленной кочергой, боль пронзила Шарпа. Он едва не вскрикнул, но все же сдержался и только вздрогнул и напрягся. Желая проверить реакцию солдата, Типу ткнул в рану острием кинжала. Когда Шарп, подчиняясь приказу, повернулся, султан посмотрел ему в глаза, отыскивая в них предательский блеск слез. Слезы действительно набухали на ресницах, но на щеки так и не пролились.

Типу одобрительно кивнул и отступил.

– Расскажите мне о них, – обратился он к Гудену.

– Обычные дезертиры, – ответил француз через переводчика. – Этот, – он указал на Шарпа, – хороший солдат, находка для любой армии. Второй – простой писарь.

Услышав пренебрежительный отзыв о себе, Лоуфорд постарался сохранить равнодушное выражение лица. Типу коротко взглянул на него и, не заметив ничего интересного, посмотрел на Мэри:

– Женщина?

– Она с высоким.

Почувствовав на себе пристальный взгляд султана, Мэри, которая до этого сутулилась и всячески выставляла напоказ свое рваное платье и подбитый глаз, засуетилась и даже попыталась изобразить подобие реверанса. В глазах Типу мелькнуло что-то вроде удивления, но вопрос, заданный им Гудену, касался не ее.

– Что им известно о планах британцев?

– Ничего.

– Это они говорят, что ничего, – поправил полковника султан. – По-вашему, они не шпионы?

Француз пожал плечами:

– Этого вам никто не скажет. Думаю, нет.

– Попробуем выяснить, – усмехнулся Типу. – А заодно определим, что они за солдаты. – Он жестом подозвал адъютанта и негромко отдал какой-то приказ.

Адъютант поклонился и выбежал со двора.

Через минуту он вернулся с двумя охотничьими мушкетами. Эти длинноствольные ружья были не похожи на то, с чем Шарпу приходилось иметь дело раньше, ложа их украшали драгоценные камни и инкрустации из слоновой кости. Типу лично проверил, на месте ли кремль, после чего передал одно ружье Лоуфорду, другое Шарпу. Адъютант поставил на землю чашку с порохом и положил две пули, сделанные, как показалось Шарпу, из чистого серебра.

– Заряжайте, – велел переводчик.

Очевидно, Типу хотел проверить, насколько умелы его пленники в обращении с оружием.

Пока Лоуфорд раздумывал, Шарп наклонился и взял щепотку пороха. Порох был удивительно мелкий и чистый, как пудра, и разлетался даже от небольшого ветерка, но чужое ведь не берегут. Засыпав нужную долю в ствол, Шарп вставил пулю и вытащил шомпол. Пыжами их не обеспечили, и он решил, что, очевидно, в том нет необходимости. Закончив операцию, Шарп встал по стойке смирно:

– Сэр!

Лоуфорд все еще засыпал порох в ствол мушкета. Разумеется, лейтенант умел заряжать мушкет, но, будучи офицером, делал это крайне редко, а потому и не имел необходимой практики. На охоте нужды в спешке не возникало, а в армии пистолеты заряжал слуга. В результате теперь он демонстрировал постыдную медлительность.

– Этот был писарем, – объяснил Гудену Шарп и, поднеся руку к губам, слизнул с пальцев остатки пороха. – Ему и стрелять-то не приходилось.

Переводчик перевел эти слова султану, который терпеливо ждал, когда Лоуфорд выполнит простую операцию. Медлительность британца поначалу удивила как Типу, так и его приближенных, но объяснение Шарпа, похоже, показалось им убедительным.

– Что ж, заряжать ты умеешь, – проговорил султан, когда Лоуфорд вытянулся по стойке смирно, – но умеешь ли стрелять?

– Так точно, сэр, – отвечал через переводчика Шарп.

Типу вытянул руку и дотронулся до его плеча:

– Тогда застрели его.

Шарп и Лоуфорд одновременно обернулись и увидели, как во двор вводят пожилого британского офицера. Бледный, он с трудом ковылял по двору, шурясь от бьющего в глаза яркого солнца. Остановившись, британец опустил скованные руки, поднял голову и... узнал Лоуфорда. На мгновение в глазах его мелькнуло выражение недоверия, но уже в следующую секунду он, сделав над собой усилие, скрыл все чувства за маской безразличия. Седоволосый, в клетчатом шотландском килте и красном мундире с пятнами от сырости и грязи, человек этот мог быть только полковником Маккандлессом, о чем и подумал Шарп, оправившись от потрясения, вызванного видом растрепанного и униженного британского офицера.

– Ты не должен стрелять... – начал Лоуфорд.

– Заткнись, Билл, – отрезал Шарп и, подняв мушкет к плечу, прицелился в шотландца.

– Подожди! – крикнул Гуден и, повернувшись к Типу, что-то быстро ему сказал.

Султан рассмеялся, покачал головой и через переводчика спросил Шарпа, что он думает о британских офицерах.

– Дерьмо, сэр, – громко, чтобы слышал полковник Маккандлесс, ответил солдат. – Мерзавцы. Все до единого. Думают, что если у них завелось немного денег, то они лучше всех. Да среди них нет ни одного, кто побил бы меня в честной драке.

– Ты готов застрелить этого? – спросил переводчик.

– Я бы даже приплатил за такую возможность, – с мстительным выражением ответил Шарп. Лоуфорд зашипел у него за спиной, но Шарп сделал вид, что ничего не слышит. – Да, приплатил бы, – повторил он.

– Его величество желает, чтобы ты убил этого офицера, – сказал переводчик. – Снес ему голову. Подойди поближе.

– С удовольствием. – Шарп взвел курок и подошел к человеку, которого его послали спасать. Остановившись в двух шагах от полковника, он посмотрел на него с нескрываемым презрением. – Заносчивый ублюдок. – Шарп взглянул на двух стражей, все еще стоявших по обе стороны от пленного шотландца. – А вы, дурачье, отойдите, если не хотите, чтобы вас забрызгало кровью.

Стражники остались на месте, и он понял, что ни один из них английского не понимает. Прятавшийся в тени ворот доктор Венкатеш в ужасе покачал головой.

Шарп поднял мушкет, дуло которого смотрело на Маккандлесса с расстояния не более шести дюймов.

– Хотите передать что-то генералу Харрису? – тихо спросил он.

Если полковник и удивился, то этого никто не заметил. Он лишь взглянул искоса на Лоуфорда и, посмотрев на Шарпа, плюнул в его сторону.

– Не атаковать с запада, – едва слышно пробормотал шотландец. – Только не с запада. – И, повысив голос, добавил: – Да простит тебя Бог.

– Пошел ты со своим Богом!

Шарп спустил курок. Кремень вышиб искру, однако выстрела не последовало. В момент щелчка Маккандлесс вздрогнул, но уже в следующую секунду напрягшиеся черты расслабились, а с губ сорвался вздох облегчения. Помедлив, как будто в растерянности, Шарп сделал шаг вперед и двинул полковника стволом в живот. Со стороны это выглядело устрашающе, но на самом деле солдат остановил мушкет в самый последний момент. Тем не менее Маккандлесс захрипел, согнулся, хватая воздух открытым ртом, а Шарп вскинул ружье, чтобы опустить на седую голову пленника украшенный драгоценными камнями приклад.

– Отставить! – крикнул Гуден.

Шарп замер с поднятым оружием и повернулся:

– Вы же хотели, чтобы я прикончил ублюдка.

Типу рассмеялся:

– Он еще нужен нам живым. Но ты выдержал испытание.

Султан заговорил о чем-то с Гуденом, и Шарп решил, что они обсуждают его судьбу. Только бы не попасть в войско Типу, думал он. Только бы избежать болезненного обряда посвящения в мусульманскую религию. Пока он стоял, наклонившись над Маккандлессом, к Мэри подошел высокий индеец в расписанной тигровыми полосами шелковой тунике.

– Вас послал Харрис? – еле слышно спросил шотландец.

– Да, – шепнул Шарп, не глядя на пленника.

Мэри покачала головой, взглянула на жениха и снова повернулась к высокому индийцу.

– Опасность ждет на западе, – продолжал Маккандлесс. – Атакуйте с любого направления, кроме западного. – Он громко застонал, попытался подняться, захрипел и упал на землю. – Предатель... тебя ждет страшная расплата.

Шарп плюнул на лежащего и выпрямился.

– Подойдите, – крикнул Гуден, не скрывая презрения к человеку, готовому ради спасения собственной шкуры убить безоружного соотечественника.

Шарп встал рядом с Лоуфордом. Один из приближенных Типу забрал ружья, а султан, переговорив с французом, подал знак охранявшим пленника стражам. Маккандлесса повели со двора, а Типу, одарив рядового одобрительным взглядом, двинулся со своей свитой к другим воротам. Высокий индеец в шелковой тунике жестом позвал Мэри.

– Мне придется пойти с ним, – объяснила молодая женщина.

– Я думал, ты останешься со мной! – запротестовал Шарп.

– Надо отрабатывать за содержание. Я буду учить английскому его маленького сына. Ну и конечно, убирать и мыть полы, – с горечью добавила Мэри.

– Ее отпустят к вам позднее, – вмешался Гуден. – Пока что вы двое... как это у вас называется?

– Нам назначили испытательный срок, сэр? – подсказал Лоуфорд.

– Вот именно. А солдатам, проходящим испытание, быть с женами не разрешено. Не беспокойтесь, Шарп. Уверен, в доме генерала Рао вашей женщине ничто не угрожает. Ступайте, мадемуазель.

Мэри поднялась на цыпочки и чмокнула Шарпа в щеку.

– Не тревожься обо мне, – шепнула она. – Все будет хорошо.

– Приглядывай за собой, девочка, – напутствовал ее Шарп.

Гуден кивнул на арку, в тени которой все это время оставался врач-индиец:

– Пусть доктор Венкатеш закончит с вашей спиной, Шарп, а потом вам обоим выдадут новую форму и мушкеты. Добро пожаловать в армию султана Типу, господи. Вы будете получать по хайдери каждый день.

– Хорошие деньги! – уважительно заметил Шарп.

Хайдери равнялся полукроне, что было намного больше жалких двух пенсов, которые ему платили в британской армии.

– Но конечно, в долг, – остудил его энтузиазм Лоуфорд, все еще злившийся на спутника за то, что тот едва не застрелил беднягу Маккандлесса. Что касается осечки, то он посчитал ее чистой случайностью.

– Зарплата никогда не идет без задержек, – не теряя оптимизма, признал француз, – но в какой армии их нет? Официально вы получаете хайдери в день, хотя держать деньги в руке будете не часто. Зато я обещаю вам другие утешения. Идемте. – Он кивнул доктору Венкатешу, который, подобрав корзинку, последовал за ними со двора.

Итак, Шарпу предстояло познакомиться с новыми товарищами и подготовиться к встрече с новыми врагами – бывшими товарищами.

* * *

Генерал Бэрд не чувствовал вины за то, что отправил Шарпа и Лоуфорда на верную смерть, – солдату платят именно за то, чтобы он рисковал жизнью. Тот факт, что ни британские, ни индийские конные патрули не натолкнулись на беглецов, свидетельствовал о том, что они, вероятно, все же добрались до Серингапатама, но чем больше генерал размышлял о шансах задуманного им предприятия на успех, тем менее реальными они ему представлялись. Поначалу идея захватила его и увлекла настолько, что он сумел даже склонить на свою сторону генерала Харриса, но два дня размышлений рассеяли первоначальные надежды, явив сложности и препятствия, о которых раньше и не думалось. Впрочем, Бэрд с самого начала не питал особых иллюзий относительно спасения Маккандлесса, даже с помощью Рави Шехара, но по крайней мере рассчитывал, что Лоуфорд и Шарп узнают от полковника что-то важное и сумеют вынести полученные сведения из города. Теперь он сомневался даже в том, что кто-то из них останется в живых. В лучшем случае, полагал Бэрд, им удалось избежать смерти, вступив в войско Типу, а это означало, что наступающую британскую армию они встретят в обличье защитников Серингапатама. Помочь им генерал уже не мог, но мог хотя бы предотвратить ужасную ошибку, которая в случае падения столицы могла привести к братоубийству. Вот почему в ночь, когда две армии остановились на очередной ночлег в нескольких днях пути от конечной цели, Бэрд отправился в подразделение, где служили два товарища.

Внезапное появление генерала застало врасплох майора Ши, но Бэрд успокоил его, объяснив, что у него есть небольшое дело в роте легкой пехоты.

– Вам, майор, беспокоиться не о чем. Вопрос чисто административный. Пустяк.

– Я отведу вас к капитану Моррису, сэр. – Нахлобучив треуголку, Ши вышел вслед за генералом и повел вдоль линии палаток. – Вам туда, – сказал он, указывая на последнюю в ряду офицерскую палатку. – Я еще нужен вам, сэр?

– Не хотел бы отрывать вас от дел, Ши. Примите мою благодарность за помощь.

Капитана Морриса Бэрд обнаружил сидящим за столом в компании неприятного вида сержанта, который при появлении генерала вскочил, словно подброшенный пружиной, и вытянулся во фронт, едва ли не дрожа от старания. Моррис торопливо набросил треуголку на кувшин, содержащий, как решил Бэрд, добрую пинту арака.

– Капитан Моррис? – спросил генерал.

– Так точно, сэр! – В спешке командир роты опрокинул стул, и теперь ему пришлось наклониться, чтобы поднять с пола упавший вместе со стулом мундир.

Бэрд махнул рукой, показывая, что капитан может не суетиться:

– Обойдемся без формальностей. Оставьте мундир, пусть полежит. Душно, верно?

– Так точно, сэр, жара просто невыносимая, – нервно ответил капитан.

– Я Бэрд, – представился генерал. – Мы, кажется, еще не имели удовольствия?..

– Никак нет, сэр. – Моррис так разволновался, что совершенно позабыл представиться старшему по званию.

– Садитесь, старина, – любезно пригласил Бэрд. – Садитесь. Вы не против, если я присяду сюда? – Он указал на койку. – Спасибо. – Генерал опустил, снял треуголку и обмахнулся ею, как веером. – Боюсь, я уже позабыл, что такое холодная погода. Интересно, где-нибудь еще идет снег? Боже, эта чертова жара просто убивает. Просто убивает. Вольно, сержант.

– Спасибо, сэр. – Сержант Хейксвилл позволил себе слегка согнуть ногу.

– Вы ведь потеряли на этой неделе сразу двоих, не так ли, капитан?

– Двоих? – Моррис недоуменно наморщил лоб. Один – тот ублюдок Шарп, который не только сбежал, но еще и прихватил с собой свою бибби, но кто второй? – Ах да! Вы имеете в виду лейтенанта Лоуфорда, сэр?

– Да, его. Вот счастливчик, а? Отправился с донесением в Мадрас. Такая честь для него. – Бэрд с сожалением покачал головой. – Я-то считаю, что та стычка не представляла собой ничего такого, о чем следовало бы доносить властям, но генерал Харрис настоял, чтобы ваш полковник отправил именно Лоуфорда.

Он сам предложил объяснить отсутствие лейтенанта тем, что тот якобы отослан в Мадрас с донесением. В полку это известие встретили с разными чувствами, среди которых преобладали возмущение и обида. Лейтенант прослужил совсем мало, а так как доставившего донесение офицера обычно ожидало повышение, то такого рода миссии доверяли, как правило, людям, успевшим отличиться на поле брани. По мнению Морриса – и не только его одного, – Лоуфорд ничем особенным себя не проявил и повышения явно не заслуживал. Впрочем, изложить свою точку зрения в присутствии Бэрда капитан не отважился.

– Очень рад за него, – только и сказал он.

– Вы подыскали замену?

– Так точно, сэр. Его место займет прапорщик Фицджеральд. Теперь уже лейтенант Фицджеральд, – с оттенком неодобрения сказал Моррис.

Он предпочел бы поставить на место Лоуфорда прапорщика Хикса, но у последнего не было ста пятидесяти фунтов, необходимых для покупки звания лейтенанта, а у Фицджеральда они имелись, так что в случае производства Лоуфорда в капитаны освобождавшуюся должность занимал именно он. На взгляд Морриса, новоиспеченному лейтенанту не доставало тре-

бовательности и жесткости, но что делать, если порядок продвижения по службе определяется в первую очередь деньгами?

– А второй? – с напускным безразличием поинтересовался Бэрд. – Кажется, рядовой? Он есть в списочном составе?

– Так точно, сэр, есть, – ответил за капитана сержант. – Сержант Обадайя Хейксвилл, сэр. В армии с юных лет, сэр, и в полном вашем распоряжении.

– Имя этого негодяя? – обратился к Моррису генерал.

– Шарп, сэр, – снова ответил Хейксвилл. – Ричард Шарп. Мерзавец, каких мало, сэр. Отъявленный мошенник, сэр, а уж я повидал всяких.

– Дайте мне журнал наказаний, – не обращая внимания на сержанта, попросил Бэрд.

Моррис поспешно бросился к заваленному бумагами столу, чтобы найти журнал учета наказаний, в конце которого имелся специальный раздел для дезертиров. Первым, однако, его обнаружил Хейксвилл, который и подал книгу генералу:

– Сэр!

Перелистав страницы, Бэрд задержался на приговоре военно-полевого суда.

– Две тысячи плетей! – не сумев скрыть чувств, воскликнул он. – Должно быть, серьезное нарушение?

– Нападение на сержанта, сэр! – отрапортовал Хейксвилл.

– Уж не на вас ли? – сухо спросил генерал, успевший обратить внимание на распухший нос сержанта.

– Так точно, сэр! Без всякого повода, сэр, – поспешил с объяснениями Хейксвилл. – Видит бог, сэр, я всегда относился к Дику Шарпу по-доброму. Как к собственному сыну, сэр, как к собственному сыну, коего у меня нет, а если и есть, то мне о том неведомо. Ему еще повезло, сэр, что отделался всего двумя сотнями. Да, повезло, сэр, и посмотрите, чем он отплатил за нашу доброту! – Хейксвилл возмущенно засопел, сетуя таким образом на человеческую неблагодарность.

Оставив тираду без ответа, Бэрд открыл последнюю страницу, где и нашел имя Ричарда Шарпа, вписанное в верхнюю строку отпечатанной формы. Под именем значился возраст, двадцать два года, рядом с которым капитан Моррис, если только форму заполнял он сам, поставил вопросительный знак. Далее сообщалось, что рост рядового Шарпа составляет шесть футов и четыре дюйма – то есть всего лишь на два дюйма меньше, чем у Бэрда, выше которого в армии не было никого. В графе «Сложение или фигура» значилось «хорошего сложения». Дальше шли такие разделы, как «Голова», «Лицо», «Глаза», «Нос», «Брови», «Рот», «Шея», «Волосы», «Плечи», «Руки», «Пальцы», «Бедра» и «Ноги». Моррис заполнил их все, представив таким образом весьма подробное описание пропавшего без вести солдата. Вопросу «Где родился?» соответствовал короткий ответ – «Лондон», а в графе «Прежняя профессия или род занятий» стояло короткое слово «вор». Внизу бланка были проставлены дата и место оставления части и указывалось, в какую одежду был одет дезертир. В последней графе «Общие замечания» капитан Моррис сделал такую запись: «На спине шрамы от плети. Опасен».

Бэрд покачал головой:

– Впечатляющий труд.

– Спасибо, сэр.

– Описание уже роздано?

– Будет роздано завтра, сэр.

Моррис покраснел. Документ следовало представить в четырех экземплярах. Одна копия поступала командующему армией, откуда, размноженная в необходимом количестве, распространялась по всем подразделениям. Вторая должна была уйти в Мадрас на тот случай, если Шарп появится там. Третью отправляли в военное министерство, которое, опять же размножив документ, раздавало его всем вербовщикам, обязанным отыскивать среди рекрутов вер-

нувшихся домой дезертиров. И наконец, последнюю посылали в родной приход беглеца, чтобы уведомить соседей о его измене, а констеблей о его преступлении. В случае с Шарпом, у которого такого прихода не было, описание следовало распространить в армии. При обнаружении дезертира в Серингапатаме его надлежало арестовать, но на столь благополучный исход Бэрд не рассчитывал. Большинство солдат ненавидели предателей, но не из-за их преступлений, а потому, что тем хватило смелости сделать то, о чем думали, но на что не решались они. К тому же за убийство дезертира практически никогда не наказывали.

Генерал положил раскрытый журнал на стол перед Моррисом:

– Я хочу, чтобы вы сделали одну приписку в последней графе.

– Конечно, сэр.

– Напишите, что рядового Шарпа надлежит взять живым. И что, если он будет схвачен, его необходимо доставить либо ко мне, либо к генералу Харрису.

Моррис растерянно уставился на Бэрда:

– К вам, сэр?

– Да, ко мне. К генерал-майору Бэрду.

– Есть, сэр, но... – Капитан хотел спросить, какое отношение к генералу может иметь обычный дезертир, но вовремя понял, какой ответ может получить на такой вопрос, а потому просто обмакнул перо в чернила и торопливо дописал нужные генералу слова. – Думаете, мы еще увидим Шарпа, сэр?

– Надеюсь, что да, капитан. И даже буду молиться об этом. – Бэрд поднялся. – Благодарю за гостеприимство.

– Так точно, сэр. Конечно, – невнятно пробормотал капитан, приподнялся и, когда генерал вышел, тяжело шлепнулся на стул и уставился на еще не высохшую запись. – Это еще что такое? Что это значит?

– Ничего хорошего, сэр, – фыркнул Хейксвилл. – Ничего хорошего. Помяните мое слово.

Моррис вытащил пробку и приложился к фляге с араком.

– Сначала этого ублюдка вызывают в палатку к генералу Харрису, потом он убегает, и вот теперь Бэрд говорит, что мы еще увидим его и что он на это надеется! Почему?

– Добра от него не будет, сэр. Не будет добра. Шарп сбежал со своей бабой. Никакой генерал такому потворствовать не может. Это непростительно, сэр. Иначе армия рассыплется, сэр.

– Не могу же я послушаться Бэрда, – проворчал Моррис.

– Но и Шарп вам здесь не нужен, сэр! – с жаром заметил сержант. – Зачем вам генеральский любимчик, сэр? Он еще и сержантские нашивки получит! – При мысли о таком публичном оскорблении Хейксвилл на несколько секунд лишился дара речи. Щека его задергалась, и сержанту стоило немалых усилий взять себя в руки. – Кто знает, сэр, – добавил он, искоса поглядывая на капитана, – может быть, Шарп доносил на нас с вами. От предателя всего можно ожидать. Нельзя пригревать змею на груди, сэр. Роте не понравится, если мы примем генеральского любимчика, сэр.

– Генеральского любимчика? – задумчиво повторил Моррис.

Будучи человеком корыстным, хотя и не хуже других, капитан опасался официального расследования, но был слишком ленив, чтобы подкорректировать записи в платежных ведомостях, внимательное изучение которых могло вскрыть многочисленные факты подлогов и прочих финансовых нарушений. Кроме того, Моррис побаивался, что Шарп каким-то образом прознает о его роли в спектакле с участием Хейксвилла. Трудно представить, что какой-то рядовой мог иметь такое влияние на армейское командование, но, с другой стороны, кто бы мог подумать, что генерал-майор лично появится в роте, чтобы озаботиться судьбой этого самого рядового. Вокруг творилось что-то странное, непонятное, а странное и непонятное все-

гда представлялось Моррису угрозой. Он не хотел многого и мечтал только о спокойной жизни. Без присутствия в ней рядового Шарпа.

– Но я ведь не могу теперь убрать эту запись из журнала, – пожаловался капитан, кивая на страницу.

– И не надо, сэр. Надо только ничего никому не говорить. От нас ведь ничего не требуется, сэр. Нам не нужно ничего заполнять. А как он выглядит, это и так все знают. Я обо всем позабочусь, сэр. Дам понять, что тот, кто увидит Шарпа, сделает доброе дело, если пустит пулю ему в спину. – Видя, что Моррис нервничает, Хейксвилл продолжал: – Сделаем все без лишнего шума, сэр. Лишь бы только он оказался в Серингапатаме. Разнесем этот чертов город на части. Убьем Шарпа на месте, а другого он и не заслуживает. Добра от него не будет, сэр, я это нутром чую. А если от кого нет добра, то от него лучше избавиться. Так написано в скрижалях, сэр.

– Я тоже так думаю, сержант. Я тоже так думаю. – Моррис закрыл журнал. – Поступайте так, как считаете нужным. Я вам доверяю.

– Для меня ваше доверие – большая честь, сэр. Большая честь. И я, сэр, сделаю для вас все. Помяните мое слово, я с ним разберусь. В Серингапатаме.

* * *

– Что ты, черт возьми, делаешь, Шарп? – Лоуфорд был вне себя от злости. Лейтенанту надоело притворяться рядовым, а кроме того, они впервые за весь день остались вдвоем. Вдвоем, но не одни, потому что неподалеку находились еще с десяток солдат из батальона Гудена, включая коренастого сержанта Ротье, присматривавшего за новичками с соседнего кавальера. Все они несли сейчас караульную службу на одном из участков южной стены. – Ей-богу, Шарп, тебе это так не сойдет! Нас послали сюда, чтобы спасти Маккандлесса, а не убивать его. Ты что, рехнулся?

Шарп молча смотрел перед собой. Справа от него между зелеными берегами лениво катилась река. Мелководная в сухой сезон, с приходом муссона она набухала, разливалась и затапливала торчащие тут и там камни. Шарп чувствовал себя намного лучше – мазь доктора Венкатеша если не сняла совсем, то по крайней мере значительно уменьшила боль в спине. Индеец наложил свежую повязку, предупредив, что смачивать ее не нужно, а нужно менять каждый день до тех пор, пока раны не затянутся.

Ранее днем полковник Гуден отвел англичан в армейские бараки в юго-западной части города. Квартировали в них только европейцы, по большей части французы, но встречались и швейцарцы, и немцы, и даже британцы. Все носили синюю форму французской пехоты, но, так как свободных мундиров не нашлось, сержант Ротье выдал новобранцам полосатые туники наподобие тех, что носили солдаты Типу. Туники отличались от европейских мундиров тем, что надевать их приходилось через голову.

– Откуда вы, парни? – спросил кто-то на английском.

– Из Тридцать третьего, – ответил Шарп.

– Хаверкейкс? А я думал, они стоят в Калькутте.

– Перевели в Мадрас в прошлом году. – Шарп осторожно опустился на индийскую койку, представлявшую собой натянутые на простой деревянной раме веревки. Удивительно, но койка была удобная. – А ты?

– Королевская артиллерия, приятель, чтоб ей... Мы оба оттуда, – ответил один из двух состоявших в батальоне англичан. – Сбежали три месяца назад. Я Джонни Блейк, а это Генри Хиксон.

– Меня зовут Дик Шарп, а он – Билл Лоуфорд. – Шарп кивнул в сторону лейтенанта, чувствовавшего себя на редкость неловко в длинной, до колен, тунике. Поверх нее он надел перевязь и обычный пояс, на котором висели штык и патронная сумка.

Новичкам уже выдали тяжелые французские мушкеты, предупредив, что им придется нести караульную службу вместе с остальными солдатами маленького батальона.

– Раньше нас было больше, – сказал Блейк, – но люди здесь мрут как мухи. В основном от лихорадки.

– Но вообще здесь не так уж и плохо, – вставил Генри Хиксон. – Кормежка хорошая. Библи хватает, а Гуден неплохой офицер. Лучше тех, что у нас были.

– Наши были настоящие скоты, – согласился Блейк.

– А разве бывают другие? – спросил Шарп.

– И деньги хорошие, когда получаешь. Сейчас просрочка пять месяцев, но мы надеемся, что по долгам рассчитаются, как только выдадим чертовых британцев, – рассмеялся Блейк.

Блейк и Хиксон в карауле не стояли, потому что обслуживали огромное, притаившееся за амбразурой орудие с украшенным изображением тигра стволом. Шарпа и Лоуфорда назначили на отдельный пост, что и позволило лейтенанту обрушиться на рядового с жаркими и, как ему представлялось, обоснованными упреками.

– Что молчишь? Нечего сказать в свое оправдание? – продолжал допытываться Лоуфорд, раздраженный невозмутимостью Шарпа, равнодушно вззирающего на раскинувшийся под ними зеленый ландшафт, по которому река огибала остров с юга. – Так что?

Шарп наконец соизволил взглянуть на него:

– Ты ведь заряжал мушкет, а, Билл?

– Конечно!

– А ты обратил внимание, какой нам дали порох? Какой он был чистый и мелкий?

– Это могла быть пороховая пыль! – сердито ответил Лоуфорд.

– Пороховая пыль такой чистой не бывает! – возразил Шарп. – В пороховой пыли всегда полно крысиного помета и опилок! А ты подумал, Билл, – тем же саркастическим тоном продолжил он, – почему Типу вообще дал заряженное оружие тем, кого еще и не проверил как следует? А ведь он стоял рядом, не более чем в шести футах от нас. А ты удосужился попробовать порох на вкус? Нет? А вот я лизнул. И порох-то был совсем не соленый. И я так тебе скажу, лейтенант, никакой это был не порох, а чернильный порошок или черный пигмент. Поэтому он и не вспыхнул.

Лоуфорд ошеломленно уставился на солдата:

– Так ты знал, что ружье не выстрелит?

– Конечно знал! А ты что думал? Иначе б я и не стрелял. Так ты, выходит, ничего не понял?

Не зная, что сказать, лейтенант отвернулся. Краска стыда расплзлась по щекам – его снова выставили полным глупцом.

– Извини, – смущенно пробормотал он, чувствуя себя неопытным юнцом по сравнению с этим солдатом, в очередной раз доказавшим свое превосходство.

Между тем внимание Шарпа привлек возвращающийся в город конный патруль. Трое уланов были, по всей видимости, ранены и держались в седлах только благодаря помощи товарищей. Это означало, что британцы уже недалеко.

– Мне жаль, сэр, – тихо произнес он, намеренно обращаясь к Лоуфорду подчеркнуто уважительно. – Не хотел вас обидеть. Но я пытаюсь сделать так, чтобы мы с вами выбрались отсюда живыми.

– Знаю. Мне тоже жаль. Это я виноват – должен был догадаться, что нам дали не порох.

– Растеряться было нетрудно, – заметил Шарп, стараясь успокоить своего напарника. – Этот Типу как с неба свалился. Жирный убудок. Но вы вели себя как надо, – с чувством заго-

ворил он, понимая, что лейтенант нуждается в добром слове. – И с фартуком ловко придумали. Надо было плеснуть чернил на форму... Я и не подумал, а вот вы сообразили, как выкрутиться.

– Вспомнил рядового Брукфилда, – не без гордости ответил Лоуфорд, будто заново переживая славный миг озарения. – Ты знаешь Брукфилда?

– Не писарь ли в роте мистера Стенбриджа? Парень в очках, да? Тот, что носит передник?

– Зато форма у него всегда чистая.

– Как баба, – презрительно усмехнулся Шарп и тут же поспешно добавил: – Но вы ловко придумали. И вот что я еще скажу, сэр. Нам надо поскорее отсюда убратся, потому что теперь я знаю то, зачем мы пришли. Не стоит искать вашего приятеля-торговца, а надо просто умахивать из города. Если только вы не собираетесь спасать своего дядю...

– Ты знаешь? – Смысл его слов дошел до Лоуфорда с небольшим опозданием.

– Да, сэр, знаю. Полковник сам мне сказал, пока мы с ним разыгрывали сцену там, во дворе. Надо предупредить генерала Харриса, чтобы не совался в город с запада. Больше ничего, только это, сэр.

Переважив сообщение Шарпа, Лоуфорд скользнул взглядом по западным укреплениям города, но не увидел ничего такого, что выглядело бы странным или подозрительным.

– Перестань называть меня «сэром», – сказал он. – Ты уверен, что правильно его понял?

– Полковник повторил дважды. Не атаковать с запада – вот его слова. Предупредил, что опасность поджидает на западе.

Донесшийся с соседнего кавальера крик заставил их оглянуться. Сержант Ротье указывал на юг, призывая новичков смотреть туда, куда им и положено, а не таращиться в другую сторону. Шарп послушно повернулся на юг, хотя смотреть там было не на что, кроме разве что женщин, возвращающихся от реки с корзинами на голове, да голого худого мальчугана, пасущего с десятков тощих овец. Итак, размышлял Шарп, теперь его первейший долг – убратся из города и вернуться в полк. Да только вот как это сделать? Предположим, он мог бы спрыгнуть со стены. Предположим, он даже остался бы жив после такого прыжка. И что? Попал бы в ров. А за рвом есть еще бруствер. А за бруствером расположен военный лагерь, прикрывающий южную и восточную стены. Даже если он каким-то чудом не сломает шею или ногу после прыжка со стены и ускользнет от сотен набросившихся на него солдат, еще придется пересечь реку под градом летящих вдогонку пуль, а если и здесь ему улыбнется удача, то на другом берегу беглеца уже будут поджидать кавалеристы Типу. Ситуация выглядела настолько безнадежной, что Шарп улыбнулся:

– Одному богу известно, как мы отсюда выскользнем.

– Может быть, ночью? – предложил за неимением лучшего Лоуфорд.

– Сомневаюсь, что нас допустят к ночной смене, – покачал головой Шарп и почему-то вспомнил о Мэри. Как оставить ее в городе?

– Так что будем делать? – спросил Лоуфорд.

– То же, что и всегда делают в армии, – стоически ответил Шарп. – Пошевеливаться да дурака валять. Ждать удобного случая. Рано или поздно он придет. А пока, может быть, стоит попытаться выяснить, что за опасность поджидает у западной стены. Что-то ведь эти черти там делают!

Лейтенант вздохнул:

– Я рад, что взял тебя с собой.

– Рад? – усмехнулся Шарп. – А я скажу тебе, когда я буду рад. Когда мы вернемся домой... в полк.

И, сказав это, Шарп, голова которого несколько недель была занята мыслями о побеге, вдруг понял, что так оно и есть. Он действительно хотел вернуться в армию, в свой полк, и осознание этого немало его удивило. Сначала армия ему осточертела, потом попыталась сло-

мать его дух и даже угостила двумя сотнями плетей, но теперь, стоя рядом с лейтенантом на крепостной стене Серингапатама, Ричард Шарп поймал себя на том, что скучает по армии.

Потому что, как это выяснилось лишь сейчас, в душе Ричард Шарп был солдатом.

Глава шестая

Четыре дня спустя британская и хайдарабадская армии достигли наконец Серингапатама. Первым свидетельством их приближения стало густое, скрывшее восточную часть горизонта облако пыли, поднятое к небу тысячами копыт, сапог и колес. Обе армии переправились через реку восточнее города и стояли сейчас на южном берегу, так что Шарп, взбежавший вместе с остальными солдатами батальона Гудена на стрелковую ступень над Майсурскими воротами, мог наблюдать за первыми появившимися вдалеке британскими конными патрулями. Навстречу неприятелю из ворот выступил отряд всадников Типу. На пиках кавалеристов развевались зеленые и алые вымпелы, а над всем отрядом реяли шелковые знамена с золотым солнцем на алом поле. Едва всадники миновали ворота, как в противоположном направлении устремились, скрипя и постанывая, десятки влекомых волами повозок, груженных рисом, зерном и овощами. Воды в Серингапатаме хватало не только потому, что стены столицы омывала река Кавери, но и потому, что едва ли не на каждой улице был свой, отдельный колодец, и теперь султан принимал меры, чтобы до отказа заполнить все имеющиеся в городе продовольственные склады. Все свободные помещения были забиты боеприпасами. Из каждой амбразуры выглядывали жерла орудий, а за стенами стояли наготове запасные пушки. Столько артиллерии Шарп еще не видывал. Султан твердо верил в ее несокрушимую мощь и собирал орудия самых разных форм и размеров. В его арсенале были пушки, стволы которых напоминали притаившихся тигров, орудия, украшенные изящной вязью арабских букв, и мортиры, доставленные из далекой Франции, на некоторых из которых стояли старинные вензеля Бурбонов. Здесь были громадины с жерлами, длина которых превышала двадцать футов, – они стреляли каменными ядрами до пятидесяти фунтов весом, – а были и малютки, чуть больше мушкета, осыпавшие неприятеля крупной картечью. В общем, Типу намеревался встретить идущих на приступ британцев стеной пушечного огня.

И не только пушечного, потому что едва только вражеские армии приблизились к городу, как ракетчики начали устанавливать на боевых позициях свое необычное оружие. Шарп, никогда прежде не видевший ракет, с изумлением наблюдал, как их расставляют вдоль парапетов. Каждая ракета представляла собой железную трубу четырех-пяти дюймов шириной и около восемнадцати дюймов длиной, крепящуюся кожаными ремнями к бамбуковой палке, превышающей рост человека. На конце трубы располагалась жестянка в форме конуса, в которую клали либо небольшое ядро, либо пороховой заряд. Ракету выстреливали, поджигая расположенный у основания трубы бумажный жгут. Некоторые летательные снаряды оборачивали бумагой, на которой рисовали скалящихся тигров или писали стихи из Корана.

– В Ирландии есть человек, разработавший такое же оружие, – заметил Лоуфорд, – хотя тигров он, наверное, не рисовал.

– И как их нацеливать? – поинтересовался Шарп.

Некоторые ракеты уже стояли готовые к выстрелу, точнее, лежали на парапете, направленные в сторону противника.

– Их не нацеливают, – ответил Лоуфорд. – По крайней мере, я так думаю. Просто запускают в нужном направлении. И конечно, они очень неточны. По крайней мере, я на это надеюсь, – неуверенно добавил он.

– Что ж, скоро узнаем, – заметил Шарп, наблюдая за разгрузкой очередной партии ракет, которые только что доставили на стену на ручной тележке.

Посмотреть, однако, не привелось, поскольку британская и хайдарабадская армии не стали приближаться к городу на достаточно близкое для обстрела расстояние, а перестроились, демонстрируя намерение охватить Серингапатам широким кольцом. Двигались обе армии удручающе медленно. Появившись в виду города на рассвете, они и к закату не обошли ост-

ров даже наполовину. Толпы зрителей облепили крепостную стену, наблюдая за огромными растянувшимися стадами, пехотными батальонами, кавалерийскими эскадронами, пушками и повозками, заполнившими собой прежде пустынный пейзаж. Поднятая войском пыль напоминала английский туман. Время от времени пелена сгущалась – это высланные Типу кавалеристы атаковали то или иное уязвимое место, но каждый раз атакующих встречала контратакой союзническая кавалерия, и над полем боя, где конники сталкивались в короткой схватке, снова поднимались клубы пыли. Один удачливый улан вернулся с гордо поднятым на пике трофеем, кавалерийским кивером, и был вознагражден восторженными криками разместившихся на стене солдат, но постепенно британцы и их союзники стали теснить врага, и приветствия смолкли, а раненные в бою уланы потянулись через южный брод назад в город. Некоторые из вражеских всадников, окрыленные первым успехом, даже рискнули приблизиться к столице, а группа офицеров подошла к самой реке, вероятно, чтобы оценить прочность защитных сооружений. Вот по ней-то ракетчики и дали первый залп.

Шарп с интересом наблюдал за тем, как один из офицеров положил снаряд на плоскую поверхность парашута и направил на ближайшее скопление всадников. Стоявший рядом ракетчик легонько помахивал подожженным запальным фитилем, не давая ему потухнуть. Наведя ракету на противника, офицер с довольным видом отступил и сделал знак солдату, который широко ухмыльнулся и поднес фитиль к бумажному жгуту у основания снаряда.

Бумага, из которой скрутили жгут, была, как догадался Шарп, смочена в пороховой воде и затем высушена, потому что она мгновенно вспыхнула. Огонь быстро побежал по жгуту, и ракетчик торопливо отошел. Пылающий след исчез в нижней части цилиндра, наступила тишина, потом ракета задрожала, и из трубы вырвался огонь. Все труды офицера, тщательно выверявшего направление, пошли насмарку, но поправить прицел не представлялось возможным, потому что пламя уже лизало бамбуковую палку. Внезапно огонь загудел, как в плавильной печи, что-то зашумело наподобие небольшого водопада, и ракета пришла в движение, извергая искры и черный дым. Мгновение она тряслась, подскакивая на парашуте, потом вдруг резко взмыла в воздух, оставив на камне черную отметину, а за собой густой дымный хвост. Поначалу казалось, что снаряд упадет на землю, не справившись с силой земного притяжения, но он набрал скорость, выровнялся и успешно перелетел через бруствер, лагерь и даже реку. Несколько мгновений ракета неслась, разбрызгивая искры и пламя, потом заряд выгорел, и она устремилась вниз. Попавшие под обстрел всадники побросали подозрительные трубы и рассыпались в разные стороны, спасаясь от низвергнувшегося на них с пронзительным воем небесного демона. Ракета ударилась о землю, подскочила, завертелась и взорвалась с сухим треском, выбросив столб белого дыма и оранжевого пламени. Никто из всадников не пострадал, но охватившая их паника доставила истинное удовольствие солдатам Типу, приветствовавшим ракетчика восторженными криками. Шарп кричал вместе со всеми. Тут же с нижнего яруса выстрелила пушка. С гулом пронесшееся над рекой тяжелое ядро поразило лошадь в полумиле от крепости, но радости никто не выказал – пушки были оружием более привычным и явно не столь зрелищным.

– Этих чертовых трубок у него тысячи, – заметил Шарп, указывая на груды ракет.

– Они очень неточны, – с упорством педанта ответил лейтенант.

– Точны не точны, а страху навести могут, – не согласился Шарп. – Особенно если выстрелить сразу дюжину штук. Это ж ад крошечный. Не хотел бы я попасть под такой обстрел.

Позади них, с высокого белого минарета новой городской мечети, донесся голос муэдзина, призывающего правоверных к вечерней молитве, и мусульмане-ракетчики поспешно расстелили крохотные коврики и опустились на колени лицом на запад, в сторону Мекки. Лоуфорд и Шарп тоже повернулись на запад, но не из уважения к религии Типу, а потому, что авангард британской и индийской кавалерии приблизился к южному рукаву Кавери. Основная часть армий устраивалась лагерем к югу от города, а всадники, по всей вероятности, выдвину-

лись вперед для разведки с учетом намеченного на следующий день короткого марша. Шарп видел офицеров, размечающих расположение палаток. Похоже, генерал Харрис все-таки принял решение атаковать с запада, с того самого направления, о котором предупреждал полковник Маккандлесс.

– Чертовы глупцы, – пробормотал Шарп, хотя они с Лоуфордом так и не узнали, чем именно опасно западное направление.

Возможности покинуть город им тоже не представилось. За новыми солдатами постоянно кто-то присматривал, их не назначали в ночной караул, и Шарп прекрасно понимал, что даже малейшая попытка выбраться из Серингапатама закончится смертью. И все же обращались с ними, в общем, неплохо. Новые товарищи приняли беглецов вполне благожелательно, хотя и несколько сдержанно, и Шарп знал, что относиться к ним будут с подозрительностью до тех пор, пока они делом не докажут свою полную надежность.

– Штука не в том, что вам не доверяют, – объяснил в первую ночь Генри Хиксон, – а в том, что ребята не уверены в вашей надежности. Вот популяете в прежних дружков, тогда и станете как все. – Хиксон подшивал растрепанный край кожаной рукавицы, защищавшей руку при работе с пушкой. Старая, закопченная рукавица служила лучшим подтверждением многолетней службы Хиксона в артиллерии. – Привез из Америки, – сказал он, поглаживая потертую кожу. – Мне ее сшила одна подружка в Чарлстоне. Вот уж милашка была...

– Ты давно в артиллерии? – спросил Лоуфорд.

– Чуть ли не всю жизнь, Билл. С семьдесят шестого. – Хиксон рассмеялся. – За короля и отечество! Вперед, на спасение колоний! А? Вот и топал туда-сюда, как заблудившийся ягненок. Даже и пострелять толком не пришлось – только марши да марши. Надо было там и остаться, когда нам дали пинка под зад, но я был дурак и не остался. Отправился на Гибралтар, полировал пушку еще пару лет. Потом перевели сюда.

– Так почему сбежал?

– Из-за денег, конечно. Типу хоть и не нашей веры, но пушкарям платит хорошо. Когда платит, понятно, что бывает нечасто. Но все равно здесь лучше, и султан мне ничего плохого не сделал. К тому же остался бы в пушкарях, не встретил бы Сунни. – Он ткнул заскорузлым пальцем в сторону индианки, готовившей ужин с другими солдатскими женами.

– И не боишься, что поймают? – спросил Лоуфорд.

– Конечно боюсь! Как не бояться! – Хиксон поднял рукавицу, проверяя, ровно ли лег шов. – Думаешь, приятно стоять у столба перед дюжиной паршивцев, которые целятся в тебя из мушкетов? Нет, Билл, я хочу умереть спокойно, в постели Сунни. – Он усмехнулся. – Ты задаешь дурацкие вопросы, но что еще ожидать от чертова писаришки! Я тебе так скажу, чтение и письмо до добра не доведут. – Хиксон сокрушенно покачал головой.

Как и все остальные солдаты Гудена, он с большей подозрительностью относился к Лоуфорду, чем к Шарпу. Шарпа они понимали, он был свой и хорошо знал дело, а вот в Лоуфорде видели человека непонятного, чужака, а потому и держались с ним настороженно. Чуждость эту они объясняли тем, что он вырос в иной среде, в другом окружении, в приличной семье, попавшей под жернова трудного времени; «писарю» сочувствовали, но считали, что ему просто не хватило крепости. Некоторые презирали Лоуфорда за неловкость в обращении с оружием, но цеплять или дразнить не решались – никому не хотелось ссориться с Шарпом.

Неприятельские армии разбивали лагерь на безопасном для себя расстоянии к югу от города. С десятков майсурских кавалеристов еще кружили поодаль, выжидая случая захватить пленного, но большинство солдат Типу вернулись на остров. В городе царило оживление – противник наконец-то предстал у ворот, и долгое, томительное ожидание закончилось. В поведении жителей даже появилась уверенность, потому что, хотя вражеская рать и выглядела устрашающе огромной, в распоряжении султана были опытные воины и неприступные стены. Недостатка энтузиазма не замечалось даже среди индийских солдат. Лоуфорд сказал Шарпу,

что отношения между ними и мусульманами отягощены давнишней враждой, но нынешним вечером весь город как будто объединился в показном пренебрежении к врагу.

Стоявший у внутренней стены Майсурских ворот сержант Ротье крикнул что-то, указывая на большой бастион в юго-западном углу города.

– Нас требует к себе полковник Гуден, – перевел Лоуфорд.

– Vite! – проревел сержант.

– Немедленно.

Пробившись через запрудившую парапеты толпу зрителей, они нашли полковника Гудена на выступающем к югу кавальере.

– Как спина? – обратился француз к Шарпу.

– Заживает, сэр. Очень хорошо.

Гуден улыбнулся – новость явно порадовала его.

– Это все индийская медицина. Если соберусь возвращаться во Францию, возьму с собой местного лекаря. Они куда лучше наших. Французские только и умеют, что выпустить из человека кровь, а потом утешать его вдову. – Он повернулся и указал на юг, в сторону реки. – Ваши старые друзья.

И действительно, на другом берегу группа конных британцев и индийцев проводила рекогносцировку местности между лагерем и городом. Большая часть группы держалась на безопасном расстоянии, но несколько отважных, или бесшабашных, подъехали поближе, то ли желая спровоцировать кавалерию султана на вылазку, то ли вызывая на себя огонь вражеских орудий. Три или четыре особенно дерзких весельчака что-то кричали и даже размахивали руками, явно потешаясь над защитниками Серингапатама и ловко увертываясь от перелетающих через реку ракет и ядер.

– Они нас отвлекают, – объяснил Гуден. – Отвлекают от других. Видите, вон там, у кустов? – Он вытянул руку. – Там пешие разведчики. Пытаются подобраться к нашим укреплениям. Нашли? В кустах под двумя пальмами.

Шарп, как ни старался, никого не увидел:

– Хотите, чтобы мы сделали вылазку и захватили пленного?

Полковник покачал головой:

– Я хочу, чтобы вы их подстрелили.

До кустов под двумя пальмами было около четверти мили.

– Далековато для мушкета, сэр, – усомнился Шарп.

– Тогда попробуйте вот это, – сказал француз, протягивая ружье. Судя по украшенному слоновой костью ложу, замку в форме головы тигра и арабской вязи на стволе, оно принадлежало самому Типу.

Взяв оружие, Шарп подержал его в руке:

– Красивое, сэр, что и говорить, но красота точности не добавляет. Старое привычнее да и надежнее. – Он постучал по ложу тяжелого французского мушкета.

– Ошибаетесь, – возразил Гуден. – Это винтовка.

– Винтовка!

Шарп, конечно, слышал о таком оружии, но никогда не держал его в руках. Заглянув в ствол, он увидел нарезные спиральные бороздки. Говорили, что бороздки заставляют пулю вращаться, и из-за этого винтовка бьет точнее гладкоствольного мушкета. Почему так происходит, Шарп, естественно, не знал, но все, с кем ему доводилось обсуждать достоинства винтовки, клялись, что это истинная правда. – И все-таки... – Он недоверчиво покачал головой. – Четверть мили? Далековато для пули, даже если она и крутится.

– Эта винтовка убивает с четырехсот шагов, – уверенно заявил Гуден. – Кстати, она заряжена, – добавил полковник, и Шарп, взглядывавшийся в темную глубину ствола, отдернул

голову. Француз рассмеялся. – Заряжена самым лучшим порохом и пулей, хранившейся в промасленной коже. Хочу посмотреть, как вы стреляете.

– Нет, сэр, вы хотите посмотреть, смогу ли я подстрелить соотечественника.

– И это, конечно, тоже, – легко согласился Гуден и рассмеялся, нисколько, однако, не смутившись из-за того, что его тайный план раскрыт. – При такой дальности цельтесь футов на шесть-семь выше. Для вас, Лоуфорд, у меня другая винтовка, хотя многого от писаря ждать не приходится, не так ли?

– Я постараюсь, сэр, – пообещал лейтенант, принимая оружие. Если ему и доставало навыков заряжения, это вовсе не означало, что он плохо стрелял: на охоту его брали с восьми лет.

– Некоторые не могут заставить себя стрелять по бывшим товарищам, – тихо сказал полковник, – и я хочу убедиться, что вы не из их числа.

– Будем надеяться, что среди тех паршивцев есть и офицеры, – пробормотал Шарп, – извините, конечно, сэр.

– Вон они! – воскликнул Гуден.

И действительно, из-за кустов под двумя пальмами появились трое красномундирников. Вооруженные подзорными трубами, они рассматривали крепостные стены. Неподалеку паслись три лошади.

Шарп опустил на колено перед ружейной бойницей. Чисто инстинктивно он понимал, что дистанция слишком велика для огнестрельного оружия, но о винтовках говорили, что они способны на чудеса, и ему не терпелось самому проверить слухи.

– Бери того, что слева, Билл, и стреляй сразу после меня. – Он оглянулся – полковник отошел на несколько шагов, чтобы дым от выстрелов не мешал оценить результат, и поднял подзорную трубу. – Целься как следует, – тихо добавил Шарп. – Это, скорее всего, просто какие-то кавалеристы, так что если всадим им в задницу по пуле, большого вреда не будет. – Он прицелился.

Прицел у винтовки был совсем другой, не то что грубая нашлапка, служившая мушкой для мушкета. Человек, стоящий перед наведенным на него с расстояния в пятьдесят футов мушкета, имеет неплохие шансы уцелеть – точность же прицела винтовки, казалось, подтверждала ее репутацию. В руки Шарпу попало настоящее орудие убийства.

Он устроился поудобнее, подвел прицел к мишени и осторожно поднял ствол, чтобы придать пуле нужную траекторию. Ветра практически не было, так что выстрелу ничто не мешало. Шарп никогда не стрелял из винтовки, но знал, что в таком деле главное – здравый смысл. Мысль о том, что пуля может убить своего, ничуть его не беспокоила. Печальная необходимость, тяжкая обязанность – но иначе доверия Гудена не заслужить. А без доверия не будет и свободы, которая могла бы дать возможность уйти из города. Он глубоко вдохнул, наполовину выдохнул и потянул за спусковой крючок. Отдача получилась более резкая, чем при выстреле из мушкета. Лоуфорд выстрелил почти сразу вслед за ним, и дымок от его винтовки смешался с облачком, поднявшимся из дула винтовки Шарпа.

– Писарь выиграл! – с нескрываемым удивлением воскликнул Гуден, опуская подзорную трубу. – Ваша, Шарп, прошла дюймов на шесть выше, а вот вы, Лоуфорд, своего, похоже, уложили наповал. Отличная работа! Просто отличная!

Лейтенант покраснел, но промолчал. Вид у него был обеспокоенный, однако полковник приписал растерянность природной застенчивости.

– Это ваш первый? – мягко спросил он.

– Так точно, сэр, – ответил Лоуфорд, не покривив против истины.

– Вы заслуживаете лучшего, чем быть простым писарем. Отличный выстрел. Вы оба молодцы. – Он забрал винтовки и, посмотрев на огорченного Шарпа, рассмеялся. – Ожидали лучшего?

– Так точно, сэр.

– У вас еще получится. Шесть дюймов в сторону на таком расстоянии – очень хороший выстрел. Очень хороший. – Повернувшись, Гуден увидел, как двое красномундирников отгаскивают третьего к лошадям. – Думаю, – продолжал он, – у вас природный талант, Лоуфорд. Поздравляю. – Полковник пошарил в сумке и извлек горсть мелких монет. – Аванс в счет платы. Отлично. Свободны!

Шарп бросил взгляд на западную стену с надеждой разгадать ее тайну, но не увидел ничего особенного и, повернувшись, последовал за Лоуфордом вниз. Лейтенанта трясло.

– Я не хотел его убивать! – прошипел он.

– А я хотел, – пробормотал Шарп.

– Боже, что я наделал! Я ведь целился левее!

– Не будь дураком! – оборвал Лоуфорда Шарп. – Ты добыл нам свободу. И правильно сделал.

Взяв лейтенанта за руку, он потащил его в таверну. Типу был мусульманином, а мусульмане, как известно, проповедуют трезвость, но большинство жителей Серингапатама составляли индусы, и султану достало мудрости не закрывать таверны. Ближайшая к солдатским баракам представляла собой большое, открытое с улицы помещение с десятком столов, за которыми старики играли в шахматы, а молодежь похвалялась воинскими подвигами. Хозяйка таверны, крупная женщина с твердым взглядом, предлагала широкий выбор напитков: в первую очередь, конечно, вино и арак, но также и весьма необычного вкуса пиво. Шарп, выучивший не более пары слов на местном языке, указал на бочку с араком и поднял два пальца. Полосатые туники и мушкеты помогали им сойти за своих, не привлекать ненужного внимания и не возбуждать враждебности.

– Держи. – Он поставил выпивку перед лейтенантом. – Выпей.

Лоуфорд выпил. Залпом.

– Я еще не убивал людей, это первый, – прошептал он, щурясь от крепости напитка.

– Тебя это беспокоит?

– Конечно! Он же был британцем!

– Если хочешь содрать шкуру с кошки, не бойся испачкаться в крови, – утешил лейтенанта Шарп.

– Господи! – сердито бросил Лоуфорд.

Шарп подлил арака из своей кружки в кружку лейтенанта и сделал знак ходившей между столами девушке с кувшином.

– Так было нужно.

– Если бы я промахнулся, как ты, – горестно произнес лейтенант, – Гуден все равно был бы доволен. Ты стреляешь лучше.

– Я стрелял на поражение.

– Что? – изумился Лоуфорд.

– Боже мой, Билл! Нам надо было произвести впечатление на этих ублюдков! – Шарп благодарно улыбнулся девушке, которая наполнила их кружки, и бросил в деревянную миску несколько медных монет. В другой миске лежали какие-то орешки, которыми другие посетители закусывали выпивку, но Шарпу они показались слишком острыми. Подождав, пока девушка отойдет, он снова посмотрел на опечаленного лейтенанта. – А ты думал, все будет легко?

Лоуфорд помолчал, потом пожал плечами:

– Честно говоря, я считал наше предприятие безнадежным.

– Тогда зачем пошел?

Держа чашку обеими руками, Лоуфорд пристально посмотрел на Шарпа, будто взвешивая, стоит отвечать или нет.

– Хотел быть подальше от Морриса, – признался он наконец. – Ну и... хотелось приключений. – Лейтенант смущенно замолчал, жалея о том, что наговорил лишнего.

– Моррис – скотина, – с чувством заметил Шарп.

Лоуфорд нахмурился.

– Он просто устал, – с легкой укоризной сказал он и направил разговор в сторону от опасной темы, чреватой критикой старших офицеров. – А еще я пошел, потому что многим обязан своему дяде.

– И чтобы отличиться?

Лейтенант поднял голову, немного удивленно посмотрел на собеседника, потом кивнул:

– Да, и поэтому тоже.

– Как и я. Только сначала, пока генерал не сказал, что мы пойдем вдвоем, я собирался сбежать.

Откровенное признание рядового шокировало Лоуфорда.

– Ты хотел дезертировать? Правда?

– Ради бога, перестань! Как ты думаешь, легко служить под таким офицером, как Моррис, и таким сержантом, как Хейксвилл? Эти скоты нас и за людей не считают. А ведь большинство хотят исправно и честно делать свое дело. Ну, может, не совсем честно. Деньги ведь нужны всем. И к бабе иногда тянет. А вот чего никому не хочется, так это чтобы его били. И драться мы умеем по-настоящему. Если бы нам доверяли, а не обращались как с врагом, мы бы творили чудеса.

Лоуфорд промолчал.

– В нашей роте есть отличные ребята, – продолжал Шарп. – Том Гаррард, например, в военном деле разбирается получше иных офицеров, но его никто не замечает. Вы ведь считаете, что если человек не умеет читать и писать, то ему и доверять нельзя.

– Армия меняется, – попытался возразить лейтенант.

– Черта с два она меняется. Почему нас заставляют посыпать волосы мукой? Мы что, бабы? А чертов воротник? Кому это нужно?

– Не все сразу. Перемены идут медленно, – защищался Лоуфорд.

– Слишком медленно! – Выплеснув наболевшее, Шарп прислонился к стене и стал наблюдать за девушками, занимавшимися готовкой в дальнем углу таверны.

Интересно, шлюхи они или нет? Хиксон и Блейк уже сообщили ему, где найти самых лучших продажных женщин. Шарп вдруг вспомнил о Мэри и виновато вздохнул. Они не виделись с того дня, как попали в Серингапатам, но он думал о ней не очень часто. Сказать по правде, ему здесь нравилось: хорошая кормежка, дешевая выпивка, вполне приятная компания и вдобавок ко всему пьянящее ощущение опасности.

– Ничего, теперь будет полегче. Показали мы себя неплохо, так что станет посвободнее. А там, смотришь, и случай вырваться представится.

– А как же миссис Биккерстафф?

– Я только что о ней думал. Может быть, ты и прав. Может, не надо было брать ее с собой. Но и оставить ее в армии я не мог, так ведь? Хейксвилл продал бы ее кину.

– Кину?

– Да, по-нашему, сутенеру.

– Неужели он собирался ее продать?

– Он хотел повернуть дельце вместе с Моррисом. Этот урод Хейксвилл сам мне все рассказал. В ту ночь, когда я ему врезал. Он меня вывел. Рассчитал все так, чтобы я дал ему по морде. А Моррис с лизоблюдом Хиксом только того и ждали. Я, конечно, дурак, что попался на крючок, но что теперь жалеть.

– Ты можешь это доказать?

– Доказать! – усмехнулся Шарп. – Конечно, не могу, но так все и было. – Он тяжело вздохнул. – Вот только что мне теперь делать с Мэри?

– Ты должен взять ее с собой, – твердо проговорил Лоуфорд.

– А если не смогу?

Несколько секунд лейтенант пристально смотрел на него, потом покачал головой:

– Какой ты жестокий.

– Я солдат. Солдату положено быть жестоким. – Шарп сказал это с показной гордостью, хотя понимал, что гордиться нечем, но надо же как-то защищаться. И что теперь делать с Мэри? Да и где она? Он допил арак и хлопнул в ладоши, требуя еще. – Хочешь найти себе библи на ночь?

– Что? Шлюху? – в ужасе переспросил Лоуфорд.

– Думаю, от приличной женщины в нашем случае толку будет мало. Разве что тебе хочется просто поговорить.

Некоторое время лейтенант смотрел на Шарпа со смешанным выражением ужаса и неприязни.

– Наш долг сейчас, – тихо проговорил он, – найти Рави Шехара. Может быть, у него есть возможность передать сообщение из города.

– И как мы его найдем? – возразил Шарп. – Будем расхаживать по улицам и спрашивать, где он живет? По-английски? Нет. Найти Шехара я попрошу Мэри, когда увижу ее. – Он ухмыльнулся. – К дьяволу Шехара. Так как насчет библи?

– Пожалуй, я лучше почитаю.

– Решай сам, – беззаботно отозвался Шарп.

Лоуфорд опасливо оглянулся.

– Просто я видел, что бывает от сифилиса, – покраснев, объяснил он.

– Боже! Ну и что? Ты ведь видел, как люди блюют, но пить после этого не перестал. Да и чего бояться? Слава богу, у нас есть ртуть. Хейксвиллу, к примеру, она помогла. Уж и не знаю почему. К тому же Генри Хиксон сказал, что знает, где найти чистых девушек. Впрочем, они все так говорят. Ладно, уговаривать не буду. Хочешь портить глаза чтением Библии – валяй, дело твое. Но только помни, что зрение тебе никакая ртуть не поправит.

Лоуфорд немного помолчал, потом, не поднимая головы, робко пробормотал:

– Может, я и пойду с тобой.

– Узнать, как живет другая половина? – усмехнулся Шарп.

– Вроде того.

– Я так тебе скажу, неплохо живет. Нам бы немного денег и пару бабенок поговорчивей, и мы бы жили как короли. Ну что, по последней, а? Пехота не сдастся, верно?

Лоуфорд уже был красный как рак.

– Но ты ведь никому ничего не скажешь, когда мы вернемся?

– Я? – Шарп изобразил оскорбленную невинность. – Да чтоб мне провалиться. Буду нем как могила. Никому ни слова – обещаю.

С тревогой понимая, что теряет остатки достоинства и самоуважения, лейтенант тем не менее не желал утратить уважение рядового. Уверенность Шарпа придавала сил, его способность не теряться в самых сложных ситуациях вызывала зависть. Вот если бы и ему стать когда-нибудь таким же, как этот ловкий, сметливый и неунывающий парень! Лейтенант подумал о Библии, ждущей его на койке в бараке, и своем обещании матери прилежно читать Священное Писание. Послав первое и второе ко всем чертям, Уильям Лоуфорд допил остатки арака, схватил мушкет и вышел вслед за Шарпом в сгущающиеся сумерки.

* * *

Все в городе готовились к осаде. Кладовые заполнялись продуктами, ценности поспешно убирались в надежные места на случай, если вражеские армии прорвутся через укрепления. В садах выкапывали ямы, куда складывали деньги и украшения, а в некоторых богатых домах даже устраивали потайные комнаты, где женщины могли бы переждать первые, самые опасные дни, когда по улицам разбегутся жаждущие добычи и удовольствий захватчики.

Мэри помогала прислуге генерала Аппы Рао подготовиться к надвигающемуся испытанию. Ее не оставляло чувство вины, но не за то, что она сама еще недавно была с той самой армией, которая угрожала сейчас всему городу, а за то, что неожиданно для себя самой обрела в этом большом доме покой и счастье.

Вначале, когда генерал разлучил их с Шарпом, Мэри испугалась, но потом Рао привел ее к себе домой и заверил, что здесь она в полной безопасности.

– Вас нужно привести в порядок, – сказал генерал.

Обращался он с Мэри вежливо, но достаточно сдержанно, что объяснялось, по-видимому, ее растрепанным видом и предвзятым отношением, сформировавшимся на основании увиденного и услышанного во дворце Типу. Возможно, он не считал ее подходящим дополнением к уже имевшимся в его распоряжении многочисленным слугам, но Мэри знала английский, а генерал был достаточно прозорливым человеком, чтобы понимать, каким преимуществом станет в будущем владение этим языком для трех его сыновей, которым предстояло дожить до этого будущего и сыграть немалую роль в истории Майсура.

– Со временем вы воссоединитесь со своим женихом, – пообещал Рао, – но пока будет лучше дать ему возможность устроиться на новом месте.

И вот прошла неделя, а Мэри совсем не горела желанием покидать гостеприимный дом. В первую очередь по той простой причине, что дом был полон женщин, которые с самого начала взяли ее под свою опеку и относились к ней с удивительной добротой. Жена генерала Лакшми, высокая, полная женщина с преждевременно поседевшими волосами и заразительным смехом, приняла новую служанку под свое крыло. У нее были две взрослые незамужние дочери, и, хотя в доме хватало прислуги, Мэри с удивлением обнаружила, что и сама Лакшми, и ее дочери отнюдь не чужаются работы. Нет, они не мыли полы и не носили воду – этим занимались другие, – но хозяйка много времени проводила на кухне, откуда ее жизнерадостный смех долетал до самых дальних уголков.

Именно Лакшми, побранив Мэри за то, что она такая грязная, заставила ее снять европейскую одежду и усадила в ванну, а потом сама же расчесала и вымыла ей волосы.

– Ты могла бы быть очень красивой, если бы чуточку постаралась, – сказала она.

– Я не хотела, чтобы на меня обращали внимание.

– Вот доживешь до моих лет, милая, и тогда уже никто не станет обращать на тебя никакого внимания, а пока молодая, принимай все, что предлагают. Так ты, говоришь, вдова?

– Я была замужем за англичанином, – поторопилась ответить Мэри, объясняя тем самым отсутствие брачного знака у себя на лбу и предваряя возможное недовольство хозяйки тем, что она не взошла на похоронный костер супруга.

– Что ж, теперь ты свободная женщина, так что давай покажем тебя во всей красе, – рассмеялась Лакшми и, призвав на помощь дочерей, впервые взялась за молодую женщину по-настоящему.

Они причесали ей волосы и собрали их в пучок на затылке. Служанка принесла охапку одежды, и Мэри предложили выбрать себе чоли. – Возьми вот эту, – сказала Лакшми.

Чоли называлась короткая блузка, прикрывающая груди, плечи и предплечья, но оставляющая открытой почти всю спину, и смущенная Мэри инстинктивно остановила выбор на самой скромной. Но не тут-то было.

– У тебя такая чудесная светлая кожа – покажи ее! – решительно заявила Лакшми и сама подала ей коротенькую чоли, экстравагантно расписанную алыми цветами и желтыми листьями. Хозяйка обтянула рукавчики и неожиданно спросила: – Так почему ты сбежала с этими двумя мужчинами?

– В полку был один человек... Очень плохой человек. Он хотел... – Мэри вздохнула и пожала плечами. – Вы и сами знаете.

– Ох уж эти солдаты! – Лакшми неодобрительно покачала головой. – Ну а эти двое, они-то хорошо с тобой обращались?

– Да, да. – Мэри вдруг захотелось, чтобы Лакшми была о ней хорошего мнения, а хорошего мнения быть не могло, если бы жена генерала узнала, что ее служанка сбежала из армии с любовником. – Один из них, – застенчиво соврала она, – мой сводный брат.

– О! – произнесла Лакшми таким тоном, как будто теперь ей все стало ясно. Муж уже рассказал ей историю Мэри, но мудрая женщина решила сделать вид, что приняла на веру объяснение девушки. – А другой?

– Он просто друг моего брата. – Мэри покраснела, но этого как будто никто не заметил. – Они оба защищали меня.

– Вот и хорошо. Вот и хорошо. А теперь надень вот это. – Лакшми протянула сорочку, а когда Мэри надела ее, туго завязала на спине и начала перебирать сари. – Зеленое. Тебе пойдет. – Она развернула полотно зеленого шелка четырех футов в ширину и примерно двадцати в длину. – Знаешь, как носят сари?

– Мама учила меня...

– В Калькутте? – фыркнула Лакшми. – Что они знают о сари в Калькутте? Эти скупые северяне. Дай-ка мне. – Она один раз обернула полотно вокруг тонкой талии Мэри, заправила края под нижнюю юбку, после чего пустила в ход все остальное, оборачивая ткань не плотно, а свободно.

Мэри могла бы и сама все сделать, но ей не хотелось лишать Лакшми очевидного удовольствия. Остаток материала хозяйка перекинула через левое плечо, сделала петлю и подтянула шелк таким образом, чтобы он спадал элегантными складками.

– Прекрасно! – воскликнула Лакшми, отступив на пару шагов. – А теперь идем, ты поможешь нам на кухне. Твое старье мы сожжем.

По утрам Мэри учила генеральских детей английскому. Мальчики были способные, схватывали все на лету, так что время проходило не без удовольствия. Во второй половине дня она помогала по дому, а вечерние обязанности Мэри заключались в том, чтобы зажечь масляные лампы. Это-то занятие и свело ее с Кунваром Сингхом, который примерно в то же время обходил дом, проверяя, все ли ставни закрыты и все ли двери заперты. Кунвар Сингх был начальником генеральской стражи, но большая часть его обязанностей касалась дома, поскольку в городе генерала охраняли солдаты. Мэри узнала, что молодой человек приходится генералу дальним родственником, но в наружности высокого и статного молодого человека, манеры которого отличались как любезностью, так и сдержанностью, ее поразила странная, неизбывная печаль.

– Мы не любим об этом говорить, – заметила Лакшми, когда две женщины шелушили на кухне рис.

– Извините, что спросила.

– Его отец обесчестил свое имя, – продолжала тем не менее говорливая хозяйка. – И навлек позор на всю семью. Он управлял нашими землями неподалеку от Седассера и обкрадывал нас! Воровал! Когда это вскрылось, он, вместо того чтобы отдаться на милость моему

мужу, ушел в разбойники. В конце концов люди Типу схватили его и казнили. Бедный Кунвар. Мужчине тяжело жить с таким позором.

– А разве не меньший позор быть замужем за англичанином? – со вздохом спросила Мэри, почему-то почувствовавшая в этом живом и веселом доме, что жила до сих пор не так. Наполовину англичанка, она теперь постоянно вспоминала свою мать, отвергнутую родными и близкими после брака с англичанином.

– Позор? Какой же это позор? Что за ерунду ты говоришь, девочка! – укорила ее Лакшми и на следующий день дала Мэри поручение отнести продукты свергнутому малолетнему радже Майсура, жившему с милостивого позволения Типу в крайней бедности в маленьком домике к востоку от Внутреннего дворца. – Но одна ты не пойдешь – на улицах полным-полно солдат. Кунвар! – Хозяйка улыбнулась про себя, увидев, как вспыхнуло радостью лицо молодой женщины, отправившейся в путь под надежной защитой Кунвара Сингха.

Мэри действительно была счастлива, но при этом чувствовала себя виноватой. Она знала, что должна попытаться найти Шарпа, который, как ей казалось, скучал без нее, но в доме Аппы Рао было так покойно, так безмятежно, что ей недоставало сил разрушить внезапно обрушившееся счастье возвращением в прежний мир. Она чувствовала себя на своем месте и, хотя город был окружен врагами, в полной безопасности. Когда-нибудь, говорила себе Мэри, она отыщет Шарпа, и тогда все как-нибудь образуется, но, успокаивая себя такими рассуждениями, она не делала ничего, чтобы приблизить этот день. А пока молодая вдова продолжала чувствовать себя виноватой и никогда не начинала зажигать лампы, не услышав стук первого ставня.

Что касается Лакшми, давно и тщетно подыскивавшей бедняге Кунвару Сингху подходящую невесту, то она только посмеивалась.

* * *

После того как британская и хайдарабадская армии расположились лагерем к западу от Серингапатама, военные действия перешли в стадию, одинаково признаваемую обеими сторонами. Союзники держались вне зоны досягаемости самых крупных орудий противника, но установили линию пикета вдоль акведук, проходившего через поля примерно в полумиле от города, и разместили там легкую артиллерию и пехоту, чтобы прикрывать район, по которому они намеревались проложить траншеи. После прокладки траншей можно было бы приступить к настоящей осаде, но, к несчастью, южнее выбранного участка проложенный на искусственной насыпи акведук делал поворот на запад, и как раз за этим поворотом обнаружилась топе, густая рощица, из которой люди Типу вели ружейный огонь по британским пикетам и запускали ракеты в сторону передовых британских позиций. Ракеты, не нанося сколь-либо заметного вреда, доставляли все же немало неприятностей. Одна сбившаяся с курса ракета пролетела целую тысячу ярдов и угодила в ящик с боеприпасами, вызвав взрыв, который, в свою очередь, отозвался взрывом восторга на далеких крепостных стенах.

Генерал Харрис терпел дерзкие выпады в течение двух дней, после чего решил, что пришло время захватить акведук и очистить злосчастную рощу. Соответствующие приказы были написаны и переданы от генерала полковнику, от полковника капитанам, а уже от капитанов сержантам.

– Приготовьте людей, сержант, – сказал Моррис Хейксвиллу.

Хейксвилл сидел в собственной палатке – такую роскошь среди сержантов 33-го полка мог позволить себе только он один. Прежде палатка принадлежала капитану Хьюзу и после его смерти от лихорадки подлежала продаже с аукциона вместе с прочими вещами, но Хейксвилл молча забрал ее себе, а спорить с ним никому не хотелось. Его слуга Раджив, несчастный, слабоумный бедолага из Калькутты, наводил блеск на сержантские сапоги, а потому до палатки Морриса Хейксвиллу пришлось идти босиком.

– Приготовить, сэр? Они готовы. – Сержант прошелся придиричивым взглядом по палаткам роты. – А если кто не готов, сэр, то шкуру сдерем со всех. – Физиономия его задергалась.

– Боезапас на шестьдесят выстрелов.

– Как всегда, сэр! Согласно инструкции, сэр!

Моррис, одолевший за ленчем почти три бутылки вина, пребывал не в том расположении духа, чтобы довольствоваться хитроумными эквивоками Хейксвилла. Обругав сержанта, он указал на юг, куда только что, оставляя дымный след, улетела очередная ракета:

– Сегодня, идиот! Сегодня ночью мы должны очистить от нехристей ту рошу.

– Мы, сэр? – переспросил встревоженный такой перспективой Хейксвилл. – Только мы?

– Весь батальон. Ночная атака. Смотр на закате. Всех, кто будет пьян, – под розги!

Исключая офицеров, подумал Хейксвилл, вытягиваясь в струнку.

– Есть, сэр! Смотр на закате, сэр! Разрешите исполнять, сэр? – И, не дожидаясь разрешения, вышел из палатки. – Сапоги! Подать их сюда! Живей, скотина черномазая! – Отвесив Радживу тумака, он вырвал сапоги, обулся и, схватив слугу за ухо, подтащил к стоявшей, наподобие знамени, у входа в палатку алебарде. – Наточить! – проревел сержант в багровое ухо несчастного мальчугана. – Наточить! Ты понял, тупоумный придурок? Чтоб была острая! – Наградив Раджива оплеухой, он выбрался из палатки и заорал: – Подъем! Живее! Шевелись! Пора отрабатывать жалованье! Ты что, Гаррард, пьян? Если пьян, я позабочусь, чтобы тебя погладили по ребрам!

С заходом солнца батальон выстроился для смотра и, к немалому своему удивлению, обнаружил, что для проведения оногo явился сам полковник Артур Уэлсли. Рядовой состав встретил эту новость с явным облегчением, поскольку все уже знали о предстоящей вылазке и никто не горел желанием идти в бой под командой майора Ши, до такой степени нагрузившего араком, что в седле его заметно покачивало. Считая Уэлсли бессердечным и черствым, люди знали его как опытного и не склонного к авантюрам солдата, а потому появление полковника на белом коне заметно подняло общее настроение. Каждый должен был предъявить шестьдесят патронов, и имена тех, кто не мог этого сделать, тут же брались на заметку для последующего наказания. Два батальона сипаев выстроились позади британцев, и, как только солнце скрылось за горизонтом, все три подразделения двинулись маршем в направлении акведука на юго-восток. Другие батальоны ушли левее, готовясь атаковать северную часть акведука.

– Что будем делать, лейтенант? – обратился Том Гаррард к новоиспеченному лейтенанту Фицджеральду.

– Разговорчики в строю! – взревел Хейксвилл.

– Он разговаривает со мной, сержант, – оборвал его лейтенант. – И окажите любезность – впредь не вмешивайтесь в мои частные беседы. – Благодаря этому ответу акции Фицджеральда мгновенно пошли вверх.

Впрочем, в роте этот жизнерадостный и беззаботный офицер всегда пользовался популярностью.

Хейксвилл недовольно заворчал. Фицджеральд похвалялся тем, что его брат – рыцарь, но на сержанта такие заявления впечатления не производили. Настоящий офицер в вопросах дисциплины полагается на сержантов, он не зарабатывает дешевую популярность тем, что болтает как сорока с солдатами по пустякам и обменивается с ними солеными шуточками. Факт был налицо – лейтенантик невзлюбил сержанта, пользовался каждым удобным случаем, чтобы подорвать или принизить его власть, и Хейксвилл не собирался терпеть такое положение. Лицо его перекосилось от злобы. Сейчас он был бессилен, но придет время, и урок зарвавшегося юнцу будет преподан. И чем скорее, тем лучше.

– Видишь те деревья впереди? – объяснял Гаррарду лейтенант. – Наша задача – выбить оттуда ребят Типу.

– И сколько же их там, сэр?

– Сотни! – бодро воскликнул Фицджеральд. – И у всех дрожат коленки при мысли о том, какую взбучку им зададут парни Тридцать третьего полка.

Коленки у ребят Типу, может быть, и тряслись, но они ясно видели приближающиеся батальоны, и их ракетчики уже приветствовали наступающих нестройным, но яростным залпом. Ракеты взмыли в темнеющее небо, разбрасывая фейерверки неестественно ярких искр, достигли апогея и устремились на британскую и индийскую пехоту.

– Держать строй! – крикнул кто-то из офицеров, и все три батальона стоически продолжали марш под градом падающих на них и взрывающихся ракет.

В строю слышались смешки – точность стрельбы оставляла желать много лучшего, – но офицеры и сержанты призвали к тишине. Между тем ракеты все падали и падали. Большинство взрывались далеко в стороне, но некоторые просвистели над головой, заставляя пригнуться, а одна ударилась о землю в нескольких ярдах от роты легкой пехоты, разбросав острые осколки расколовшейся жестянки. По колоннам прокатился смех, но тут кто-то увидел, как лейтенант Фицджеральд пошатнулся и с трудом устоял на ногах.

– Сэр!

– Пустяки, ребята, пустяки, – отозвался лейтенант. Один кусок железной трубы разрезал ему левую руку, а второй зацепил затылок, и кровь стекала по волосам, но от помощи Фицджеральд отказался. – Ирландца какой-то железякой с ног не собьешь, верно, О’Рейли?

– Так точно, сэр, – подтвердил рядовой-ирландец.

– Голова крепче бочонка, это про нас, – добавил лейтенант, напяливая треуголку. Левая рука онемела, кровь пропитала рукав до запястья, но он держался.

Внутри у Хейксвилла все кипело. Как смеет этот мальчишка командовать им! Чертов сопляк! Еще и девятнадцати нет, родничок не затянулся. Сержант рубанул алебардой по кактусу, но не рассчитал силу, и мушкет свалился с левого плеча. Обычно он не брал ружье, но в этот вечер вооружился до зубов: мушкет, алебарда, штык и пистолет. Не считая короткой стычки в Малавелли, Хейксвилл давненько не бывал в бою и вовсе не переживал по этому поводу, но уж если сражения не избежать, то разумнее быть вооруженным лучше возможного противника.

К тому времени когда Уэлсли остановил три батальона, солнце давно опустилось за горизонт, хотя небо на западе еще розовело отсветом ушедшего дня, и в этом бледном зареве батальон перестроился в шеренгу. Два батальона сипаев ждали в четверти мили за ним. Искристые хвосты ракет становились все ярче, они взбирались все выше в безоблачное сумеречное небо, на котором уже проступили первые звезды. Снаряды свистели, прочерчивая темноту, и тянущиеся за ними дымные полосы казались еще более зловещими из-за шипящего пламени. Десятки железных труб валялись на земле, помигивая чахнувшими огоньками. Впечатляющее оружие, но настолько неточное, что его не пугались даже новички. Страх, однако, еще не успел умереть, когда на выступе акведука вспыхнули вдруг яркие искры. Их тут же накрыло облако порохового дыма, из-за которого спустя несколько секунд долетел звук ружейного залпа, но расстояние было слишком велико, и пули не долетели до цели.

Уэлсли на полном скаку подлетел к майору Ши, отдал короткую команду и помчался дальше.

– Фланговые роты! – крикнул полковник. – Шеренгой – вперед!

– Это мы, парни, – бросил Фицджеральд и обнажил саблю. В левой руке пульсировала боль, но драться он мог и правой.

Две роты, гренадерская и легкая, выдвинулись вперед с флангов батальона. Уэлсли остановил их, перестроил в цепь из двух шеренг и приказал зарядить мушкеты. Зазвенели шомпола.

– Пристегнуть штыки! – подал команду полковник, и солдаты выхватили семнадцатидюймовые клинки, спеша вставить их в бороздки на стволах.

Ночь уже вступила в свои права, но духота не спадала, накрывая землю влажным одеялом. Тут и там люди шлепали себя по лицу, отгоняя moskitov.

Полковник остановился перед строем.

– Наша задача – сбросить противника с насыпи, – чеканя каждое слово, заговорил он. – Как только мы это сделаем, майор Ши с оставшейся частью батальона очистит от врага рощу. Капитан Уэст?

– Сэр! – Фрэнсис Уэст, командир гренадерской роты, был старше Морриса, а потому стоял во главе двух рот.

– Можете выступать.

– Есть, сэр! Подразделение! Вперед!

– Я в твоих руках, мама, – пробормотал Хейксвилл. – Позаботься обо мне! О Господи на небесах! Они стреляют в нас... черномазые ублюдки. Мама! Это я, твой Обадайя, мама!

– Держать строй! – крикнул сержант Грин. – Не забегать! Ровнее!

Капитан Моррис спешил и вытащил саблю. С каждой минутой ему становилось все хуже.

– Зададим им жару!

– Лучше б жару задала артиллерия, – пробормотал кто-то неподалеку.

– Кто это сказал? – заорал Хейксвилл. – Заткните свои поганые рты!

В ночи затрещали выстрелы, засвистели первые пули. Люди Типу вели огонь с насыпи акведука, и вспышки были хорошо видны на темном фоне рощи. Строй наступающих начал ломаться, растягиваться, и замыкающим капралам с трудом удавалось поддерживать боевой порядок. Было темно, но линия деревьев вырисовывалась на фоне неба довольно ясно. Оглянувшись, лейтенант Фицджеральд увидел, что горизонт на западе еще продолжает тлеть, а значит, наступающая рота видна противнику как на ладони. Отступать, однако, было уже поздно. Он добавил шаг, спеша первым достичь насыпи. Уэсли находился сзади, и лейтенанту хотелось произвести на полковника хорошее впечатление.

От акведука последовал очередной залп; яркие точки вспыхнули и моментально погасли, но огонь не отличался точностью, потому что батальон двигался по более темной, укрытой ночными тенями низине, а стрелкам мешал дым их собственных мушкетов. Вдалеке, слева, другие батальоны штурмовали северный отрезок насыпи, и оттуда уже доносились победные крики. Оценив обстановку, капитан Уэст отдал приказ атаковать, и две фланговые роты, словно сорвавшись с поводка, шумно ринулись на приступ.

Расстояние до насыпи оказалось не таким уж и коротким. Противник встретил наступающих беспорядочным, но плотным огнем. Люди бежали, охваченные одним желанием: поскорее все закончить. Убить пару-тройку нехристей, обшарить пару-тройку тел и вернуться живым в лагерь. Еще один рывок... подняться на насыпь...

– Вперед, ребята!

Взбежав по короткому крутому склону на вершину, лейтенант с удивлением обнаружил, что противника нет, а перед ним поблескивает темная полоска воды. Взлетевшая вслед за Фицджеральдом шеренга остановилась...

И в это мгновение с другого берега последовал залп. Скрытые в тени густой рощи, люди Типу были практически невидимы в отличие от британской пехоты, представшей перед ними на фоне темнеющего, но еще далеко не темного неба.

На сей раз пули достигли цели. Ширина акведука составляла не более десяти шагов, а с такого расстояния промахнуться трудно. Майсурская пехота била едва ли не в упор. Справа и слева от лейтенанта люди со стонами и молча падали на землю. Кто-то свалился с насыпи. Несколько секунд никто не знал, что делать. Какой-то солдат с оторванной ракетой ногой с

хрипом сполз в заросший травой канал, и по воде расплылись темные круги крови. Некоторые из красномундирников, не дожидаясь приказа, открыли ответный огонь, но стреляли они вслепую, ничего и никого не видя. Раненые сползали вниз по насыпи, убитые устилали землю, а остальные, ошеломленные стрельбой, криками, стонами и свистом ракет, замерли в полной растерянности. Капитан Моррис тупо смотрел в темноту. Ему и в голову не приходило, что роте придется форсировать акведук. Он почему-то считал, что роща находится на этой стороне канала, и теперь пребывал в состоянии, близком к панике. Первым, кто принял решение, был лейтенант Фицджеральд. Прыгнув в канал, он оказался по пояс в воде.

– За мной, парни! Вперед! Их там не так уж много! – Его обнаженная сабля блеснула в свете луны. – Выбьем их из рощи! За мной, рота!

– Вперед, ребята! – прокричал сержант Грин, и примерно половина роты устремилась в темную, густую от водорослей воду.

Другие колебались, ожидая команды капитана Морриса, но капитан никак не мог собраться с мыслями, а сержант Хейксвилл отсиживался у подножия насыпи, боясь высунуть голову.

– Вперед! Вперед! – закричал Уэлсли, раздраженный нерешительностью своих офицеров. – Не останавливаться! Капитан Уэст! Вперед! Не стойте! Капитан Моррис! Шевелитесь!

– Господи! Мама! – воззвал Хейксвилл, карабкаясь по насыпи. – Иисусе! – всхлипнул он, ступая в теплую воду.

Фицджеральд и последовавшая за ним часть роты уже добрались до противоположного берега и устремились в рощу, откуда доносились крики, выстрелы и звон сабель.

Удостоверившись, что две фланговые роты вышли наконец из оцепенения и двинулись вперед, Уэлсли отправил адъютанта к майору Ши. Между тем ружейный огонь в роще не умолкал, выстрелы следовали один за другим, и каждый на мгновение вырывал из темноты расплывающийся между деревьями туман порохового дыма. Казалось, ад снизошел на землю: разрывающие темноту вспышки пламени, грохот, с шипением проносящиеся стрелы ракет, душераздирающие стоны умирающих и крики раненых. Кто-то из сержантов тщетно призывал сомкнуть ряды, кто-то отчаянно призывал на помощь товарищей. Фицджеральд подбадривал людей, увлекая их вперед, но противник давил, заставляя британцев отступать, прижиматься к насыпи. Лишь теперь Уэлсли понял, что все пошло не так. Вместо двух фланговых рот нужно было бросать на акведук весь батальон. Признание ошибки далось нелегко. Он с гордостью считал себя настоящим профессионалом, но что толку от профессионала, если он не в состоянии выбить вражескую пехоту из небольшого леска? В какой-то момент полковник уже почти решил пришпорить Диомеда, проскочить через акведук и исчезнуть в пороховом дыму, но он сдержал импульс, понимая, что потеряет тогда связь с остальными частями и прежде всего с майором Ши, восемь рот которого были так нужны сейчас здесь для поддержки наступления. При необходимости полковник мог бы вызвать на подкрепление два батальона сипаев, но он не сомневался, что для победы будет достаточно и собственных сил, а потому, развернув коня, поскакал к батальону.

Перебравшись на другой берег канала, Хейксвилл спрятался в тени между деревьями. В левой руке он держал мушкет, в правой – алебарду. Притаившись за стволом, сержант осторожно огляделся, стараясь понять, что происходит вокруг. Он видел вспышки выстрелов; яркое пламя на мгновение освещало вихрящиеся клубы дыма и дрожащие на ветках листья. Он слышал крики и треск сучьев. Рядом стояли несколько солдат из его роты, но Хейксвилл не знал, что им сказать. Потом слева, совсем рядом, раздался вдруг страшный вопль, и сержант, повернувшись, увидел бегущих к нему людей в полосатых, напоминающих кожу тигра туниках. Завопив в панике, он выстрелил с одной руки, наугад, и, бросив мушкет, помчался в гущу леса. Кое-кто из британцев последовал его примеру, другие, не столь расторопные, остались на месте и были сметены. Крики их заглохли под ударами штыков. Понимая, что та же участь

ждет и его, Хейксвилл помчался к краю рощи. Где-то неподалеку слышался растерянный голос капитана Морриса, призывавшего его к себе.

– Я здесь, сэр! – откликнулся Хейксвилл. – Здесь, сэр!

– Где?

– Здесь, сэр!

В роще гроыхали выстрелы, пули глухо стучали по стволам деревьев, вверх, с визгом круша ветки, проносились ракеты. Выбрасываемое ими пламя слепило людей, а взрываясь, они осыпали солдат дождем горячих осколков и порубленной листвы.

– Мамочки! – вскрикнул сержант, бросаясь под дерево.

– В шеренгу! – скомандовал Моррис. – Ко мне! В шеренгу!

С десяток оказавшихся поблизости солдат образовали подобие боевого строя. В отсвете взрывающихся ракет их штывы были словно окрашены кровью. Рядом с сержантом умирал раненый. Кричать он не мог, и из горла вместе с дыханием вырывались только булькающие хрипы. Следующий залп заставил солдат пригнуться, и, хотя пули прошли далеко, Моррис тоже присел от страха. На несколько секунд шум почти прекратился, и в этой паузе капитан попытался понять и оценить ситуацию.

– Лейтенант Фицджеральд!

– Я здесь, сэр! – донесся из темноты уверенный голос. – Впереди вас. Мы их выбили, сэр, но они еще кусают нас с фланга. Слева, сэр. Будьте осторожны. – Удивительно, но ирландец, судя по бодрому тону, ничуть не растерялся.

– Прапорщик Хикс!

– Здесь, сэр, справа от вас, – пропищал у него за спиной Хикс.

Моррис выругался. Он надеялся, что Хикс привел подкрепление, но, похоже, в этом хаосе потерялись все, кроме чертова ирландца.

– Фицджеральд! – крикнул капитан.

– Здесь, сэр! Мы им тут крепко врезали.

– Вы нужны мне здесь, лейтенант. Хейксвилл, вы где?

– Здесь, сэр, – подал голос сержант, не покидая, однако, своего укрытия в кустах. Он находился в нескольких шагах от Морриса, но вовсе не собирался рисковать головой только ради того, чтобы предстать перед капитаном. – Иду к вам, сэр! – добавил Хейксвилл, не двигаясь с места.

– Фицджеральд! – раздраженно позвал Моррис. – Идите сюда!

– Чтоб тебя, – пробормотал лейтенант. Левая рука не повиновалась и висела бесполезной плетью – рана, похоже, оказалась серьезнее, чем представлялось вначале. Он подозвал одного из солдат и попросил перевязать руку платком в надежде остановить кровотечение. В голове стучала неприятная мысль о гангрене, но Фицджеральд отогнал ее, приказав себе сосредоточиться на спасении остатков роты. – Сержант Грин?

– Сэр? – откликнулся Грин.

– Оставайтесь здесь, с людьми, – велел лейтенант. Очистив с дюжиной солдат рошу от противника, он вовсе не собирался сдавать позицию только из-за того, что Моррис утратил контроль над ситуацией. К тому же ирландец был уверен, что враг пребывает в такой же растерянности и что, если Грин не уступит и будет отвечать залповым огнем, победа еще будет за ними. – Сейчас приведу сюда остальных, – пообещал он и, повернувшись, крикнул: – Где вы, сэр?

– Здесь! – нетерпеливо отозвался Моррис. – Побейте, черт бы вас подрал!

– Вернусь через минуту, – еще раз уверил сержанта Фицджеральд и побрел через лес на поиски капитана.

Он слишком отклонился к северу и, поняв это, взял южнее, когда выпущенная с восточной стороны роши ракета с шумом, ломая сучья, обрушилась на высокое дерево. Несколько

секунд она бешено вертелась, запутавшись в сплетении ветвей и распугивая птиц, потом затихла в развилке. Догорая, ракета вспыхнула, выплюнула последний язык пламени, и в этот момент притаившийся за кустом Хейксвилл увидел бредущего прямо на него Фицджеральда.

– Сэр?

– Сержант Хейксвилл?

– Так точно, сэр. Я здесь. Идите сюда.

– Слава богу. – Лейтенант перебежал через полянку. – Никто, похоже, не знает, что делать.

– Я знаю, сэр. Я знаю, что делать, – сказал Хейксвилл и под затухающий треск ракеты выбросил вперед алебарду, отточенное острие которой вошло лейтенанту в живот, легко разорвав шерстяную ткань мундира, кожу и внутренности. – Это не по-солдатски, сэр, перебивать сержанта на виду у рядовых, – почтительно продолжал он. – Теперь вы понимаете, сэр? Понимаете? – Хейксвилл усмехнулся – такой приятный момент.

Наконечник алебарды вошел глубоко, упершись, наверное, в позвоночник. Лейтенант лежал неподвижно, и тело его подрагивало, как у выдернутой из реки и брошенной на берег рыбины. Рот открывался и закрывался, но из горла вырывались только стоны. Хейксвилл изо всех сил повернул алебарду, чтобы вытащить застрявшее в плоти и костях острие.

– Речь идет об уважении, сэр, – прошипел сержант, склоняясь над умирающим. – Об уважении! Офицер должен поддерживать сержанта, сэр, так написано в скрижалях. Не тревожьтесь, больно не будет. Только чуть-чуть. – Он поднял алебарду и, коротко взмахнув, нанес еще один удар, теперь уже по горлу. – Больше не будете задаваться, сэр. Не будете? Вот так-то. Очень жаль, сэр. И спокойной ночи.

– Фицджеральд! – заорал Моррис. – Где вы? Где вас, черт побери, носит?

– Отправился напрямиком в ад, – усмехнулся под нос Хейксвилл, шаря по карманам убитого.

Брать личные вещи, которые могли быть опознаны как принадлежавшие Фицджеральду, он не решился, а потому оставил саблю и позолоченное ожерелье, которое лейтенант носил на шее, и удовлетворился завалявшейся в карманах мелочью. Опустив добычу в сумку, сержант отполз на четвереньках на несколько шагов и огляделся, чтобы убедиться, что никто не видел его рядом с жертвой.

– Кто идет? – спросил Моррис, услышав шорох в кустах.

– Я, сэр! – ответил Хейксвилл. – Ищу лейтенанта Фицджеральда, сэр.

– Лучше иди сюда! – бросил Моррис.

Пробежав последние ярды, сержант упал на землю между капитаном и съезжившимся от страха прапорщиком Хиксом.

– Тревожусь за мистера Фицджеральда, сэр, – прохрипел он. – Слышал шум в кустах. Он через них шел, а там эти черномазые ублюдки сидели. Я точно знаю, сэр. Сам убил двоих.

– Так ты думаешь, они могли его там...

– Боюсь, что да, сэр. Бедняга мистер Фицджеральд. Я пытался его найти, но их там слишком много.

– Господи. – Над их головами зашелестели срезанные пулями листья, и Моррис невольно убрал голову в плечи. – А что сержант Грин?

– Отсиживается где-нибудь, сэр. Бережет свою драгоценную шкуру. Я бы не удивился.

– Мы все, черт побери, отсиживаемся, – буркнул, признавая правду, Моррис.

– Только не я, сэр. Только не Обадаия Хейксвилл. Поработал алебардой... всем бы так. Дал ей отведать черной крови. Хотите пощупать, сэр? – Хейксвилл опустил лезвие. – Пощупайте, сэр, вражью кровь. Еще теплая.

Морриса передернуло от отвращения, однако он немного успокоился. Роща опять наполнилась криками вражеских солдат. Щелкнули курки мушкетов. Поблизости взорвалась ракета,

за ней другая. Третья, прорвавшись через кустарник, врезалась в дерево. Кто-то вскрикнул, коротко, словно захлебнувшись.

– Будь оно проклято, – в бессильной злобе выругался Моррис.

– Может быть, отступим, сэр? – предложил прапорщик Хикс. – Вернемся на ту сторону?

– Нельзя, сэр. – Хейксвилл покачал головой. – Они уже у нас за спиной.

– Уверен?

– Я ведь сам с ними дрался, сэр. Не удержал. Их там слишком много. Целое племя, сэр. Потерял пару хороших парней. – Сержант шмыгнул носом.

– Вы смелый солдат, Хейксвилл, – мрачно заметил Моррис.

– Беру пример с вас, сэр, – отвечивал Хейксвилл, в очередной раз пригибая голову. С северной стороны рощи послышался нарастающий крик – получив подкрепление, воины Типу перешли в контратаку, тесня остатки неверных к каналу. – Господи Иисусе! Но вы не тревожьтесь, сэр. Я не умру, сэр! Меня нельзя убить!

Со стороны акведука донесся шум наступления – прибывшие на подмогу остальные роты 33-го полка преодолевали канал.

– Вперед! – Голос прозвучал оттуда, где никого из британцев уже не могло быть. – Вперед!

– Что еще за чертовщина? Это кто? – Капитан Моррис приподнял голову.

– Ко мне, Тридцать третий! Сюда! Сюда!

– Оставайтесь на месте! – крикнул Моррис нескольким солдатам, уже приготовившимся было отозваться на зов, и они затаились в темноте, где свистели пули и стонали умирающие, где взрывались ракеты и воздух пропитался запахом пролитой крови. В темноте, где правили хаос и страх.

Глава седьмая

– Шарп! Шарп! – Голос принадлежал полковнику Гудену, ворвавшемуся в казарму уже с наступлением темноты. – Идемте! Быстрее! Как есть, скорей!

– А как же я, сэр? – спросил Лоуфорд. Лежа на койке, лейтенант читал Библию.

– За мной, Шарп! – Даже не взглянув на Лоуфорда, Гуден пробежал через двор и выскочил на улицу, отделявшую бараки солдат-европейцев от индуистского храма. – Быстрей, Шарп! – бросил через плечо француз, минуя кучу сложенных на углу кирпичей из обожженной на солнце глины.

Шарп, успевший натянуть сапоги и полосатую тунику, но с непокрытой головой, без ремней и мушкета, мчался за полковником. На бегу он перепрыгнул через полуобнаженного мужчину, сидевшего у ступенек храма, прогнал с пути корову, свернул за угол и понял, что Гуден несет к Майсурским воротам. Что касается Лоуфорда, то он задержался на минуту, чтобы обуться, и когда вылетел на улицу – Шарпа уже и след простыл.

– Можете держаться в седле? – спросил Гуден, когда они остановились у ворот.

– Пару раз пробовал. – Шарп не потрудился объяснить, что дело происходило у постоянного двора, а «скакунами» были неоседланные и покорные доходяги, годившиеся только на то, чтобы возить воду.

– Тогда садитесь! – Полковник указал на малорослую, но живую лошадку, которую держал под уздцы солдат-индеец. – Она принадлежит капитану Роме, так что, ради бога, будьте осторожны, – предупредил полковник, вскакивая в седло стоявшего рядом жеребца.

Капитан Рома, один из двух помощников Гудена, молодых французских офицеров, большую часть свободного времени проводил в самом дорогом из городских борделей. Шарп видел обоих только мельком. Он с опаской вскарабкался на спину лошади, поддал ей под бока и отчаянно вцепился в гриву.

Гуден уже выезжал за ворота.

– Британцы атакуют лес к северу от Султанпетаха, – объяснил он на ходу.

Шарп слышал шум далекого боя. К западу от города трещали мушкеты и вспыхивали красные точки огоньков. На Серингапатам опустилась ночь. В домах зажигали масляные лампы, на арке Майсурских ворот коптили факелы. Проход был забит спешащими из города солдатами, некоторые из которых несли ракеты. Гуден смело врубился в толпу, расталкивая неповоротливых ракетчиков, и, выбравшись на простор, повернул коня на запад.

Шарп последовал за ним, не глядя особенно по сторонам, а стараясь изо всех сил не свалиться с лошади. Впереди лежал мост через южный рукав Кавери, и полковник еще издали прокричал стражам расчистить путь. Пехотинцы прижались к перилам, и всадники проскакали сначала мимо небольших башенок, а потом и над обмелевшей, отступившей от берегов рекой. Перебравшись на другую сторону, они перешли на галоп. Теперь перед ними расстилалась широкая, немного заболоченная равнина, которую пересекала еще одна речушка. Темнеющее небо прочерчивали искрящиеся траектории ракет.

– Ваши бывшие друзья пытаются захватить топе, – объяснил Гуден, указывая на густую рощу. Рельеф изменился, и полковник, не желая рисковать конем, перешел с галопа на рысь. – Хочу, чтобы вы попытались сбить их с толку.

– Я, сэр? – Шарп на секунду отвлекся и тут же наполовину съехал с седла. Удержаться удалось лишь отчаянным усилием.

Он уже отчетливо различал треск мушкетов и видел вспышки. Судя по их разбросу, британцы наступали довольно широким фронтом и с привлечением немалых сил, что подтвердил и грохнувший вдалеке пушечный выстрел, – вырвавшееся из дула пламя напоминало молнию.

– Вы будете отдавать им приказы, – сказал Гуден после того, как звук выстрела миновал их. – Сбивать их с толку! Путать!

– Думаю, сэр, у Лоуфорда получилось бы лучше. У него почти офицерский голос.

– Представьте, что вы сержант, и, если все получится, я произведу вас в капралы.

– Спасибо, сэр.

Они медленно приблизились к лесу. Стало темно, и Гуден не хотел заблудиться. Севернее, оттуда, где была пушка, доносилась упорядоченная ружейная стрельба, и там британцы, похоже, уверенно выполняли поставленную задачу, а вот в лесу, очевидно, царил полный хаос: нестройно палили мушкеты, носились между деревьями ракеты, кое-где курился дымок небольших пожаров, тут и там слышались крики отчаяния и триумфа.

– Мне бы не помешало ружье, сэр.

– Оно вам не понадобится. Мы здесь не для того, чтобы драться, а только чтобы запутать их. Потому я и вернулся за вами. Спешиваемся. – Полковник привязал лошадей к брошенной ручной тележке, на которой, должно быть, подвозили ракеты.

До рощи оставалось не более сотни ярдов, и Шарп уже слышал выкрики отдающих распоряжения офицеров. Определить, кто именно отдает команды, было нелегко, потому что в армии Типу пользовались английской военной терминологией, но, подойдя ближе к месту боя, Шарп понял, что приказы стрелять, наступать и убивать исходят от индийских офицеров. Похоже, пытавшиеся захватить лесок британцы оказались в нелегком положении, чем и решил воспользоваться Гуден, притащив первого попавшегося под руку англичанина, чтобы внести в ряды противника еще большее смятение.

Полковник вытащил пистолет:

– Сержант Ротье!

– Mon colonel!⁵ – Внушительных размеров фигура материализовалась из темноты. Злобно взглянув на Шарпа, сержант взвел курок мушкета.

– Позабавимся! – предложил Гуден.

– Есть, сэр! – ответил Шарп.

Что же делать дальше? Ускользнуть под прикрытием темноты от Гудена и Ротье не составило бы особого труда, а оторвавшись от них, можно было бы перейти на сторону своих. Но готов ли он бросить лейтенанта Лоуфорда? Пожалуй, решил Шарп, лучше всего представить дело так, что он не перебежал, а попал в плен случайно. Лоуфорду это вряд ли поможет, но ведь первейший долг Шарпа как раз в том, чтобы любой ценой доставить генералу Харрису сообщение Маккандлесса. Другого такого подарка можно и не дожидаться.

Гуден остановился на опушке. Ракетчики лихо, не заботясь о точности, запускали свои снаряды, которые не столько наносили ощутимый урон врагу, сколько подавляли его боевой дух. Глубоко в чаще трещали мушкеты. У края топе лежали на земле несколько раненых, а неподалеку корчился, то вскрикивая, то шумно вздыхая, умирающий.

– Пока, – заметил Гуден, – мы вроде бы побеждаем. Вперед.

Шарп последовал за французами. Справа ударил вдруг ружейный залп, клацнули штыки, и Гуден повернул на звук, но схватка закончилась раньше, чем они подоспели к месту. Люди Типу наткнулись на группку красномундирников и, убив одного, погнали остальных в чащу. Заметив в затухающем свете ракеты лежащего на земле человека в красной форме, полковник опустился на колени, достал трутницу, высек искру, поджег фитиль и поднес огонек к лицу солдата. Тот был еще жив, но без сознания и с закрытыми глазами.

– Знакомая форма? – спросил Гуден.

Наклонившись, Шарп увидел красные с белой окантовкой воротник и обшлага.

⁵ Мой полковник (*фр.*). – Прим. ред.

– Черт! – Он осторожно убрал руку полковника от лица умирающего. Вытекающая из рта кровь успела испачкать напудренные волосы, но Шарп узнал его – Джек Маллинсон. – Форма знакомая, и парня я знаю. Мой бывший батальон, Уэст-Райдинг, Йоркшир.

– Хорошо. – Гуден захлопнул трутницу. – Так вы не против моего предложения попутать ваших бывших однополчан?

– Для этого я здесь, – добавив в голос требуемую меру кровожадности, ответил Шарп.

– Думаю, в вашем лице британская армия много потеряла. – Полковник поднялся. – Если не пожелаете остаться в Индии, можете поехать со мной.

– Во Францию, сэр?

– А чему вы так удивляетесь? – усмехнулся Гуден. – Это вовсе не страна дьявола, какой ее изображают. Я бы сказал, что Франция – самое благословенное место на земле. Такой человек, как вы, мог бы сделать во французской армии быструю карьеру. Стать офицером.

– Я, сэр? Офицером? – Шарп рассмеялся. – Легче осла превратить в скакуна.

– Вы себя недооцениваете.

Полковник остановился. Топот шагов справа... выстрелы слева... Возбужденные стрельбой индийские пехотинцы устремились было в лес, но сержант Ротье остановил их, проревев что-то на смеси французского и канарезского. И столь велика была сила его голоса, столь повелителен и уверен тон, что люди успокоились и подтянулись к Гудену.

– Ну что ж, Шарп, давайте посмотрим, получится ли у вас что-нибудь. Крикните, чтобы шли сюда.

– Вперед! – послушно проорал в темноту Шарп. – Вперед! – Он помолчал, прислушиваясь, но никто не откликался. – Батальон, ко мне! Ко мне!

Тишина.

– Позовите кого-нибудь по имени, – предложил полковник.

– Капитан Феллоуз! – Никакого капитана с таким именем в полку не было. – Капитан Феллоуз! Сюда! – Шарп повторил имя с десятков раз, помолчал и решил попробовать другой вариант. – Хейксвилл! Сержант Хейксвилл!

И почти сразу же из-за кустов донесся ненавистный голос.

– Кто это? – неуверенно спросил сержант.

– Сюда, сержант, ко мне! – приказал Шарп.

Хейксвилл не подчинился, но Гуден тем не менее обрадовался. Он уже сформировал из разрозненных пехотинцев боевой строй, готовый расстрелять любого, кто явится за призыв Шарпа. Между тем недолгое затишье оборвалось: в чаще затрещали ружья, по ветвям ударили ракеты, между деревьями поплыли дымки выстрелов, сверху посыпались листья. Издалека донесся победный клич, но кто радовался победе, индийцы или британцы, Шарп разобрать не смог.

Ясно было одно: у его полка большие проблемы. В противном случае никто не оставил бы беднягу Джеда Маллинсона умирать в одиночестве в лесу. Судя по беспорядочной стрельбе, индийцам удалось разделить наступавшие британские силы на части, которые они теперь и добивали по отдельности. Сейчас или никогда, решил Шарп. Ему нужно было как-то оторваться от Гудена и добраться до своих.

– Попробую подойти поближе, сэр, – сказал он и, не дожидаясь ответа, побежал в лес. – Сержант Хейксвилл! Ко мне! Живо! Ну же, скотина! Шевелись! Я жду! – Шарп услышал шаги поспешившего за ним Гудена, замолчал и осторожно сделал несколько шагов в сторону.

– Шарп! – зашипел где-то рядом полковник, но Шарп, не подавая голоса, отошел еще дальше.

– Сержант Хейксвилл! – проревел он на ходу. Конечно, крики позволяли французу определять его местонахождение и следовать за ним, но и молчать он не мог – это немедленно возбуждало бы у Гудена обоснованные подозрения и могло бы затем серьезно ухудшить положение

оставшегося в городе лейтенанта Лоуфорда. Вот почему, углубляясь в лес, Шарп продолжал звать Хейксвилла: – Ко мне, сержант! Сюда! – В одном месте он споткнулся о ветку, упал, поднялся и выбежал на полянку. – Хейксвилл!

Ударившаяся о ствол ракета упала буквально к его ногам и завертелась, как бешеная собака, гоняющаяся за собственным хвостом. Отпрыгнув от брызжущей искрами железяки, Шарп взял в сторону и едва не налетел на неожиданно появившегося из-за кустов сержанта Хейксвилла.

– Шарпи! – воскликнул сержант, вскидывая алебарду, на которой еще не высохла кровь Фицджеральда. – Ах ты, дрянь! – Услышав, как кто-то зовет Хейксвилла, капитан Моррис послал его выяснить, в чем дело, и сержанту ничего не оставалось, как выполнять приказ. – Предатель!

– Подожди! – крикнул, отступая, Шарп. – Опусть эту штуку!

– Переметнулся на вражью сторону, а, Шарпи? – Хейксвилл наступал, тыча алебардой. – Придется тебя прикончить. Я бы мог, конечно, взять тебя в плен, но не хочу рисковать. Вдруг ты снова вывернешься. Нет уж, лучше я намотаю твои кишки на вертел. Отправлю к Создателю. А ты уже и платье носишь, а, Шарпи? – Он снова сделал выпад, и Шарп отскочил назад, но в этот момент догорающая ракета совершила последний скачок по поляне.

Бамбуковая палка попала Шарпу под ноги, он поскользнулся и, взмахнув руками, рухнул на землю. Хейксвилл издал победный вопль и подскочил к поверженному врагу с занесенной для последнего удара алебардой.

Ощувив под рукой что-то твердое, Шарп схватил предмет, оказавшийся той самой ракетой, и швырнул сержанту в лицо. Порох уже почти выгорел, но его все же хватило, чтобы полыхнуть еще раз, и вырвавшийся из трубы огненный язык лизнул Хейксвилла в щеку. Вскрикнув от страха, сержант выронил оружие и, отшатнувшись, закрыл лицо руками. В следующее мгновение он с удивлением обнаружил, что может видеть и что лицо даже не пострадало, и, повернувшись к Шарпу, вытащил из-за пояса пистолет.

Как раз в этот момент на поляну вырвался взвод красномундирников. Это были солдаты из гренадерской роты, которые, как и все прочие участники неудавшейся экспедиции, потерялись в ночном хаосе. Один из гренадеров, увидев поднимающегося с земли человека в полосатой тунике, вскинул мушкет.

– Нет! – завопил Хейксвилл. – Оставь его мне! Он мой!

Громыхнувший из-за деревьев залп уложил половину взвода, обратив в паническое бегство остальных. Раскаленная ракета зашипела от брызнувшей на нее крови, а на поляну уже высыпали люди в тигровых одеждах. Первыми были полковник Гуден и сержант Ротье. При виде противника Хейксвилл бросился в чащу, но один из воинов Типу сбил его с ног ударом штыка. Спасаясь от второго удара, сержант завертелся ужом.

– Отличная работа, Шарп! – воскликнул подбежавший Гуден. – Отличная! – Он повернулся к своим людям. – Прекратить! Прекратить! – Приказ был адресован индийцам, с энтузиазмом взявшимся добивать раненых гренадеров. – Берем пленных!

– Берем пленных! – повторил Ротье, отводя в сторону удар штыка, направленный в горло скользящего от страха Хейксвилла.

Шарп тихо выругался. А ведь почти удалось! План сработал, и, если бы не Хейксвилл, он уже был бы со своими старыми товарищами. Вместо этого он стал героем в глазах Гудена, считавшего, что именно Шарп своими криками выманил на поляну взвод гренадеров. Из-за него двенадцать оставшихся в живых однополчан попали в плен. И это не считая дрожащего и рассыпающегося проклятия Хейксвилла.

– Вы рисковали, капрал! – Полковник вернулся к нему, на ходу убирая в ножны саблю. – Вас ведь могли убить. Но все получилось, а? И теперь вы капрал!

– Так точно, сэр, сработало, – невесело проговорил Шарп.

Радоваться и впрямь было нечему. Как для него, так и для британцев вообще эта ночь обернулась катастрофой. Люди Типу прочесывали рошу и шумно, со стрельбой и криками, преследовали оставшихся в живых, спешно уходящих за акведук. Тринадцать пленных понуро стояли на поляне, и Шарп знал, что сейчас этих несчастных отведут, как стадо, в город, тогда как их убитые товарищи достанутся мародерам и стервятникам.

– Я позабочусь, чтобы Типу узнал о вашей храбрости, – сказал Гуден, усаживаясь в седло. – Султан сам смелый человек и восхищается этим качеством в других. Не сомневаюсь, что он пожелает вознаградить вас.

– Спасибо, сэр.

– Вы не ранены? – спросил полковник, обеспокоенный невеселым тоном Шарпа.

– Обжег руку, сэр. Ничего особенного, жить буду.

– Конечно будете, – рассмеялся француз. – Ну что, всыпали мы им, а?

– Да, сэр, вздули как надо.

– И вздуем еще, когда они пойдут на штурм города. Они еще не знают, что их ждет!

– И что же их ждет, сэр?

– Увидите. Подождите и увидите.

Так как сержант Ротье решил остаться в лесу, чтобы организовать сбор оружия, полковник попросил Шарпа взять вторую лошадь и сопроводить пленных в город под охраной взвода бурно радующихся победе индийцев.

– Предатель! – Сержант Хейксвилл презрительно плюнул под ноги бывшему подчиненному.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Гуден.

– Змея! – шипел сержант. – Кусок дерьма, вот ты кто. Господи! – Последнее восклицание было вызвано тем, что его сзади огрели прикладом мушкета. – Черномазый ублюдок!

– Я бы, сэр, с удовольствием заткнул ему пасть, – обратился к полковнику Шарп. – Вообще, сэр, если вы не против, я бы отвел его в сторонку, да и дело с концом.

Гуден вздохнул:

– Нельзя. С пленниками нужно обращаться хорошо. Мне иногда кажется, что люди Типу не понимают воинского этикета, но я все же сумел убедить их в том, что если мы будем относиться к пленникам по-человечески, то и они будут соответственно относиться к своим.

– И все-таки я бы с удовольствием заткнул ему пасть.

– Уверяю вас, Типу может сделать это и без чьей-либо помощи.

Вернувшись вместе в город, они спешили у Майсурских ворот. Перед тем как расстаться, француз еще раз поблагодарил Шарпа и бросил ему золотую монету, хайдери:

– Идите и напейтесь. Вы это заслужили.

– Спасибо, сэр.

– И я обязательно расскажу о вас Типу. Султан восхищается смельчаками!

Лейтенант Лоуфорд ожидал Шарпа в собравшейся у ворот толпе.

– Что случилось? – спросил он.

– Я запарол все дело, – сокрушенно ответил Шарп. – Начисто. Пойдем потратим деньги с толком. Надеремся как свиньи.

– Нет, подожди. – Увидев проходящих под аркой пленников, лейтенант привстал на цыпочки.

Толпа встретила тринадцать понуро бредущих британцев свистом и улюлюканьем.

– Пойдем отсюда! – Шарп потянул лейтенанта за рукав.

Лоуфорд не двинулся с места, с нескрываемым ужасом глядя на несчастных британских солдат. В какой-то момент его взгляд встретился со взглядом Хейксвилла, и на лице последнего отразилось полнейшее изумление. На мгновение сержант даже остановился и моргнул, словно не веря собственным глазам. Потом тряхнул головой, открыл рот, и Шарп протянул

руку, чтобы вырвать мушкет у ближайшего индийца и предотвратить разоблачение. Однако Хейксвилл отвернулся и даже кивнул, показывая, что будет молчать. Пленные были всего в нескольких ярдах от них, и Лоуфорд, запоздало сообразив, что его могут узнать и другие, торопливо отступил:

– Идем!

– Нет! – возразил Шарп. – Я хочу убить Хейксвилла.

– Идем! – Лейтенант повернулся и быстро зашагал по переулку.

Шарп последовал за ним. Возле индуистского храма со скульптурным изображением отдыхающей под балдахином коровы Лоуфорд остановился. Лицо его было белым как мел. Внутри святилища горели свечи.

– Думаешь, он кому-нибудь скажет?

– Этот ублюдок? – Шарп сплюнул. – Все может быть.

– Нет, не скажет. Он нас не выдаст. – Лоуфорд поежился, хотя было жарко. – Ради бога, что там случилось?

Шарп рассказал о ночной стычке в лесу и о том, как ему едва не удалось перебежать к своим.

– Все бы получилось, если бы не эта скотина Хейксвилл.

– Он ведь считает тебя дезертиром, – вступился за сержанта Лоуфорд. – Просто ошибся.

– Хейксвилл сводил со мной личные счеты, – возразил Шарп.

– Что будет, если он нас выдаст?

– Попадем в темницу. Составим компанию твоему дяде. Зря ты мне помешал – я бы его застрелил.

– Не будь дураком, – резко бросил Лоуфорд. – Ты еще в армии. – Он покачал головой. – Проклятье! Нужно найти Рави Шехара.

– Зачем?

– Затем, что если мы не можем передать сообщение, то надеяться остается только на него, – сердито объяснил лейтенант. Злился он в первую очередь на себя самого. Настолько погрязнуть в постижении тягот и прелестей жизни обычного солдата, чтобы позабыть о долге, о доверенной миссии! Чувство вины переполняло его. – Мы должны найти Рави Шехара!

– Как? Ходить по улицам, расспрашивая встречных?

– Найди миссис Биккерстафф! – не унимался Лоуфорд. – Найди ее, Шарп! – Он понизил голос. – Это приказ, слышишь?

– Ты не можешь мне приказывать – я старше по званию.

Лоуфорд уставился на него так, как будто намеревался испепелить взглядом:

– Что? Что ты сказал?

– Я теперь капрал, рядовой, – усмехнулся Шарп.

– Хватит! Я не шучу! – В голосе Лоуфорда прорезались подзабытые властные нотки. – Мы здесь не для того, чтобы веселиться! У нас есть работа, и ее надо делать.

– А мы чем занимались? По-моему, только и знали, что работали, – попытался возразить Шарп. – И неплохо справились.

– Нет, не справились. Потому что не передали сообщение нашим. И до тех пор, пока мы это не сделаем, нам нельзя успокаиваться. Так что поговори со своей женщиной и поручи ей найти Рави Шехара. Это приказ, рядовой Шарп. Исполняйте! – Лейтенант повернулся и зашагал прочь.

Карман туники приятно оттягивала золотая монета. Шарп хотел было последовать за Лоуфордом, но, подумав, мысленно послал лейтенанта ко всем чертям. Сегодня он в состоянии позволить себе самое лучшее, а жизнь слишком коротка, чтобы упускать такого рода возможности. Пожалуй, лучше всего отправиться в бордель. Ему там понравилось – занавески, коврики, лампы с абажурами и две веселые, хихикающие девушки, которые, прежде чем при-

гласить гостей наверх, в спальни, сами вымыли их в корытах с горячей водой. Хайдери – это целая ночь в роскошной комнате. А для компании он, наверное, выберет ту высокую, Лали, которая так обслужила Лоуфорда, что тот не мог потом и глаз поднять.

И Шарп зашагал в противоположную сторону – с толком тратить золото.

* * *

В лагерь 33-й полк возвращался с тяжелым чувством. Раненых несли на себе, некоторые тащились сами, а один несчастный вскрикивал каждый раз, когда становился на левую ногу. Остальные молчали. Мало того что их вздули, так еще и враг сыпал соль на раны, провожая побитое войско издевательскими криками, далеко разносившимися в ночной тишине.

Гренадерская и легкая роты понесли немалые потери. Строй их поредел, и Уэлсли знал, что из оставшихся в злосчастном лесу одни погибли, другие попали в плен, а третьи, раненые, умирали в темной чаще. Другие восемь рот батальона, получив приказ идти на помощь фланговым, в темноте отклонились к югу, и в то время, как полковник собирал разрозненные части, майор Ши бодро прошествовал через лес, снова пересек акведук, но так и не встретил неприятеля и не произвел ни одного выстрела. Батальоны сипаев легко могли обратить поражение в победу, но приказа вмешаться не получили, хотя один из батальонов настолько разволновался, что в панике дал залп из мушкетов, который, не нанеся урона врагу, уложил на месте командира. Они так и простояли в бездействии в полумиле от того места, где две роты метались в панике под огнем противника.

Именно недостаток профессионализма больше всего угнетал Уэлсли. Он потерпел неудачу. Другие батальоны без труда захватили северный отрезок акведука, его же подразделение оплошало. Он, Уэлсли, не справился с поставленной задачей. Генерал Харрис, когда молодой полковник доложил о поражении, отнесся к нему сочувственно, посетовал на трудности с управлением в ночных условиях и утешил тем, что все еще можно поправить утром, но Уэлсли от этого легче не стало. Он понимал, что опытные офицеры, вроде Бэрда, и без того недолюбливают его, считают выскочкой и объясняют его назначение влиянием брата, генерал-губернатора английских владений в Индии. Присутствие Бэрда при докладе Харрису добавило к стыду еще и унижение. Уэлсли даже померещилось, что шотландец ухмыляется, слушая его объяснения.

– Трудное это дело, ночные наступления, – снова сказал Харрис.

Шотландец промолчал, и Уэлсли захотелось провалиться на месте.

– Очистим рощу утром, – продолжал командующий.

– Это сделают мои люди, – быстро проговорил полковник.

– Нет, им нужно отдохнуть. Задействуем свежие подразделения.

– Мои парни всегда готовы, – вмешался Бэрд и улыбнулся Уэлсли. – Я имею в виду Шотландскую бригаду.

– Прошу разрешить мне провести атаку, – стараясь не обращать внимания на Бэрда, сказал полковник. – Готов возглавить любую часть. Хочу напомнить, сэр, что я еще дежурный офицер.

– Да-да, конечно, – неопределенно произнес Харрис. – Вам следует поспать, так что позвольте пожелать доброй ночи. – После ухода Уэлсли он молча покачал головой.

– Сопляк, – достаточно громко, чтобы его услышал вышедший полковник, сказал Бэрд. – Саблю нацепил, а слюнявчик снять позабыл.

– Уэлсли – способный офицер, – не согласился Харрис, – и свое дело знает.

– Моя мать, упокой Господь ее душу, тоже свое дело знала, – язвительно заметил шотландец, – однако ж вы не стали бы допускать ее командовать людьми. Вот что я вам скажу:

позволять ему вести войска на штурм – значит напрашиваться на неприятности. Доверьте это дело мне. У меня с Типу свои счета.

– Знаю, генерал, знаю.

– И отдайте мне чертову рошу. Боже, да я справлюсь с одной капраловой стражей!

– Не забывайте, что Уэлсли все еще дежурный офицер, – напомнил Харрис, стягивая парик в знак того, что пора ложиться. Он почесал шрам, оставшийся на память о Банкер-Хилл, и широко зевнул. – Спокойной ночи, Бэрд.

– Могу помочь вписать имя в приказ, если забыли, – съязвил шотландец.

– Спокойной ночи, Бэрд, – твердо повторил Харрис.

На рассвете Шотландская бригада и два индийских батальона выстроились на восточной стороне лагеря, а на его южной стороне установили батарею из четырех двенадцатифунтовых орудий. Едва солнце поднялось над горизонтом, как батарея дала первый залп, и снаряды, оставляя в воздухе прозрачные хвосты дыма, улетели в сторону роши. Один, не достигший цели, шлепнулся в акведук, взметнув столб воды. Стаи птиц поднялись из гнезд, громко выражая протест против повторного вмешательства в их частную жизнь.

Генерал-майор Бэрд стоял возле Шотландской бригады. Ему не терпелось возглавить соотечественников, но Харрис настаивал на сохранении этой привилегии за Уэлсли:

– До полудня дежурный офицер он.

– Уэлсли еще не встал. Отсыпается. И вряд ли поднимется раньше полудня. А я уже готов, сэр.

– Дадим ему еще пять минут, – решил Харрис. – Я послал за ним адъютанта.

Бэрд отвернулся, пряча усмешку: адъютанта он предусмотрительно перехватил. Однако еще до истечения пяти минут полковник появился перед строем на белом жеребце. Выглядел он слегка растрепанным, как человек, совершавший утренний туалет в большой спешке.

– Примите мои извинения, сэр.

– Готовы, Уэлсли? – спросил Харрис.

– Так точно, сэр.

– В таком случае действуйте.

– И присмотрите за моими парнями! – напутствовал полковника Бэрд.

Ответа не последовало.

Знаменосцы развернули шотландские полотнища, барабанщики сыграли «Вперед», волынщики надули щеки, исторгая из кожаных мехов диковатые звуки, и бригада тронулась навстречу восходящему солнцу. За ней последовали два батальона сипаев. Из роши взвились ракеты, однако утром, как и предыдущей ночью, их точность оставляла желать много лучшего. Четыре орудия продолжали бить по топе до тех пор, пока бригада не приблизилась к акведуку. На глазах у наблюдающих за наступлением Харриса и Бэрда шотландцы лихо атаковали земляную насыпь, потом ненадолго скрылись из виду, снова появились на другой стороне канала и наконец исчезли в лесу. Грянул залп. Наступила тишина. За горами устремились вперед и батальоны сипаев, перед которыми стояла задача атаковать противника с флангов. Напряженное ожидание длилось до тех пор, пока с захваченного ранее северного участка акведука не прискакал гонец, доложивший о том, что все пространство между лесом и городом заполнено отступающим неприятелем. Это означало, что проклятая роша, как и весь акведук, перешла наконец в руки союзных войск.

– Можно и позавтракать, – с довольным видом заметил Харрис. – Вы со мной, Бэрд?

– Сначала проверю счет мясника, если не возражаете, сэр, – отвечал Бэрд, но список потерь ему так и не представили, поскольку никаких потерь наступающая сторона и не понесла.

Воины Типу ушли из топе после первых орудийных залпов, оставив в лесу лишь очищенные от лишнего груза тела убитых ночью британцев. Среди них нашли и лейтенанта Фицджеральда, которого с честью предали земле.

Теперь, когда западный подход к городу в руках Харриса, осаду можно было начинать по всем правилам.

* * *

Найти Мэри оказалось совсем не трудно. Шарп лишь спросил Гудена, где она. Полковник, все еще находившийся под влиянием подвигов британца в лесу, был готов отдать ему все. Тот факт, что противник без боя захватил топе утром, нисколько не омрачил его настроения и не убавил охватившего горожан оптимизма. Никто и не ожидал, что защитники роцци продержатся больше пяти–десяти минут, так что ночная победа, сопровождавшаяся захватом пленных и уже обросшая героическими легендами о силе одних и слабости других, утвердила Типу и его людей в уверенности, что они ничуть не слабее британцев.

– Ваша женщина? Стали капралом, а хотите всего лишь заполнить свою женщину?

– Мне просто нужно ее повидать, сэр.

– Она в доме генерала Рао. Я переговорю с генералом, но сначала вам придется сходить во дворец.

– Мне, сэр? – встревожился Шарп.

– Да, за наградой, – объяснил Гуден. – Но не беспокойтесь, я тоже там буду – нельзя ведь, чтобы вся слава досталась вам.

– Я приду, сэр. – Шарп усмехнулся.

Гуден нравился ему, и он постоянно ловил себя на том, что сравнивает простого в обращении и нисколько не кичащегося своим положением француза со своим полковником – этот относился к простым солдатам как к досадному, но необходимому недоразумению. Конечно, Уэлсли отделяли от рядовых многочисленные офицеры и сержанты, тогда как Гуден в своем маленьком батальоне исполнял скорее функции капитана, чем полковника. В работе ему помогали адъютант-швейцарец и время от времени два капитана-француза, лишь изредка вылезавшие из лучшего в городе борделя. Никаких лейтенантов и прапорщиков не было, а число сержантов равнялось трем, так что солдаты имели беспрецедентный для британской армии доступ к командиру. Гуден против такого положения дел не возражал, поскольку ничем другим занять себя не имел возможности. Официально он числился военным советником, но Типу редко пользовался чужими советами. Об этом полковник и рассказал Шарпу по пути во дворец.

– Считает, что сам все знает? – спросил Шарп.

– Типу – хороший солдат. Очень хороший. Ему не советник французский нужен, а французская армия.

– А зачем ему французская армия, сэр?

– Чтобы вышибить вас, англичан, из Индии.

– Но тогда вместо англичан он получит французов.

– Ему нравятся французы. Вы находите это странным?

– Мне, сэр, в Индии все кажется странным. С тех пор как я здесь, ни разу толком не поел.

Гуден рассмеялся:

– А что вы называете толковой едой?

– Ну, кусок говядины с картошкой да подливку погуще.

Француз поежился:

– *La cuisine anglaise!*⁶

– Что, сэр?

– Ничего. Не важно.

⁶ Английская кухня! (фр.) – Прим. ред.

Встречи с султаном уже ожидали с полдюжины солдат, так или иначе отличившихся в ночном бою. Еще один солдат отличился иным способом: когда британцы достигли акведука, бедняга запаниковал и бросился наутек. Все – и герои, и трус – ожидали выхода Типу в том самом дворе, где султан совсем недавно устроил проверку Лоуфорду и Шарпу. А вот тигров стало меньше: из шести остался только один, старый и, похоже, миролюбивый самец. Гуден смело подошел к зверю и сначала пощекотал его под подбородком, а потом почесал между ушами.

– Не бойтесь, Шарп, – он ручной, как кот.

– Вы уж, сэр, гладьте его сами, а меня к такой зверюге и на веревке не затащите.

Ласки тигру нравились. Он закрыл желтые глаза, и Шарпу даже показалось, что хищник заурчал от удовольствия, но уже в следующую секунду большая кошка зевнула, обнажив огромные, стертые годами клыки, и потянулась, выпустив из мягких подушечек лап длинные, загнутые когти.

– Так они и убивают, – объяснил Гуден. – Удерживают жертву зубами, а когтями распарывают брюхо. Но к нашему это не относится – он старый добряк. К тому же измученный мухами. – Француз отмахнулся от жужжащих насекомых и повернулся – ворота открылись, и в залитый солнцем двор прошествовала процессия с двумя мужчинами в длинных одеяниях.

Они держали в руках посохи, украшенные серебряными набалдашниками в форме головы тигра. Исполняя обязанности камергеров, они выстроили героев в шеренгу, а труса отвели в сторону под охрану двух необычного вида стражей.

Именно они привлекли внимание Шарпа. Оба были огромные, высокие и невероятно мускулистые. Темная кожа блестела, натертая каким-то маслом, длинные черные волосы закручены вокруг головы и перевязаны белыми ленточками. Картину дополняли черные колючие бороды и широкие усы с узкими, склеенными воском концами.

– Джетти, – прошептал Гуден.

– Джетти? А кто они, сэр?

– Силачи. И палачи.

Сбежавший с поля боя солдат рухнул на колени, взывая, очевидно, к милости, но люди с посохами оставили его мольбы без внимания.

Шеренга героев, в которой Шарп стоял замыкающим, подтянулась – во дворе появился сам султан Типу. Его сопровождали еще шесть слуг, причем четверо держали над головой монарха полосатый шелковый полог, закрепленный на четырех шестах с флеронами в виде тигровых голов. Типу был в зеленой, отделанной жемчугом тунике, перехваченной желтым шелковым поясом, на котором висели украшенные драгоценными камнями ножны. Рукоять сабли тоже имела вид головы тигра. Широкий зеленый, усыпанный жемчугом тюрбан вершил плюмаж с рубином настолько огромным, что Шарп принял его поначалу за стекло, потому как драгоценного камня такого размера просто не могло быть, не считая разве что громадного желтовато-белого алмаза, вделанного в эфес кинжала, заткнутого за пояс султана.

Типу мельком взглянул на дрожащего от страха солдата и кивнул джетти.

– Зрелище не очень приятное, – негромко предупредил стоявший за спиной Шарпа Гуден.

Один из джетти схватил охваченного ужасом солдата, поставил на ноги и перенес на середину двора, где развернул вполоборота, заставил опуститься на колени и, присев, обхватил несчастного могучими руками так, что тот не мог пошевелиться. Обреченный на смерть еще взывал к своему повелителю, лицо которого все это время оставалось совершенно бесстрастным. Второй джетти, встав рядом с коленопреклоненным солдатом, вопросительно взглянул на Типу и, получив в ответ кивок, возложил руки на голову несчастного. Короткий крик оборвался...

– Господь Всемогуший! – прошептал Шарп, наблюдая за тем, как человеку сворачивают голову. Ничего подобного он еще не видел.

Стоящий за спиной у него полковник Гуден неодобрительно откашлялся, но на Шарпа увиденное произвело пусть сильное, но отнюдь не гнетущее впечатление. Казнь свершилась быстро и не доставила бедняге особых мучений. Уж лучше, подумал он, умереть так, чем быть засеченным до смерти или болтаться, дрыгая ногами и задыхаясь, в петле. Типу поаплодировал палачу, потом вознаградил его за работу и приказал убрать мертвеца.

Затем пришла очередь героев. Один за другим подходили они к полосатому навесу, в тени которого стоял невысокого роста полноватый мужчина. Услышав свое имя, каждый из отличившихся опускался на колени, и каждый раз Типу наклонялся, поднимал его и, сказав несколько слов, награждал большим медальоном. Медальоны были похожи на золотые, но Шарп предположил, что изготовлены они, скорее всего, из желтой меди, потому как раздавать такое количество золота никому бы и в голову не пришло. Каждый из награжденных целовал подарок и, пятась, возвращался на место.

Наконец подошла очередь Шарпа.

– Вы знаете, что нужно делать, – прошептал ему Гуден.

Шарп знал. Он никогда не становился ни перед кем на колени и уж определенно не стал бы унижаться перед каким-то толстячком, врагом его родины, но проявлять строптивость было бы глупо, а потому он смиренно преклонил колено. Прямо перед ним сиял желтовато-белый камень в эфесе кинжала, и Шарп, присмотревшись, решил, что это все-таки настоящий алмаз. Большой алмаз. Тут Типу улыбнулся, наклонился и поднял его с колен. Руки у него оказались удивительно сильными.

Гуден, вышедший вместе с Шарпом, обратился к султану через переводчика. Не зная ни французского, ни персидского, Шарп мог только догадываться о содержании разговора. На его взгляд, ночная схватка в лесу мало чем походила на настоящий бой, но Гуден, очевидно, представлял ее в ином свете, расписывая как столкновение мифических богатырей, потому что Типу несколько раз бросал на героя одобрительный взгляд. Шарп, в свою очередь, во все глаза пялился на султана. У Типу были серые глаза, смуглая кожа и изящно подстриженные черные усы. Издалека он казался полным, даже мягкотелым, но при ближайшем рассмотрении в чертах султана обнаружилась непреклонность и суровость, убедившая Шарпа в том, что Гуден был прав, называя этого человека отличным солдатом. Поскольку Шарп был выше монарха, он имел возможность разглядеть как следует тот самый красный камень, принятый им поначалу за стекло. Однако на стекло камень все же не походил – это был громадный рубин размером с крупную картечь. Оправленный золотом, рубин, должно быть, стоил чертовой куче денег. Шарп вспомнил про свое обещание подарить Мэри в день свадьбы настоящий рубин и улыбнулся, подумав, что было бы неплохо стянуть такой камешек. Впрочем, дальнейшим размышлениям на этот счет помешал Типу, обратившийся к нему с каким-то вопросом. Отвечать, впрочем, не понадобилось – за Шарпа это сделал полковник Гуден. Когда вопросы закончились, султан посмотрел солдату в глаза и что-то сказал.

– Он говорит, – перевел слова толмача француз, – что вы зарекомендовали себя истинным воином Майсура. Он гордится тем, что у него есть такой солдат, и с нетерпением ожидает того дня, когда вы, после изгнания неверных, станете полноправным воином его армии.

– А это значит, что мне сделают обрезание? – спросил Шарп.

– Это значит, что вы исполнены благодарности к его величеству, о чем я ему и сказал.

Услышав переведенный ответ, Типу улыбнулся, повернулся к слуге и, взяв из корзиночки последний медальон, подался вперед, чтобы повесить его Шарпу на шею. Шарп слегка пригнулся, чтобы облегчить ему задачу, и покраснел, когда лицо монарха оказалось совсем близко. Он даже ощутил исходящий от него тонкий аромат. Отступив на шаг, Шарп, следуя примеру

других награжденных, поднес медальон к губам. Одновременно он смог убедиться, что висящий у него на шее знак изготовлен не из желтой меди, а из чистого золота.

– В строй, – шепнул ему Гуден.

Шарп поклонился султану и, неловко пятясь, вернулся на место. Типу еще что-то сказал – на этот раз переводить было некому, и Шарп ничего не понял, – и церемония завершилась. Султан повернулся и прошествовал во дворец.

– Теперь вы официальный герой Майсура, – сухо сообщил Гуден, – один из любимых тигров Типу.

– Вряд ли я это заслужил, сэр, – разглядывая медальон, ответил Шарп. На одной стороне знака был изображен какой-то замысловатый узор, на другой красовалась голова тигра, хитро составленная из арабских букв. – Что тут написано, сэр?

– Тут написано «Ассад Аллах аль-халиб», что означает «Победоносный лев Бога».

– Лев? Не тигр?

– Это стих из Корана, мусульманской Библии, а в ней, по-моему, тигры не упоминаются. Иначе, думаю, Типу обязательно воспользовался бы соответствующей цитатой.

– Чудно, да? – все еще вертя в руке медальон, заметил Шарп.

– Что?

– Лев, сэр, – это ведь британский зверь. – Шарп рассмеялся. Подержал награду на ладони. – А он богатый, да? Этот Типу?

– Богаче некуда, – коротко ответил Гуден.

– А камни у него настоящие? Тот рубин и алмаз на кинжале?

– Настоящие и стоят огромных денег. Но будьте осторожны. Бриллиант зовется Лунным камнем и, как считается, приносит несчастье тому, кто его украдет.

– Я об этом и не помышлял, сэр. Ну, чтобы его украсть, – ответил Шарп, думавший как раз об этом. – А что вы об этом скажете? – Он снова взял в руки медальон. – Мне что, надо его сохранить?

– Конечно. Хотя, должен заметить, вы получили его только потому, что я представил ваши подвиги в несколько преувеличенном виде.

Шарп снял медальон и протянул его французам:

– Возьмите, сэр. Нет, на самом деле возьмите себе.

Гуден отшатнулся, в ужасе всплеснув руками:

– Если Типу узнает, что вы отдали его кому-то, он никогда вам этого не простит. Никогда! Это знак почета. Вы должны носить его постоянно. – Полковник достал брегет и открыл крышку. – Мне нужно идти. Кстати... Ваша женщина будет ждать вас в храме неподалеку от дома Аппы Рао. Знаете, где это?

– Нет, сэр.

– Идите к северной стене большого индуистского храма. Не останавливайтесь. Дойдете почти до городской стены. Повернете налево и увидите перед собой храм поменьше. Над воротами будет изображение коровы.

– А зачем им эти коровы, сэр? Они у них повсюду.

– Зачем? Ну, у нас ведь тоже во всех церквях изображения человека на кресте. Такова религия. – Француз улыбнулся. – Вы задаете слишком много вопросов. Идите к своей женщине, но не забывайте, капрал, что вечером вам заступать в караул! – С этими словами Гуден повернулся и пошел прочь, а Шарп, еще раз взглянув на медальон с изображением тигра, отправился по своим делам.

Найти индуистский храм было нетрудно – он находился напротив старых ворот, которые вели к укреплениям западной стены. Именно об этой стене говорил полковник Маккандлесс, но сейчас, глядя на нее, Шарп не видел ничего особенного. Вверх, к стрелковым ступеням, уходил длинный пандус, по которому два солдата тащили груженную ракетами тележку. У

башенных амбразур стояли с десятков оставленных без присмотра больших орудий. И ничего такого, что могло бы стать ловушкой для целой армии. Над караульным помещением на высоком древке развевалось знамя с вышитым солнцем, рядом с ним реяли два зеленых, поменьше и с каким-то серебряным узором. Ветерок взметнул одно из полотнищ, и Шарп увидел, что узор представляет собой такую же, как и на его медальоне, голову тигра. Он усмехнулся. Есть что показать Мэри.

Он вошел в храм, но Мэри еще не было. Поискав взглядом тень, Шарп нашел нишу в углу открытого двора и, укрывшись там от палящих лучей, стал наблюдать за совершенно обнаженным мужчиной с нарисованной на лысине белой полосой, который сидел, скрестив ноги, перед идолом с телом мужчины и головой обезьяны, раскрашенной в зеленый, красный и желтый цвета. В другой, заваленной увядшими цветами нише стоял еще один божок, у которого голов было семь, но не человеческих, а змеиных. Голый индус сидел совершенно неподвижно, похоже даже не мигая. Не изменил он позы и тогда, когда в храм вошли еще двое верующих: высокая, стройная женщина, в бледно-зеленом сари и с маленьким бриллиантом в носу, и подтянутый мужчина, в полосатой тунике, с мушкетом на плече и саблей с серебряной рукоятью на поясе. Высокий и молодцеватый, он составлял отличную пару элегантной женщине в сари, которая направилась к третьему божеству, сидящей богине с четырьмя парами рук. Коснувшись сложенными ладонями лба, женщина низко поклонилась и, подавшись вперед, тряхнула крошечным колокольчиком, желая, вероятно, привлечь внимание богини. Только тогда Шарп и узнал ее.

– Мэри! – позвал он, и женщина, вздрогнув, повернулась к стоящему в тени боковой ниши Шарпу. На лице ее появилось выражение страха. Высокий мужчина положил руку на эфес сабли. – Мэри, это я!

– Брат! – негромко воскликнула женщина и, словно испугавшись чего-то, повторила: – Брат!

Шарп ухмыльнулся, скрывая смущение, и тут же нахмурился, заметив в ее глазах слезы:

– С тобой все в порядке?

– Со мной все в порядке, – сдержанно ответила она и поспешно добавила: – Брат.

Шарп взглянул на молодого солдата – тот явно готов был встать на защиту своей спутницы.

– Это генерал?

– Нет. Это Кунвар Сингх. – Она повернулась, и Шарп, уловив в ее глазах нежность, сразу все понял.

– Он говорит по-английски... сестра?

Мэри облегченно вздохнула:

– Немного. Как ты? Как твоя спина?

– Заживает. Эти индийские лекари творят чудеса. Боль еще чувствуется, но уже не так, как раньше. У меня все хорошо, так что не беспокойся. Я даже медаль получил, посмотри! – Он протянул золотой медальон и, наклонившись, тихо добавил: – Но мне надо поговорить с тобой с глазу на глаз. Это очень важно.

Мэри потрогала медаль и подняла голову.

– Мне очень жаль, Ричард, – прошептала она.

– Ты не должна ни о чем жалеть. – Шарп говорил правду, потому что сразу же, едва увидев Мэри в храме, понял – они не пара. Она выглядела слишком элегантной, слишком утонченной, чтобы быть женой простого солдата. – Ты с ним, да?

Мэри опустила глаза и робко кивнула.

– Вот и хорошо! – громко сказал Шарп и, повернувшись к молодому индийцу, приветливо улыбнулся. – Ты молодец, сестричка!

– Сводная сестричка, – шепнула Мэри.

– Тебе видней.

– И я приняла индийское имя. Аруна.

– Звучит неплохо. Аруна. – Шарп улыбнулся. – Мне нравится.

– Так звали мою мать, – объяснила Мэри и, не зная, что еще сказать, замолчала. Потом, бросив взгляд на неподвижно сидящего индуса, тронула Шарпа за локоть и повела к той нише, где он и стоял вначале.

Кунвар Сингх пристально наблюдал за ними, но не приближался. Мэри села на каменный выступ и благочинно сложила руки на коленях. Некоторое время оба молчали.

– Давно смотрю на этого чудака с полосой на голове, – сказал Шарп, нарушая неловкую тишину, – и, представь себе, он ни разу даже не шевельнулся.

– Он обращается к богам, – ответила Мэри.

– Чудно. Здесь все чудно. – Шарп огляделся. – Как в цирке, правда? У нас такого не увидишь. Разрисованные клоуны в церкви, а? Можешь себе представить? – Тут он вспомнил, что Мэри никогда не была в Англии и не знает, как выглядят тамошние церкви. – Да, везде по-своему. – Он помолчал, потом стрельнул глазами в сторону Кунвара Сингха. – Так ты с ним, а?

Мэри снова кивнула:

– Мне очень жаль, Ричард. Правда.

– Ничего, такое случается. Но ты не хочешь, чтобы он знал про нас с тобой, да?

Она испуганно взглянула на него:

– Пожалуйста, прошу тебя...

Шарп ответил не сразу, но не потому, что хотел помучить бедняжку Мэри, а потому, что индус наконец шевельнулся. Он медленно сложил ладони и, словно исчерпав этим жестом весь запас сил, снова застыл.

– Ричард? – В голосе Мэри слышались слезы. – Ты ведь не скажешь ему? Не скажешь?

Он задумчиво посмотрел на нее:

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала. Для меня.

Она осторожно кивнула:

– Конечно сделаю.

– В городе есть один человек по имени Рави Шехар. Запомнила имя? Он купец. Чем торгует, не знаю, но живет здесь. Тебе разрешают выходить из дома?

– Да.

– Тогда сделай это побыстрее. Найди Рави Шехара и скажи, что он должен передать британцам сообщение. Простое сообщение. Не атаковать с запада. Вот и все. Эти ослы вот-вот пойдут на штурм, так что сообщение надо передать срочно. Сделаешь?

Мэри облизала губы и кивнула:

– А ты не расскажешь о нас Кунвару?

– Я бы и так не рассказал. Конечно не рассказал бы. Радуйся жизни... сестричка. – Он улыбнулся. – Сестричка Аруна. Иметь семью не так уж плохо, а кроме тебя, у меня больше никого нет. Я бы не стал просить, но лейтенант требует. Понимаешь, мы с ним никак не можем выбраться из города. Вот и приходится искать того, кто сумеет помочь. Вроде тебя. – Шарп покачал головой. – Ты, правда, переметнулась на другую сторону, но я тебя не виню. Так что, сделаешь?

– Сделаю. Обещаю.

– Молодец. – Он поднялся. – В Индии братья целуют сестер?

Мэри неуверенно улыбнулась:

– Наверно, да.

Шарп наклонился и церемонно чмокнул ее в щеку.

– Роскошно выглядишь, Мэри. Слишком роскошно для меня, а?

– Ты хороший человек, Ричард.

– Да только толку от этого мало, верно? – Шарп отстранился и улыбнулся Кунвару Сингху, который ответил сдержанным кивком. – Ты везунчик! – проговорил он и, бросив через плечо прощальный взгляд в сторону женщины по имени Аруна, звавшейся раньше Мэри Биккерстафф, повернулся и вышел из храма.

Как пришло, так и ушло. Что легко дается, с тем легко расставаться. Но и утешая себя такими рассуждениями, Шарп почувствовал укол ревности. Впрочем, какого черта кому-то завидовать? Мэри поступала так, как считала лучшим для себя, старалась устроиться получше, а за это Шарп никогда никого не винил. Он и сам делал то же самое.

Шарп повернул к баракам, в которых квартировал батальон Гудена. Думая о Мэри, о том, какой недоступной, элегантной красавицей она вдруг стала, он почти не замечал, куда идет, и очнулся, только когда услышал крик, предупреждавший его об опасности столкновения с быком, тащившим за собой груженную огромными бочками повозку. Шарп торопливо отскочил в сторону, и вол с раскрашенными в желтый и синий цвет и увенчанными крошечными серебряными колокольчиками рогами медленно прошел мимо. Проводив повозку взглядом, англичанин увидел, что груз следует к воротам в западной стене и что часовые у них уже разводят громадные створки.

И тут Шарп инстинктивно понял – что-то не так. Он стоял и смотрел, чувствуя, что вот-вот разгадает загадку. Часовые открыли ворота, однако в западной стене никаких ворот, которые выходили бы на реку Кавери, не было! Бангалорские на востоке, Майсурские на юге и еще одни, поменьше, на севере. Ворот было трое. Откуда же взялись четвертые? Очевидно, эти, выходившие на южный рукав Кавери ворота были когда-то замурованы. И все-таки что-то не давало Шарпу покоя. Неожиданно для самого себя он повернулся и зашагал за повозкой, которая уже исчезла в глубоком мрачном туннеле за воротами. Часовые закрывали тяжелые деревянные створки, но вид золотого медальона на груди Шарпа, вероятно, убедил их в том, что человек с таким редким знаком отличия имеет особые права.

– Ищу полковника Гудена! – уверенно бросил Шарп, когда один из часовых попытался встать у него на пути. – Сообщение для полковника, ясно?

Пройдя через ворота, он неожиданно для себя оказался не у выхода из города, а действительно в самом настоящем туннеле, ведущем к глухой каменной стене. Выход, по-видимому существовавший когда-то, был заложен камнем, а образовавшееся пространство превращено в подобие склада, заставленного бочонками. И эти бочонки, судя по торчащим из них фитилям, содержали порох.

Его остановил сердитый крик появившегося офицера. Шарп изобразил простака:

– Полковник Гуден? Вы видели полковника Гудена, сахиб?

Подбежавший офицер-индеец уже вытаскивал пистолет, но, разглядев в тусклом свете золотую медаль, сунул оружие за пояс:

– Гуден?

Шарп закивал:

– Да, да, сахиб, Гуден. Он мой офицер, сахиб. У меня для него сообщение.

Индеец, разумеется, ничего не понял, но он знал значение медали, а потому перешел на уважительный тон. Тем не менее он покачал решительно головой и указал Шарпу на выход.

– Гуден?

Офицер еще раз покачал головой и, улыбнувшись, повернул Шарпа к выходу.

Мысли о Мэри вылетели из головы – он был на пороге важного открытия. Выйдя на улицу, Шарп остановился и еще раз посмотрел на стену. Почему орудия стоят без присмотра? Почему у амбразур нет караульных? Почему на башенках нет флагов? Они были везде, пушки, часовые, знамена, но только не здесь. Подождя, пока ворота закроются, он поспешил по деревянному настилу вверх, к стрелковым ступеням. Стена здесь была сложена из обожженных на солнце кирпичей и выглядела далеко не так внушительно, как северная, сооруженная

из массивных гранитных блоков. В ширину она достигала всего двадцати футов, тогда как туннель растянулся примерно на сотню. Шарп подбежал к парапету, где стояли крупные орудия, и вот тут-то до него дошло.

Стен было две. Новая – на это указывали оставленные торопившимися строителями веревки и леса, – та, на которой стоял он. И старая – в шестидесяти футах от новой, за пустым ровом – с флагами, пушкарями и часовыми. Старая, внешняя, была на пару футов выше новой, и зубцы на ней уже рассыпались, что, несомненно, и привлекало к ней внимание англичан. Большие, двадцатичетырех- и восемнадцатифунтовые орудия будут долбить ее до тех пор, пока не проделают брешь. Стоящие за рекой британцы увидят, конечно, новую стену, но примут ее за какой-нибудь склад или храм. Войска пойдут на штурм, форсируют мелкую реку и окажутся в промежутке между двумя стенами. Здесь они станут отличной мишенью для ракетчиков и артиллеристов, а когда свободного места не останется, весь невероятный запас пороха, хранящийся в бочонках в туннеле, будет подорван. И тогда вся сила этого взрыва уйдет в узкий пролом и заполнит кровью пустой ров. Посмотрев влево, Шарп увидел, что туннель проходит под приземистой старой башней. Башня, конечно, обвалится, придавив камнями тех, кто выживет после ужасного взрыва.

– Вот дьявол!.. – пробормотал Шарп и, торопливо сбежав по настилу, отправился на поиски Лоуфорда.

Если Мэри не сможет найти Рави Шехара, штурмующих ждет катастрофа, настоящая бойня. И предотвратить эту бойню могла, похоже, только Мэри. Мэри, полюбившая Кунвара Сингха. Врага.

Глава восьмая

Осадные работы продвигались своим чередом, задержки возникали только из-за обстрелов да нехватки леса для укрепления траншей и сооружения батарей, на которых можно было бы разместить большие осадные орудия. Руководивший работами полковник Гент, инженер Ост-Индской компании, полностью соглашался с генералом Харрисом в том, что целью должен стать старый участок западной стены. Однако через несколько дней после начала работ один местный крестьянин рассказал британцам о существовании новой, второй стены. Крестьянин утверждал, что стена не завершена, но известие обеспокоило Харриса настолько, что он призвал помощников в свою палатку, где инженер Гент и изложил им последнюю новость:

– Этот человек говорит, что его сыновей забирали на стройку, и я склонен ему верить.

Наступившее после слов Гента короткое молчание нарушил Бэрд:

– У них не хватит солдат на две стены.

– Людей у Типу много, – возразил Уэсли. – По нашим сведениям, тридцать или сорок тысяч. Этого более чем достаточно.

Бэрд никак не отреагировал на замечание молодого полковника, а Харрис, остро чувствующий неприязнь двух своих заместителей друг к другу, сделал вид, что изучает расстеленную на столе карту города. Озарение, однако, не приходило. Сидевший рядом с Харрисом полковник Гент нацепил очки и тоже склонился над картой.

– И все-таки я думаю, что очевидный вариант – запад. Даже несмотря на эту вторую стену.

– А север? – спросил Уэсли.

– По словам нашего крестьянина, – ответил инженер, – новая внутренняя стена закрывает и северный участок. – Взяв карандаш, он провел на карте линию, показывающую, что двойное укрепление есть повсюду, где река подходит к городу достаточно близко. – Запад намного предпочтительнее севера еще и потому, что южный рукав очень мелкий, а главное русло в это время года гораздо коварнее. Если форсировать Кавери, то только здесь. – Гент постучал карандашом по карте у западной стены. – К тому же, – оптимистично добавил он, – возможно, наш источник прав и стена действительно недостроена.

Больше всего Харрису не доставало сейчас Маккандлесса. Будь шотландец здесь, он бы направил в город с десяток переодетых сипаев, и они уже через несколько часов знали бы все о состоянии второй стены. Но полковник пропал, как пропали и посланные ему на выручку люди.

– Мы могли бы перейти реку у Арракерри, – предложил Бэрд, – а потом ударить с востока, как это сделал Корнваллис.

Харрис приподнял парик и поскреб старый шрам.

– Все это мы уже обсуждали, – устало вздохнул он и, улыбнувшись Бэрду, чтобы смягчить упрек, еще раз повторил известные всем доводы: – Во-первых, нам придется форсировать реку, а у противника на берегу хорошие укрепления. Во-вторых, мы наткнемся на новую стену вокруг лагеря. – Он показал на возведенную Типу глинобитную стену. – Значит, осаду надо будет начинать заново. К тому же мы знаем, что с юга и востока внутренняя стена закончена. А чтобы разбить стену, нам придется доставлять боеприпасы через реку.

– Да и переправа после первого хорошего дождя станет непроходимой, – мрачно вставил Гент, – не говоря уж о крокодилах. – Он покачал головой. – Не хотел бы я переправлять по три тонны груза в день через речку, в которой полным-полно этих голодных тварей.

– Получается, в каком бы месте мы ни атаковали, нам везде придется преодолевать две стены? – уточнил Уэсли.

– Получается, что так, – проворчал Бэрд.

– Эта новая стена, – продолжал Уэсли, не обращая внимания на шотландца, – что мы о ней знаем?

– Глина, – ответил инженер. – Кирпичи из красной глины. Вроде той, что у нас в Девоне.

– Глина ведь рассыпается, верно?

– Рассыпается, когда сухая, – согласился Гент. – Но внутри она не высыхает. Хороший материал глина. Удароустойчивый. Я видел, как двадцатичетырехфунтовые ядра отскакивали от такой стены, как смородина от пудинга с салом. С хорошей каменной стеной можно справиться за день. Главное – разбить внешнюю корку, а остальное ядра легко превращают в мусор. Глина – совсем другое дело. – Инженер уставился на карту, постукивая себя по зубам кончиком пера. – Совсем другое.

– Но как-то разбить ее все-таки можно? – обеспокоенно спросил Харрис.

– Да, сэр, конечно, это я вам гарантирую. Вопрос в том, сколько времени мне потребуется, чтобы уговорить ее уступить? – Гент сдвинул очки пониже и посмотрел на генерала. – Ждать муссона осталось недолго, а как только начнутся дожди, делать здесь уже нечего, можно сворачиваться и топать домой. Вы хотите пройти две стены? На это уйдет две недели, но и тогда брешь во второй будет слишком узкой. Опасно узкой! Продольным огнем ее не расширишь. Придется бить прямой наводкой и очень прицельно. Да, мы проделаем брешь, но она будет слишком узкая, а что нас встретит на другой стороне – то одному богу известно. Боюсь, ничего хорошего.

– Но внешнюю мы можем разбить достаточно быстро?

– Да, сэр. Она в основном тоже из глины, но глины старой, сухой. Разобьем корку, а на остальное хватит нескольких часов.

Харрис снова уставился на карту, машинально потирая шрам под париком.

– Лестницы, – произнес он после долгой паузы.

Бэрд тревожно вскинул голову:

– Вы же, упаси господи, не думаете об эскаладе?

– У нас нет леса! – запротестовал Гент.

– Лестницы из бамбука, – продолжал генерал. – Много не надо. Несколько штук. – Он с улыбкой откинулся на спинку стула. – Ваше дело – брешь, остальное предоставьте мне. Мы не полезем в брешь, а поставим лестницы по бокам от нее. Занимаем внешнюю стену, и им ничего не остается, как сдаться.

В палатке наступила тишина – трое офицеров обдумывали предложение генерала. Гент попытался протереть стекла очков уголком рукава.

– Нашим парням придется подниматься очень быстро, сэр. Не забывайте, что через реку пойдет несколько батальонов, и в случае малейшей задержки между стенами скопится слишком много народу. А что там, между ними, то одному богу известно. Может, ров с водой? Может, мины? И даже если ничего, парни могут легко оказаться между двух огней.

– Две группы «Форлорн хоупс»⁷, – словно не слыша пессимистических прогнозов Гента, сказал Харрис. – Бросим их вперед за две-три минуты до главного штурма. Их задача – попасть на стены. Одна группа повернет на север, другая на юг. Между стенами им делать нечего.

– Рискованное предприятие, – заметил Гент.

– Каждый штурм – рискованное предприятие, – твердо заявил Бэрд. – Поэтому мы и задействуем «Форлорн хоупс».

Отряды «Форлорн хоупс», по сути отряды смертников, немногочисленные по составу, формировались из добровольцев и шли на приступ первыми с задачей захватить противника врасплох и посеять панику среди обороняющихся. Несмотря на то что они неизбежно несли тяжелые потери, недостатка в волонтерах не было. На сей раз, однако, им предстояло не просто пробиться через брешь, а захватить укрепления на стенах.

⁷ «Форлорн хоупс» («Отчаянная надежда») – отряд, выполняющий особо опасное задание или обреченный на гибель.

– Город не захватишь, не пролив крови, – продолжал шотландец и, подтянувшись, повернулся к генералу. – Еще раз прошу вас, сэр, разрешить мне возглавить штурмовые силы.

Харрис улыбнулся.

– Разрешаю, Дэвид. – Он впервые назвал Бэрда по имени. – И да пребудет с вами Господь.

– На Бога пусть рассчитывает Типу, – с трудом скрывая радость, ответил Бэрд. – Мы справимся сами. Спасибо, сэр. Вы оказываете мне честь.

«Или посылаю на смерть», – подумал командующий, но выражать свои опасения вслух не стал. Он скатал карту:

– Быстрота, джентльмены. Надо поторапливаться. Скоро придут дожди, так что давайте покончим с этим делом побыстрее.

Работы продолжались. Войска медленно прокладывали себе путь через плодородную долину между акведуком и южным рукавом Кавери. Ряды осаждающих пополнила вторая британская армия численностью шесть с половиной тысяч человек, прибывшая из Каннанора на Малабарском побережье Западной Индии. Она расположилась к северу от Кавери, и ее батареи прикрывали подход к месту предполагаемой брешы, так что теперь соотношение сил еще сильнее изменилось в пользу наступающих: пятьдесят семь тысяч против тридцати, причем из первых одна половина выступала под британским флагом, а вторая под знаменами Хайдарабада. Собственно британцев в британской армии насчитывалось не более шести тысяч, остальные были сипаи, а за спиной войск расположился огромный лагерь из более чем ста тысяч гражданских, с нетерпением ожидающих добраться до богатых, по слухам, складов Серингапатама.

Располагая достаточным количеством войск для осады и штурма, Харрис все же не мог окружить город сплошным кольцом, чем пользовалась кавалерия Типу, едва ли не ежедневно совершавшая вылазки через восточную сторону острова, атакуя британских фуражиров, шнырявших по окрестностям в поисках леса и продовольствия. Отбивать эти вылазки приходилось всадникам Низама Хайдарабадского. Будучи мусульманином, Низам не питал теплых чувств к своему единоверцу Типу, так что его солдаты дрались с особенной ожесточенностью. Один кавалерист вернулся в лагерь с шестью головами, которые привязал за волосы к пике. С таким трофеем он гордо прогалопировал мимо палаток, встречаемый поощрительными криками как красномундирников, так и сипаев. Харрис прислал герою кошелек с гинейями, а командующий войском Низама, Меер Аллум, подошел к выбору награды более практично, выразив благодарность через одну из своих наложниц.

Траншеи уходили все дальше, но их приближению на расстояние, достаточное, чтобы осадные орудия приступили наконец к своей разрушительной работе, мешало одно обстоятельство. На южном берегу Кавери, примерно в полумиле к западу от города, сохранились руины старой водяной мельницы. Сложенные из камня, ее стены оказались достаточно прочными, чтобы выдерживать артиллерийский огонь противника. Превращенные в надежный форт с глубоким защитным рвом, ракетами, орудиями и гарнизоном из двух отборных кушунов, развалины стали для британцев непреодолимым препятствием. Дополнительным раздражением для осаждающих служили два развевающихся над фортом флаги; к вечеру их неизменно сбивали, но с восходом они снова реяли над руинами, словно дразня индийских и британских артиллеристов. Когда же после очередного попадания высланный к форту отряд подходил на достаточно близкое расстояние, его встречал пушечный, ракетный и ружейный огонь, убедительно доказывающий, что защитники мельницы живы и боеспособны. А проложив от города к форту глубокую траншею, Типу даже получил возможность под покровом ночи менять уставших солдат свежими.

Форт необходимо было взять. Провести атаку Харрис приказал индийским и шотландским фланговым ротам, придав им инженерную группу, перед которой стояла задача навести переправу через ров. За час до атаки британская артиллерия обрушила на крепость шквал огня с обоих берегов реки. Двенадцатифунтовые орудия били гаубичными снарядами, и дым-

ные следы горящих фитилей сливались на фоне предзакатного неба с черными клубами, поднимающимися над истерзанным фортом. Дожидающейся сигнала пехоте, которой предстояло форсировать южный рукав Кавери, перебраться через ров и взять форт штурмом, казалось, что там не осталось уже никого и ничего, кроме дыма и пыли, но каждый раз, когда завеса рассеивалась, индийская пушка опровергала надежды противника, отправляя в сторону британских батарей очередное ядро. Или выпущенная защитниками ракета перечеркивала змеящимся густым хвостом тающие следы снарядов. Городская артиллерия тоже не оставалась в стороне, хотя и палила скорее для острастки осаждающих, чем с надеждой нанести им серьезный урон. Шарп, услышав канонаду, подумал было, что за ней последует приступ, но сержант Ротье успокоил своих людей, объяснив, что это британцы тратят снаряды на старую мельницу.

Внезапно артобстрел прекратился, и солдаты Типу стали выбираться из сырых подвалов мельницы, чтобы занять свои места на опаленных огнем укреплениях. Они успели как раз вовремя, чтобы увидеть, как идущие впереди наступающих саперы бросают в ров зажигательные коробки, представляющие собой вязанки сырой соломы с начинкой из селитры, гранулированного пороха и сурьмы. Тлеющая изнутри солома испускала густой едкий дым, так что уже через несколько секунд над рвом поднялась серая завеса, через которую напуганные защитники дали нестройный ружейный залп. Новые и новые вязанки летели в ров, дым становился гуще и гуще, и под его покровом атакующие, перекинув несколько десятков досок, устремились на врага с примкнутыми штыками. Лишь немногие из обороняющихся успели перезарядить мушкеты. Эти немногие выстрелили, и один из британцев свалился в ров на горящую солому. Остальные карабкались на стены. Пертширские горцы и бенгальские пехотинцы ворвались в крепость, как злобные фурии. Ошеломленные внезапностью штурма, оглушенные предшествовавшим ему артобстрелом и задыхающиеся от дыма, воины Типу не сумели ни организовать сопротивление, ни даже капитулировать. С дикими криками бенгалцы и горцы рассеялись между руинами, разя врага штыком и пулей, а тем временем за спиной у них саперы уже наводили прочный мост, чтобы перетащить в форт осадные орудия и превратить его еще в одну батарею.

Солома наконец догорела, дым рассеялся, красные лучи заходящего солнца коснулись почерневших руин и застывших на них горца и бенгальца с захваченными флагами поверженного врага. Бой превратился в побоище, и офицеры с трудом сдерживали разъяренных солдат. Последний, самый глубокий подвал отчаянно защищала группа пехотинцев Типу, но кто-то из саперов поджег оставшуюся вязанку, выждал несколько секунд, пока из нее не повалил дым, и спустил по лестнице. Недолгая тишина сменилась кашлем и стонами, и задыхающиеся защитники стали выбираться из превратившегося в ад подвала. Форт был взят, причем атакующие потеряли одного солдата, тогда как ошеломленный успехом лейтенант насчитал на развалинах двести тел в полосатых туниках. Еще больше защитников крепости лежало у амбразур. Остальные либо попали в плен, либо бежали в город по траншее. Один сержант-шотландец, обнаружив снаряженную к запуску ракету, поставил ее вертикально между двумя камнями и поджег запал. Под крики победителей ракета взмыла в небо, завертелась штопором и, достигнув апогея, устремилась вниз и упала в Кавери.

На следующее утро в форте установили восемнадцатифунтовые орудия. Расстояние до города было велико, но Харрис все же приказал открыть огонь. На сей раз артиллеристы получили приказ уничтожить вражеские пушки. Внешнюю стену Серингапатама защищал земляной бруствер, но так как расстояние от реки было слишком мало, то места для устройства надежного, с пологим гласисом, от которого отскакивали бы снаряды, бруствера не хватило. Низкий отвесный скат защищал только основание стены, но не парапет, на котором и стояли орудия. Удача, сопутствовавшая накануне бенгальцам и горцам, опустилась теперь на плечи пушкарей – уже первый выстрел накрыл амбразуру, а второй пришелся в стоящую за ней пушку. После этого все пошло как по маслу, и едва ли не каждый посланный британцами сна-

ряд достигал цели. Наблюдавшие в подзорные трубы офицеры видели, как вражеские орудия одно за другим сваливаются со стены. Каждый успех сопровождался восторженными криками осаждаемой стороны. К концу дня едва ли не вся западная стена была очищена от орудий. Точность артиллеристов сулила легкую победу. Боевой дух союзников взлетел до небес.

Тем временем Типу, наблюдая за уничтожением своих с таким усердием собранных пушек, закипал от ярости. Форт, на который он возлагал такие надежды, форт, который должен был задержать врага до прихода муссона, не выдержал и одной атаки. И вот теперь проклятые британцы легко и планомерно расстреливали его артиллерию.

Пришло время, решил Типу, доказать солдатам, что красные мундиры не неуязвимые демоны, а всего лишь обычные смертные, что их тоже можно утратить и поставить на колени. Пора тигру выпустить когти.

* * *

В получасе пути от города, за окружающей лагерь стеной, находился Летний дворец, Дария Даулат. Он был намного меньше городского Внутреннего дворца, потому что в последнем помещались весь гарем султана, штаб его армии, правительственные учреждения, а также конюшни, склады, суд, залы для приемов и тюрьма. Во Внутреннем дворце бурлила кипучая деятельность, сотни человек трудились там, зарабатывая себе на жизнь, тогда как Летний дворец, окруженный зелеными садами и защищенный густой стеной алоэ, служил оазисом мира и покоя.

Дария Даулат возвели ради приятного отдохновения, а не для того, чтобы поражать и впечатлять. Невысокий, всего лишь в два этажа, сложенный из огромных тиковых бревен дворец был покрыт толстым слоем штукатурки и окрашен так, что, казалось, не столько отражал, сколько сам испускал солнечный свет. Вокруг шла двухэтажная веранда, и на западной стене, под верандой, в том месте, куда не заглядывали лучи, Типу приказал выложить огромную фреску, изображавшую битву при Поллилуре, ту самую, в которой он пятнадцатью годами ранее разгромил британскую армию. В результате той победы влияние Типу распространилось на все Малабарское побережье, и в честь того триумфа дворец получил свое имя – Дария Даулат, «Сокровище моря». Дворец лежал на дороге к восточной оконечности острова, где стоял элегантный мавзолей, в котором лежали родители Типу, великий Хайдар Али и Фатима Бегума, и в котором, как знал султан, упокоится в свое время и он сам.

Сад представлял собой широкую лужайку с прудами, деревьями, кустами и цветочными клумбами. Здесь можно было встретить не только розы и манго, но и такие экзотические для здешних мест растения, как индиго и хлопок, ананасы из Африки и авокадо из Мексики, разведение которых Типу поощрял в надежде, что когда-нибудь они принесут прибыль его стране. Однако в этот день, день после того, как дым, огонь и кровь поглотили старый форт, сад, предназначенный для неспешных прогулок и созерцания красоты, наполнили не празднующие, а две тысячи солдат из тридцатитысячного войска султана. Они выстроились на площадке севернее дворца, составив прямоугольник, четвертой стороной которого стал фасад Дария Даулат.

Для войск были приготовлены развлечения: из города привели танцовщиц, двух жонглеров и заклинателя змей. Но больше всего солдат заинтересовал деревянный тигр, доставленный из Внутреннего дворца. Тигр царапал когтистой лапой раскрашенное красной краской лицо деревянного красномундирника, который, к радости воинов султана, издавал жалобные стоны.

Сам Типу прибыл в паланкине после полудня. Никто из европейцев его не сопровождал. С султаном прибыл только Аппа Рао – двое из пяти участвовавших в параде кушунов были из его бригады. Высокий генерал-индус молча стоял на верхней веранде за спиной Типу. Зная о плане султана и не одобряя его, он не смел протестовать, потому что любое выражение

несогласия могло вызвать у монарха подозрения. К тому же отговорить Типу от задуманного было невозможно. Астрологи предупредили, что страна вступает в период неудач, отвратить которые можно лишь ценой жертвоприношения. Другие мудрецы, интерпретировавшие будущее по причудливо окрашенным дымчатым завихрениям над мутной поверхностью кипящего в котле масла, объявили то же самое: для Серингапатама наступил сезон несчастий. Именно этим объяснили они и сдачу форта, и уничтожение орудий на западной стене, и теперь Типу преисполнился решимости положить конец внезапно обрушившимся на него бедам.

Позволив солдатам еще немного понаблюдать за деревянным тигром, Типу хлопнул в ладоши и приказал слугам отнести модель во Внутренний дворец. Место тигра заняли десяток джетти, представших перед зрителями, как обычно, в полуобнаженном виде. Несколько минут силачи демонстрировали свои обычные трюки: сгибали в кольцо железные прутья, поднимали на ладони взрослых мужчин и перебрасывались пушечными ядрами.

Потом, повинуясь сигналу барабана, джетти отступили в тень под балконом, а во двор ввели пленных. Изумленные зрители сначала приумолкли, а потом по их рядам прокатился злобный ропот. Пленников было тринадцать, и все они были солдатами 33-го полка, захваченными в ходе ночного боя в роще за акведуком.

Тринадцать несчастных неуверенно остановились, окруженные кольцом врагов. Нещадно палило солнце. У одного из пленных, сержанта, лицо то и дело подергивалось, делаясь похожим на жуткую маску. Его бегающий, странно напряженный взгляд остановился, когда Типу, шагнув к перилам балкона, обратился к войскам. Противнику, сказал султан, сопутствовала удача, он одержал несколько незначительных побед, но бояться его нет оснований. Британские колдуны, зная, что не могут одолеть тигров Майсура одной лишь силой, прибегли к помощи заклятия, но с помощью Аллаха это заклятие будет снято. Солдаты встретили речь своего повелителя одобрительным гулом, тогда как не понявшие ни слова пленники лишь тревожно переглянулись.

Стражники, охранявшие пленников, отвели их к стене дворца, оставив посреди двора лишь одного человека. Он попытался уйти со своими товарищами, но стражник остановил его штыком. Неравный поединок, вызвавший смех среди солдат, закончился тем, что пленник остался в одиночестве посреди двора, тревожно поглядывая по сторонам в ожидании решения своей судьбы.

Ждать долго не пришлось. К пленнику подошли два джетти с устрашающего вида колючими бородами и заплетенными вокруг головы длинными черными волосами. Англичанин нервно облизал сухие губы, джетти улыбнулись, и вдруг красномундирник, словно почувствовав, что его ожидает, торопливо отступил от силачей на пару шагов. Солдаты рассмеялись – окруженному с трех сторон врагами солдату бежать было некуда. Он попытался обойти индусов, но один из них схватил его за мундир. Несчастный ударил джетти кулаком в грудь, чем вызвал очередную вспышку смеха – с таким же успехом заяц мог бы колотить волка.

Обхватив британца обеими руками, первый джетти крепко прижал его к себе, тогда как второй взял его за голову, сделал глубокий вдох и резко повернул.

Предсмертный крик оборвался. Пару секунд голова англичанина невидяще смотрела назад, потом джетти убрал руки, и тело рухнуло на землю. Первый джетти поднял труп одной рукой и презрительно, играючи подбросил в воздух – так терьер играет с дохлой крысой. В следующую секунду солдаты, затаив дыхание наблюдавшие эту маленькую сцену, разразились одобрительными криками. Типу улыбнулся.

Второго пленника заставили встать на колени, и палач поставил ему на голову гвоздь. Британец не сопротивлялся, лишь процедив сквозь зубы проклятие, и умер мгновенно, оросив своей кровью посыпанный песком двор. Третьего джетти убил одним ударом в грудь, ударом настолько сильным, что британца отбросило на добрый десяток шагов, и он умер от разрыва сердца. Зрители потребовали повторения трюка со сворачиванием головы, и такое удоволь-

ствие им было доставлено. Одного за другим пленников выводили к месту казни. Трое умерли малодушно, моля о пощаде и обливаясь слезами. Двое расстались с жизнью, читая молитву, но остальные сохранили достоинство до конца. Трое сопротивлялись, а один, гренадер, насмешил вражеских солдат тем, что сумел сломать джетти палец. Они умирали поодиночке, сознавая свое бессилие, видя смерть товарищей и гадая лишь о том, какая участь уготована им: пробьют ли им череп, свернут шею или просто прикончат ударом в грудь. Каждому казненному отрубали затем голову, после чего обе части тела заворачивали в тростниковый коврик и убирали в сторону.

Сержанта оставили напоследок. К этому времени настроение зрителей изменилось. Если поначалу они наблюдали за хладнокровной расправой на залитом солнцем дворе с некоторой настороженностью, то затем демонстрация силы одними и отчаянные попытки других избежать смерти увлекли их, и они уже с нетерпением ожидали заключительного акта, обещавшего стать достойным финалом захватывающей драмы. Хотя солдаты и принимали нервный тик сержанта за проявление безотчетного страха, повел он себя неожиданно и, увернувшись от джетти, подбежал к балкону и что-то прокричал султану. Снова и снова его загоняли в угол, и каждый раз он исхитрялся выскользнуть, выкрутиться, изловчиться и воззвать к Типу. Крики его тонули в возгласах зрителей, откликавшихся на каждый удачный маневр пленника. На помощь двум джетти пришли еще двое, и, как ни пытался сержант проскочить между ними, он неизменно натыкался на непробиваемую стену. Бросившись в одну, потом в другую сторону, пленник неожиданно повернулся и устремился к балкону и, глядя на Типу, возопил:

– Я знаю предателей! Они здесь! Я знаю!

Подоспевший джетти обхватил его руками сзади и заставил опуститься на колени.

– Уберите их от меня! Уберите этих черных ублюдков! – надрывался сержант. – Послушайте меня, ваша честь, я знаю, что тут происходит! В городе есть британский офицер в вашей форме! Ради бога! Мама! – Последнее слово сорвалось с губ Обадаи Хейксвилла в тот момент, когда джетти сжал ладонями его голову. Изловчившись, сержант укусил палача за палец, и индус инстинктивно отдернул руку, оставив в зубах пленника кусочек своей плоти.

Хейксвилл сплюнул.

– Послушайте, ваша милость! Я знаю, что они задумали! Предатели! Клянусь! Убери руки, чертов ублюдок! Я не умру! Я не умру! Мама!

Пострадавший от укуса джетти снова схватил сержанта, готовясь свернуть ему шею. Обычно он делал это быстро, одним резким движением, но сейчас решил отомстить строптивому пленнику медленной, мучительной смертью.

– Мама! – возопил Хейксвилл, скосив глаза на султана. – Я видел в городе британского офицера! Нет!

– Подожди! – остановил палача Типу.

Джетти замер, все еще держа голову сержанта под неестественным углом.

– Что он говорит? – спросил Типу одного из офицеров, который немного говорил по-английски.

Офицер перевел ему слова пленника.

Султан махнул рукой, и огорченный палач опустил руки. Сержант хрипло выругался и потерял шею.

– Чертов ублюдок! Черномазая тварь! – Он плюнул в джетти, отряхнулся и сделал два шага к дворцу. – Я его видел! Собственными глазами! В такой вот рубаше. – Хейксвилл кивнул в сторону одетых в туники солдат. – Он лейтенант. В полку сказали, что его послали в Мадрас, но он здесь. Да, здесь, потому что я его видел! Я! Обадаи Хейксвилл! Уберите от меня эту черномазую дрянь! – заорал сержант на шагнувшего к нему индуса. – Убирайся! Иди в свой хлев!

– Что ты видел? – крикнул с балкона офицер.

– Я же сказал, ваша честь.

– Нет, не сказал. Назови имя.

Хейксвилл ослабил:

– Я скажу. Скажу, если пообещаете, что сохраните мне жизнь. – Он упал на колени и протянул руки к балкону. – Посадите меня в тюрьму, я не против, Обадаю Хейксвилла крысами не напугаешь, но только не дайте этим чертовым дикарям свернуть мне голову. Это не по-христиански.

Типу наконец кивнул, и офицер, повернувшись к пленнику, крикнул:

– Ты будешь жить.

– Слово чести?

– Слово чести.

– Как сказано в Писании, чтоб мне сдохнуть?

– Ты будешь жить! – бросил раздраженно офицер. – Но только если скажешь правду.

– Я всегда говорю правду, сэр. Честность и Хейксвилл – одно и то же. Так вот, я его видел. Лейтенанта Лоуфорда. По имени Уильям. Высокий такой, светловолосый. Голубые глаза. И он тут не один. С ним Шарп. Рядовой Шарп, сэр.

Вряд ли офицер понял все, но и того, что он понял, было вполне достаточно.

– Так ты говоришь, этот Лоуфорд – британский офицер?

– Конечно! Из моей роты! В полку сказали, что его отправили с донесением в Мадрас, но я никогда этому не верил! Какое донесение? Он здесь, ваша милость. И что-то замышляет. Иначе зачем ему рассказывать в полосатой рубаше?

Офицер с сомнением покачал головой:

– Единственные англичане, которые здесь есть, – это пленные или дезертиры. Ты лжешь. Хейксвилл сплюнул на песок, пропитанный кровью обезглавленных пленников.

– Какой он дезертир! Офицеры не бегут из армии. Продают патент и отправляются домой, к мамочке. Говорю вам, сэр, он офицер. А тот, что с ним, сэр, чистый ублюдок! Жалко, что не сдох. И сдох бы под плетью, да за ним прислал генерал.

Упоминание о плети заставило Типу насторожиться.

– Когда это было? – перевел офицер вопрос султана.

– Как раз перед побегом, сэр. Спина у него, должно быть, до сих пор не зажила.

– И ты утверждаешь, что за ним посылал генерал? – недоверчиво спросил офицер.

– Так точно, сэр. Генерал Харрис. Тот, которому в Америке башку прострелили. Он отправил за ним полковника, а полковник Уэлсли, сэр, распорядился освободить Шарпа. Отменил наказание! – Хейксвилл и сейчас, похоже, не мог смириться с произошедшим. – Как такое возможно? Отменить законно назначенное наказание! Да где такое видано? Непорядок, сэр, беспорядок. Такая армия ни на что не годится! Нет, сэр, ни на что.

Выслушав перевод, Типу отступил от перил и повернулся к Аппе Рао, служившему когда-то в армии Ост-Индской компании:

– Бывают ли среди британских офицеров случаи дезертирства?

– Я, ваше величество, о таких случаях не слышал, – ответил Аппа Рао, радуясь уже тому, что из-за тени султан не замечает его бледности. – Они имеют право продать патент и уйти в отставку, так что дезертировать им ни к чему.

Типу кивнул в сторону коленопреклоненного Хейксвилла:

– Этого верните в тюрьму. И передайте полковнику Гудену, чтобы ждал меня во Внутреннем дворце.

Стражники схватили сержанта и поволокли со двора.

– У него еще библии с собой! – кричал Хейксвилл, хотя его больше никто не слушал. Из глаз спасенного катились слезы радости. У Бангалорских ворот он снова рухнул на колени и,

устремив взгляд к безоблачному небу, прохрипел: – Спасибо тебе, мама! Спасибо тебе, потому что я никогда не умру!

Тела двенадцати казненных сбросили в наспех вырытую могилу. Войско вернулось в лагерь, а Типу, устроившись в паланкине под полосатым навесом, отправился в город. По пути он размышлял о том, что принесенная жертва оказалась не напрасной, потому что благодаря ей он узнал о присутствии в городе вражеских лазутчиков. Слава Аллаху, судьба определенно повернулась к нему лицом.

* * *

– Так ты думаешь, миссис Биккерстафф переметнулась к врагу? – в третий или четвертый раз спросил Шарпа Лоуфорд.

– Она переметнулась к нему под бочок, – невесело ответил Шарп, – но нам, думаю, поможет.

Он постирал две туники, свою и лейтенанта, и теперь проверял, высохла ли одежда. Ухаживать за формой в армии Типу было куда легче, чем в британской: не надо натирать белой глиной ремни и пояса, не надо драить ваксой сапоги, не надо пудрить волосы. Убедившись, что туники высохли, Шарп бросил Лоуфорду его и аккуратно натянул через голову свою, после чего повесил на шею золотой медальон. На левом плече туники красовался красный шнур – знак капральского достоинства. Не удостоенный такого отличия Лоуфорд недовольно поморщился.

– А если она нас выдаст?

– Тогда нас ждут большие неприятности. Но она не выдаст. Мэри – хорошая девушка. Лейтенант пожал плечами:

– Как посмотреть. Тебя ведь обманула.

– Легко пришло – легко ушло, – подпоясывая тунику, ответил Шарп.

Как и большинство местных солдат, он ничего под нее не надевал в отличие от Лоуфорда, упорно носившего старые армейские бриджи. Головные уборы оба сохранили, сменив лишь кокарду Георга III на оловянный значок в виде поднятой лапы тигра.

– Послушай, я сделал все, о чем ты меня просил, и Мэри пообещала найти этого Рави, или как его там. Остается только ждать. Выпадет шанс сбежать – сбежим. Ты мушкет для проверки приготовил?

– Оружие у меня всегда в порядке, – с некоторой обидой ответил лейтенант, поднимая тяжелый французский мушкет.

– Господи, да за такое ружье тебя в настоящей армии под трибунал бы отдали. Дай сюда.

До проверки, которую сержант Ротье проводил ежедневно, оставалось еще полчаса, после чего они были свободны почти до вечера, когда наступало время заступать в караул у Майсурских ворот. Их смена продолжалась до полуночи, но Шарп знал, что сбежать из города в эту ночь не получится, – Майсурские ворота вели в лагерь, который, в свою очередь, надежно охранялся по всему периметру. Накануне он уже предпринял попытку выйти за них, но не успел сделать и двадцати шагов, как его остановили и, несмотря на медальон и капральский шнурок, вежливо, но твердо потребовали вернуться. Похоже, Типу держал город на замке.

– Мне Ваззи почистил, – сказал Лоуфорд, протягивая Шарпу мушкет. Вокруг казарм постоянно болтались мальчишки, готовые за малую плату на любую посильную работу. – Разумеется, я ему заплатил, – с достоинством добавил лейтенант.

– Хочешь, чтобы работа была сделана хорошо, сделай ее сам. Черт! – выругался Шарп, потому что пружина прищемила ему палец. – Ты только посмотри, какая здесь ржавчина! Чертовы французы даже мушкет не умеют сделать как следует. То ли дело наши, бирмингемские. – Ворча, он ловко вынул пружину, ухитрившись не выронить спусковой механизм.

– И ты всегда так вот чистишь свой мушкет? – поинтересовался Лоуфорд, на которого дотошность и старательность Шарпа произвели сильное впечатление.

– Конечно! А как иначе? Впрочем, Хейксвиллу наплевать – он только снаружи и проверяет. Помнишь, ты за меня вступился из-за кремня? Сержант заменил его на простой камень, но я успел вовремя спохватиться. Хитер, да только есть и похитрее.

– Он заменил кремень? – изумился Лоуфорд.

– Точно. Форменная змеюка этот наш Обадайя. Сколько ж ты заплатил Ваззи?

– Анну.

– Парнишка тебя ограбил. Не подашь пузырек с маслом?

Лоуфорд подал масло и прислонился к лохани, в которой Шарп стирал туники. Несмотря на очевидную неудачу миссии, он чувствовал себя как-то непривычно спокойно. Ему было приятно вот так, на равных, общаться с Шарпом. Многие офицеры избегали своих солдат, боясь их презрения и пряча настороженность за показным высокомерием. Лоуфорду казалось, что он уже никогда не сможет вести себя так, потому что в нем не осталось больше страха перед грубыми, жестокими парнями, составлявшими основу британской армии. Шарп избавил его от страха, показав, что грубость их есть скорее бездумная привычка, а жестокостью они прикрывают добросовестность и честность. Конечно, не все были честны, как не все были и грубы, но ведь подавляющее число офицеров считали рядовых скотами и относились к ним соответственно. Лоуфорд с завистью наблюдал за тем, как Шарп, очистив пружину от ржавчины, ловко вставляет ее на место с помощью отмычки.

– Лейтенант? – окликнул кто-то с другого края двора. – Лейтенант Лоуфорд?

– Сэр? – машинально откликнулся Лоуфорд, поднимаясь и поворачивая голову в сторону голоса. В следующую секунду он понял свою ошибку и побледнел.

Шарп выругался.

Полковник Гуден медленно подошел к британцам, потирая щеку.

– Лейтенант Лоуфорд? – вежливо осведомился он. – Из Тридцать третьего пехотного полка его величества?

Лоуфорд молчал.

Гуден пожал плечами:

– Офицеры – люди чести, не так ли, лейтенант? Будете и дальше лгать?

– Нет, сэр.

Француз вздохнул:

– Так вы действительно офицер?

– Да, сэр, – стыдливо признался Лоуфорд, хотя чего именно он стыдился, своего недостойного, с точки зрения Гудена, поведения или прискорбной беспечности, Шарп так и не понял.

– А вы, капрал Шарп? – грустно спросил полковник.

– Я не офицер, сэр.

– Это понятно. Вы настоящий дезертир?

– Самый настоящий, сэр, – с честным лицом соврал Шарп.

У Гудена его уверенный тон вызвал улыбку.

– А вы, лейтенант? – Он повернулся к Лоуфорду. – Вы настоящий дезертир? – Лейтенант промолчал, и полковник тяжело вздохнул. – Будьте добры, лейтенант, отвечайте.

– Нет, сэр, я не дезертир. И рядовой Шарп тоже.

– Понятно, – кивнул француз. – Сержант так и говорил.

– Сержант, сэр?

Гуден состроил гримасу:

– Боюсь, у меня плохая новость. Типу казнил захваченных в лесу пленных. Одного он пощадил, потому что тот донес на вас.

– Ублюдок! – Шарп отбросил мушкет. – Чертов Хейксвилл. – Он выругался еще раз, с большим чувством.

– Сэр? – Лоуфорд вопросительно посмотрел на полковника.

– Лейтенант? – в тон ему ответил Гуден.

– Когда нас захватили, мы были в форме, сэр. Это означает, что с нами должно обращаться как с военнопленными.

Француз покачал головой:

– Ничего это не значит, лейтенант, потому что вы солгали. – В голосе его слышалось явное неодобрение. – И все же я попробую ходатайствовать за вас. – Он опустил на край лохани и раздраженно отмахнулся от надоедливой мухи. – Скажете, зачем пришли в город?

– Нет, сэр.

– Да, я так и думал. Но хочу предупредить, что Типу захочет это узнать. – Гуден улыбнулся Шарпу. – Видите ли, вы один из лучших солдат из всех, кем мне выпала честь командовать. И беспокоило меня только одно: что может заставить такого хорошего солдата изменить своей стране, пусть его и подвергли несправедливому наказанию. Теперь я вижу, что вы даже еще лучший солдат, чем мне представлялось. – Он нахмурился, потому что Шарп, выслушивая комплимент, задрал тунику и почесал задницу.

– Извините, сэр, – виновато сказал Шарп, заметив неодобрительный взгляд полковника, и опустил тунику.

– Жаль вас терять, – продолжал Гуден. – За вами пришли, чтобы отвести во дворец. – Он помолчал, очевидно решая, стоит ли добавить еще что-нибудь к завуалированной угрозе, потом повернулся, щелкнул пальцами, и во дворе появился мрачный сержант Ротье. С собой он нес красные мундиры Лоуфорда и Шарпа и белые бриджи последнего. – Так будет лучше, – без особой надежды добавил полковник, наблюдая за тем, как британцы снимают чистые туники и переодеваются в старую форму. – Что касается женщины... – Он неуверенно взглянул на Шарпа.

– Она не имеет к нашим делам никакого отношения, сэр, – поспешно, натягивая бриджи, ответил Шарп. – Честное слово, сэр. К тому же, сэр... – добавил он, застегивая пуговицы на показавшемся вдруг удивительно тесным и неудобным мундире. – К тому же она меня бросила.

– Вам не повезло уже дважды. Для солдата плохой знак. – Гуден улыбнулся и протянул руку. – Ваши мушкеты, джентльмены, если не возражаете.

Шарп передал ему оба ружья:

– Сэр?

– Рядовой Шарп?

Шарп вдруг покраснел и засмутился:

– Для меня было честью служить вам, сэр. Жалко, что у нас в армии мало таких, как вы.

– Спасибо. – Гуден кивнул, принимая комплимент. – Конечно, – добавил он, – если вы пообещаете в дальнейшем честно служить Типу, то, может быть, избежите уготованной вам участи. Думаю, я мог бы убедить Типу, но прежде вы должны сказать, зачем пришли в город.

Предложение было адресовано Шарпу, и Лоуфорд напрягся в ожидании ответа. Шарп помолчал, колеблясь, потом покачал головой:

– Нет, сэр, я уж лучше останусь красномундирником.

Иного ответа Гуден и не ожидал.

– Хорошо. Кстати, рядовой, медальон можете оставить. Все равно его найдут.

– Да, сэр. – Шарп достал медальон из кармана, куда он предусмотрительно его спрятал, и повесил на шею.

Полковник сделал приглашающий жест в сторону барака:

– Сюда, джентльмены.

Удовольствия закончились.

И Шарп подозревал, что закончились они надолго.
Потому что теперь они с Лоуфордом стали пленниками Типу.

* * *

Аппа Рао распорядился привести Мэри в одну из дальних комнат. Там ее уже ждал Кунвар Сингх, но на последнего молодая женщина старалась не смотреть, боясь увидеть на его красивом лице предвестие больших неприятностей. Никаких особенных причин ожидать неприятностей не было, но она всегда держалась настороженно, к тому же суровый вид хозяина дома подсказывал, что ее страхи оправданны.

– Ваши спутники, – заговорил генерал, когда служанка закрыла за собой дверь, – арестованы. Лейтенант Лоуфорд и рядовой Шарп, тот, которого вы называли своим братом.

– Сводным братом, господин, – прошептала Мэри.

– Как скажете, – не стал спорить Аппа Рао.

Кунвар Сингх немного говорил по-английски, но все-таки недостаточно, чтобы поспевать за ходом разговора, а потому генерал выбрал для допроса Мэри именно этот язык, хотя и владел им не совсем хорошо. Разумеется, в родство Мэри и Шарпа он не верил, но девушка ему нравилась, и генерал считал, что она могла бы стать подходящей невестой для Кунвара Сингха. Будущее Майсура знали только боги, но если это будущее было так или иначе связано с англичанами, то знающая английский жена стала бы для молодого человека серьезным преимуществом. Кроме того, жена самого генерала, Лакшми, твердо стояла на стороне Мэри и придерживалась того мнения, что ее прошлое, как и прошлое Кунвара Сингха, должно быть предано забвению.

– Зачем они здесь?

– Не знаю, господин.

Аппа Рао достал пистолет и начал его заряжать. Мэри и Кунвар Сингх с одинаковой тревогой следили за тем, как он, сняв серебряный рог, засыпает в дуло тщательно отмеренную порцию.

– Позволь рассказать тебе, Аруна, что будет дальше с лейтенантом Лоуфордом и рядовым Шарпом. – Он стряхнул с дула крошки пороха. – Типу подвергнет их допросу, а его допросы бывают весьма болезненными. В конце концов они все расскажут. Иначе не бывает. Может быть, им позволят жить, может, нет. Не знаю. – Генерал посмотрел на молодую женщину и, затолкав в дуло бумажный пыж, начал выбирать пулю из деревянного ящичка. – Типу задаст им два вопроса. Первый: зачем они сюда пришли, и второй: с кем они должны были встретиться в городе. Ты меня понимаешь?

– Да, господин.

Аппа Рао вложил пулю и вытащил короткий шомпол.

– Они скажут, Аруна. Какими бы храбрыми и крепкими они ни были, в конце концов они заговорят. Конечно... – он помедлил, забивая пулю, – Типу может вспомнить о тебе. И если вспомнит, то пошлет за тобой, и тогда тебе тоже станут задавать вопросы. Но не так, как это делаю я. Понимаешь?

– Да, господин, – едва слышно прошептала Мэри.

Генерал вернул шомпол на место. Теперь пистолет был заряжен, оставалось взвести курок.

– Я не желаю тебе зла, Аруна, а потому скажи, зачем они пришли в Серингапатам.

Мэри как зачарованная смотрела на пистолет. Это было прекрасное оружие, с инкрустированной слоновой костью рукояткой и украшенным серебряными завитушками стволом. Потом она посмотрела в глаза генералу и поняла, что он не собирается стрелять в нее. В них не было угрозы, но был страх, и, распознав страх, Мэри решила рассказать правду:

– Они пришли сюда, господин, чтобы найти человека по имени Маккандлесс.

Именно такого ответа и страшился Аппа Рао.

– Они нашли его?

– Нет, господин.

– Тогда что они узнали? – Генерал положил пистолет на стол. – Что они узнали? – уже требовательнее повторил он.

– Рядовой Шарп сказал мне, что британцы не должны атаковать с запада, господин, – ответила Мэри, забыв назвав Шарпа братом. – Вот и все, господин.

– Все? Не может быть. Зачем он сказал тебе это? Думал, что ты сумеешь выйти из города? Мэри снова устала на пистолет:

– Он попросил меня найти одного человека, господин.

– Кого?

Девушка со страхом взглянула на генерала:

– Одного купца, господин, по имени Рави Шехар.

– Кого-нибудь еще?

– Нет, господин.

Рао поверил ей, и с души у него свалился камень. Больше всего он боялся, что Шарпу и Лоуфорду назвали его имя, и хотя Маккандлесс пообещал держать предательство генерала в тайне, полной уверенности в том, что шотландец сумеет сдержать слово, не было. Маккандлесса еще не допрашивали под пытками, так как Типу полагал, что «полковник Росс» не более чем безобидный фуражир, но теперь опасность многократно возросла. Шарп и Лоуфорд не знали о существовании Рао, но могли разоблачить шотландца, и тогда за дело возьмутся джетти. Выдержит ли старик? Конечно, генералу было бы нетрудно уйти к британцам, но его побег грозил смертью всем родственникам и многочисленной прислуге. Нет, решил после недолгих раздумий Рао, опасную игру следует довести до конца. Он подтолкнул пистолет Мэри:

– Возьми.

Молодая женщина удивленно посмотрела на него:

– Пистолет, господин?

– Да, возьми его. И слушай меня внимательно. Рави Шехар мертв, и тело его скормлено тиграм. Возможно, Типу уже забыл о твоём существовании, но, если он вспомнит, оружие тебе пригодится. – Он подумал, не попытаться ли вывести девушку из города. Это решало бы многое, но каждый житель обязан был предъявить у ворот пропуск с личной печатью самого султана, и получить такой удавалось не всем. Солдат мог бы убежать из Серингапатама, но не простой горожанин. Аппа Рао посмотрел в темные глаза Мэри. – Говорят, если вложить его в рот и направить чуть вверх, то все заканчивается быстро. – Девушка поежилась, и генерал кивнул Кунвару Сингху. – Я вручаю ее твоим заботам.

Молодой человек поклонился.

Мэри вернулась на женскую половину, а хозяин отправился в домашнее святилище. Он задержался там, думая о том, как завидует уверенным в себе людям, вроде Типу или полковника Маккандлесса. Ни тот ни другой не терзались сомнениями и твердо верили в то, что судьбу определяют они сами. Они ни от кого не зависели, и Аппа Рао хотел бы того же. Он хотел бы жить в Майсуре, управляемом древней индусской династией, в Майсуре, не подвластном ни британцам, ни французам, ни маратхам, ни мусульманам, но вместо этого оказался в самом центре противостояния двух армий и был вынужден думать в первую очередь о том, как спасти жену, детей, слуг и себя самого. Генерал закрыл глаза, сложил руки и, прикоснувшись ко лбу, склонился перед Ганешей, богом с головой слона, охранявшим его дом.

– Сохрани нам жизнь, – прошептал он. – Только сохрани нам жизнь.

* * *

Типу вошел во двор без обычной помпы, в сопровождении всего лишь офицера и двух джетти. Арестованных англичан охраняли четверо пехотинцев. Джетти остались в стороне, равнодушно наблюдая за тем, как их повелитель подходит к одному из арестованных и срывает с него золотой медальон. От рывка цепь глубоко врезалась Шарпу в шею и порвалась. Типу плюнул британцу в лицо и отвернулся.

Офицер, молодой, учтивый мусульманин, заговорил на хорошем английском:

– Его величество желает знать, зачем вы пришли в город.

Лоуфорд подтянулся.

– Я лейтенант армии его величества... – начал он, но индеец поднял руку:

– Молчать! Здесь ты не лейтенант. Ты – ничтожество. Итак, зачем вы пришли в город?

– А ты как думаешь? – огрызнулся Шарп.

Офицер посмотрел на него:

– Думаю, вы пришли сюда выведывать наши секреты.

– Ну вот, теперь знаешь.

Офицер улыбнулся:

– Может быть, вам назвали имя того, с кем вы должны были связаться? Того, кто помог бы вам? Нам нужно имя.

Шарп покачал головой:

– Никаких имен нам не называли. Ни одного.

– Возможно.

Офицер кивнул двум джетти, один из которых схватил Шарпа, а другой так рванул вниз мундир, что с того посыпались пуговицы. Никакой одежды под мундиром не оказалось, если не считать таковой повязку, покрывавшую заживающие раны. Первый джетти достал кинжал и, не церемонясь, разрезал бинты. Лезвие задело кожу, и Шарп вздрогнул от боли. Один из тигров, почуяв запах крови, зашевелился. Второй джетти отошел к солдатам и взял у одного из них ружейный шомпол. Потом вернулся к Шарпу, встал у него за спиной и по знаку Типу хлестнул пленника шомполом по спине.

Боль была не меньше, чем при бичевании. Она пронзила спину, Шарп охнул и стиснул зубы, чтобы не закричать. За первым ударом последовал второй, столь сильный, что Шарп не устоял на ногах и упал лицом вниз, успев в последний момент выставить руки. Джетти ударил его еще трижды, и из-под рассеченной кожи проступила кровь. Тигры зарычали и подались вперед, натягивая тяжелые цепи.

– Его будут бить, пока он не скажет имя, – мягко сказал Лоуфорду офицер, – а когда забудут насмерть, возьмутся за тебя.

Шарп перекатился на бок, но палач пнул его ногой, возвращая в прежнее положение.

– Прекратите! – крикнул Лоуфорд. – Вы не можете так поступать!

– Можем! – ответил офицер. – Сейчас ему начнут ломать кости, но только не спины. До нее дойдут потом. Боль будет нарастать. – Он снова кивнул, и на Шарпа посыпались удары.

На этот раз рядовому, как он ни старался, не удалось сдержать крик.

– Купец! – выпалил Лоуфорд.

Офицер поднял руку, и джетти остановились.

– Купец? Какой купец? В городе полно купцов.

– Он торгует скобяными изделиями. Больше я не знаю.

– Знаешь. – Кивок, шомпол взлетел в воздух.

– Рави Шехар! – выкрикнул Лоуфорд, проклиная себя за слабость, которая могла стоить жизни незнакомому человеку.

Смотреть, как Шарпа у него на глазах забивают насмерть, он не мог. Одно дело терпеть собственную боль, и совсем другое – наблюдать за тем, как человека превращают в кровавое месиво.

– Рави Шехар, – повторил офицер. – И как вы его нашли?

– Мы его не нашли. Мы не знали как! Собирались подождать, немного выучить язык и уже потом отправиться на поиски. Не успели.

Шарп стонал. Кровь стекала по бокам и капала на камни. Один из тигров надул у стены приличную лужу, и едкий, тошнотворный запах мочи распространился по двору. Офицер – на шее у него тоже висел золотой медальон – отошел к Типу, о чем-то поговорил с ним и вернулся к Лоуфорду:

– Что вы должны были сообщить Рави Шехару?

– Все, что узнали, – опустив голову, ответил лейтенант. – Об оборонительных сооружениях. Для этого нас и послали.

– И что вы узнали?

– Сколько у вас солдат, сколько орудий, сколько ракет.

– И все?

– А разве мало?

Офицер перевел ответы Типу. Султан пожал плечами, взглянул на Лоуфорда и достал из кармана желтой шелковой туники небольшой кожаный мешочек. Развязав шнурок, он шагнул к Шарпу и посыпал солью кровоточащую спину. Шарп едва не задохнулся от боли.

– С кем еще вы должны были связаться? – спросил офицер.

– Больше ни с кем. Поверьте, больше ни с кем, – жалобно добавил Лоуфорд. – Нам лишь говорили, что Рави Шехар сможет передать сообщение. Вот и все.

Типу верил пленнику. Боль и стыд ясно читались на лице англичанина. К тому же рассказанное им совпадало с тем, что уже знал и сам Типу.

– И вы не нашли Рави Шехара?

– Нет.

– Тогда посмотри. – Офицер указал на тигров. – Его скормили им. Несколько недель назад.

– О боже, – прошептал Лоуфорд, закрывая в отчаянии глаза. В какой-то момент его едва не стошнило, но он подавил рвотный позыв и открыл глаза.

Типу, подобрав с земли мундир, бросил его на залитую кровью спину.

Пару секунд султан стоял в нерешительности, не зная, стоит ли отдавать этих двоих на съедение тиграм сейчас или лучше немного подождать.

– Отведите их в тюрьму, – распорядился он.

Одно жертвоприношение уже изменило судьбу. Торопиться с другим не следовало. Типу знал, что судьба капризна, а потому пленников лучше приберечь до следующего раза. Когда понадобится отвратить несчастье или обеспечить победу, их убьют. А до тех пор пусть гниют в темнице.

Глава девятая

Тюрьма помещалась в одном из северных дворишков дворца, едва ли не под самой внутренней стеной. Двор пропах отходами до такой степени, что даже Шарп, следуя за Лоуфордом и чувствуя спиной острие штыка, невольно задержал дыхание, чтобы не расстаться с содержимым желудка. Место оказалось оживленным. В расположенных по периметру двора низеньких тростниковых лачугах обитали со своими семьями дворцовые слуги, рядом находились конюшни и огороженный загон, в котором содержались восемь гепардов. Последних Типу брал с собой, отправляясь охотиться на газелей. К месту охоты зверей доставляли в клетках на колесах, и поначалу Шарп подумал, что их с Лоуфордом поместят в такую же, но сопровождавший пленников солдат протопал мимо неуклюжих повозок и свернул к ступенькам, которые спускались к длинному и узкому открытому коридору, больше напоминавшему выложенную камнями траншею. В конце коридора обнаружилась окруженная высоким железным забором яма, охрану которой несли двое солдат. Один из них, сняв с пояса ключ, открыл замок размером с плод манго. Сопровождающий подтолкнул англичан к проходу.

Вооружена тюремная стража была не мушкетами, но свернутыми и заткнутыми за пояс хлыстами и старинными мушкетонами. Повинуясь молчаливому жесту тюремщика, Шарп и Лоуфорд спустились еще по одному лестничному маршу и оказались в другом, глухом каменном коридоре, по обе стороны которого помещались зарешеченные камеры. Всего их было восемь, по четыре с каждой стороны, и каждая отделялась от соседних и от центрального прохода лишь железными прутьями толщиной с кулак взрослого мужчины. Надзиратель сделал знак подождать, пока он откроет камеру, но замок то ли заржавел, то ли заупрямился. Ключ от другого затерялся. В дальней камере что-то заворочалось на соломе, потом глухо заурчало, и Шарп, присмотревшись, увидел, как со своей лежанки поднимается здоровущий тигр с бесстрастными желтыми глазами.

Из первой слева камеры тоже донесся шелест соломы.

– Посмотрите-ка, кто к нам пожаловал! – Не узнать голос сержанта Хейксвилла было невозможно. – Шарпи!

– Помолчите! – бросил ему Лоуфорд.

– Есть, сэр! Молчу, сэр! Как приказано! – Хейксвилл приник к железным прутьям, с удивлением взирая на пополнение. Лицо его привычно дергалось. – Молчу как могила, сэр, но только со мной тут никто и не разговаривает. Тот не желает. – Он кивнул в сторону противоположной камеры, с замком которой и возился сейчас надзиратель. – Ему нравится, чтоб было тихо, – не умолкал сержант. – Как в церкви. Только молитвы и бормочет. А здесь всегда тихо, сэр. Только ночью иногда эти черные орут один на другого. Паршивые ублюдки, иначе и не скажешь. Запах чуете, сэр? Как в сральне. – То ли от избытка чувств, то ли по какой другой причине нервный тик не оставлял Хейксвилла, а глаза его в полусумраке светились от радости и злобы. – Тошно тут без компании, сэр.

– Дрянь, – пробормотал Шарп.

– Тихо! Помолчите вы, – бросил Лоуфорд и, поблагодарив кивком открывшего наконец замок надзирателя, вошел в камеру. – Заходите, Шарп.

Лейтенант не без опаски ступил на грязную солому. Камера размером восемь на десять футов позволяла по крайней мере стоять в полный рост. Пахло здесь тоже не слишком приятно, но в любом случае не хуже, чем во дворе. Дверь захлопнулась. В замке повернулся ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.